

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (20)

2019

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.), по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
 - 08.00.14 «Мировая экономика»;
 - 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
 - 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».
- Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2019 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Аникин В.И. – д-р экон. наук
Гаврилова С.М. – канд. ист. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Каширина Т.В. – д-р ист. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Рудов Г.А. – д-р полит. наук
Сидорова Н.П. – канд. полит. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Яковенко А.В. О большевизме в мировой политике 6
Сидорова Г.М. Африка в мировой политике 11
Клауберг Р. Глобализация и технологическая эволюция: влияние на экономику и общество США 26
Мастепанов А.М. Основные тенденции и факторы развития мировой энергетики в 2010-е годы 40

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Зверева Т.В. Северо-Балтийская группа в меняющейся Европе 64
Гаврилова С.М. Кризис традиционных политических сил и рост популярности «политической альтернативы» в Европе 78
Зубович М. Пиранский залив: история и перспективы разрешения словенско-хорватского территориального конфликта 90
Нестеров А.К. Ключевые принципы имплементации американской стратегии сдерживания в области борьбы с терроризмом 99
Борисова Ю.М. Двустороннее сотрудничество России и Китая в энергетической сфере в условиях санкционной политики США 110
Колбачаева Ж.Е. Языковая политика – основное условие формирования национальной идентичности Казахстана 120
Качалова А.В. Основные этапы переговоров по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 134

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- Гришаева Л.Е. Как Черчилль воевал с Россией. Провал интервенции 145
Маслакова-Клауберг Н.И. Открывающийся всему миру Иран: историко-религиозное наследие 171

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Колосова И.В. «Водная одиссея» Центральной Азии 188
Закаурцева Т.А. V Международная научно-практическая конференция «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы» 197
К сведению авторов 206

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in “The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2019 r. – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vladimir Anikin, DSc (Economics)

Svetlana Gavrilova, PhD (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Tatiana Kashirina, DSc (History)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Georgy Rudov, DSc (Political Science)

Nadezhda Sidorova, PhD (History)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

Diplomatic Academy, MFA, Russia

www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors’ opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

**WORLD POLITICS
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

<i>Alexander Yakovenko</i> . Of bolshevism in global politics	6
<i>Galina Sidorova</i> . Africa in World Policy	11
<i>Rolf Clauberg</i> . Globalization and Technology Evolution: Impact on Economy and Society of the USA	26
<i>Alexey Mastepanov</i> . The Main Trends and Factors in the Development of World Energy in the 2010s	40

REGIONAL PROBLEMS

<i>Tatiana Zvereva</i> . Nordic-Baltic Eight (NB-8) in a Changing Europe	64
<i>Svetlana Gavrilova</i> . The Crisis of Traditional Political Forces and the Growing Popularity of the “Political Alternative” in Europe	78
<i>Marta Zubovic</i> . The Gulf of Piran: History and Potential Outcomes of a Territorial Dispute Between Slovenia and Croatia	90
<i>Alexey Nesterov</i> . The Specifics of the American Deterrence Strategy Implementation against Non-State Actors	99
<i>Yuliya Borisova</i> . Bilateral Cooperation of Russia and China in Energy Sector in Term of UA Anti-Russian Sanctions	110
<i>Zhanar Kolbachayeva</i> . Language Policy- the Main Condition for the Formation of National Identity of Kazakhstan	120
<i>Alexandra Kachalova</i> . Main Phases of Negotiations on Convention on the Legal Status of the Caspian Sea	134

HISTORY AND RELIGION

<i>Lidiya Grishaeva</i> . How Churchill Fought with Russia. Failed Intervention	145
<i>Natalia Maslakova-Clauberg</i> . Iran Opening up to the World: Historical and Religious Heritage	171

ACADEMIC LIFE

<i>Irina Kolosova</i> . The Central Asia Water Odyssey	188
<i>Tatiana Zakaurtseva</i> . V International Scientific-Practical Conference «Transformation of International Relations in the XXI Century: Challenges and Prospects»	197
Notice to the authors	206

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Яковенко Александр Владимирович,

доктор юридических наук, профессор,
Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Великобритании
E-mail: secretariat@rusemb.org.uk

Alexander V. Yakovenko,

Doctor of Law, Professor,
Ambassador of Russia to the United Kingdom
E-mail: secretariat@rusemb.org.uk

О БОЛЬШЕВИЗМЕ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ OF BOLSHEVISM IN GLOBAL POLITICS

Аннотация: в статье рассматривается эволюция главных событий мировой политики, которые определяли взаимодействие государств на международной арене. Одним из ключевых событий стало создание системы коллективной безопасности – Организации Объединенных Наций (ООН). Организация должна была действовать на основе норм международного права, кодифицированных в Уставе ООН. На протяжении десятилетий ООН была востребована в мировой политике, доказав свою жизнеспособность. Организация оперативно реагировала на возникающие кризисы, занималась предотвращением конфликтов, а также другими вопросами, касающимися проблем развития, прав человека, изменения климата, сохранения культурного наследия и биоразнообразия.

Несмотря на достигнутые успехи и положительную роль ООН, в последнее десятилетие представители Запада стремятся трансформировать организацию. Ставится вопрос о новом миропорядке, в основе которого должно находиться не международное право, а некие правила, которые они формулируют сами под конкретные международные ситуации. Это свидетельствует о том, что современная система международных отношений потеряла для стран Запада привлекательность. Они пытаются навязать диктат «большинства», которое связано между собой союзнической дисциплиной. Подобные устремления подкрепляются не только риторикой администрации Д. Трампа, но и конкретными действиями. Среди них: выход из договоров по контролю над вооружениями и универсальных международных организаций и соглашений (ДРСМД, ЮНЕСКО, СПЧ, ДВЗЯИ, Парижское соглашение по климату).

Политика Запада ставит задачу формирования системы международных отношений, в основе которой будут находиться нигде не зафиксированные положения, отвечающие интересам лишь нескольких государств. Подобная политика нужна лишь для одного – прикрывать односторонние действия, направленные на вмешательство в дела суверенных государств.

В статье приводятся многочисленные примеры «новой» политики Запада, который стремится навязать свою концепцию миропорядка другим государствам. Подобные действия нарушают принцип универсальности, подрывают легитимность и эффективность соответствующих международных структур и инструментов; одновременно фактически вынуждают другие страны мира реагировать на откровенное давление, тем самым порождая нестабильность и конфликтность в мировой политике.

Ключевые слова: международные отношения, миропорядок, международные организации, международное право, Организация Объединенных Наций.

Abstract: the article discusses the evolution of the main events of world politics, which determined the interaction of States in the international arena. One of the key events was the creation of the collective security system – The United Nations (UN). The organization had to act on the basis of international law, codified in the UN Charter. For decades, the UN has been in demand in world politics, proving its viability. The organization was quick to respond to emerging crises, conflict prevention and other issues related to development, human rights, climate change, cultural heritage and biodiversity.

Despite the successes achieved and the positive role of the UN, in the last decade, representatives of the West are trying to transform the organization. The question is raised about a new world order, which should be based not on international law, but on certain rules that they formulate themselves and for specific international situations. This shows that the modern system of international relations has lost its appeal to the West. Western countries are trying to impose the dictatorship of the “majority”, which is connected with each other by allied discipline. Such aspirations are supported not only by the rhetoric of the Trump administration, but also by concrete actions. Among them: withdrawal from arms control treaties and universal international organizations and agreements (INFRA, UNESCO, HRC, CTBT, Paris climate agreement).

The policy of the West is seen as the task of forming a system of international relations, which will be based on nowhere fixed provisions that meet the interests of only a few States. Such a policy is needed only to cover up unilateral actions aimed at interfering in the affairs of sovereign States.

The article provides numerous examples of the “new” policy of the West, seeks to dictate its concept of world order to other States. Such actions violate the principle of universality and undermine the legitimacy and effectiveness of the relevant international structures and instruments. At the same time, they are actually encourage other countries of the world to respond to frank pressure, thereby creating instability and conflict in world politics.

Key words: international relations, world order, international organizations, international law, United Nations.

Как известно, события Первой и Второй мировых войн побудили участников антигитлеровской коалиции к поиску глобального механизма, способного обезопасить человечество от повторения столь масштабных трагедий. Было общее понимание того, что его основными задачами должны стать поддержание и укрепление международного мира и безопасности совместными усилиями, а также развитие подлинно равноправного сотрудничества между всеми государствами на всеобщее благо.

Результатом таких усилий государств-победителей стало создание уникальной глобальной системы коллективной безопасности – Организации Объединенных Наций (далее – ООН), в которой роль «справедливого судьи» на мировой арене была отведена Совету Безопасности. Его работа основывается на общепризнанных нормах международного права, кодифицированных в Уставе ООН, а принимаемые им решения обязательны для всех стран – членов Организации. В последующие десятилетия, причем даже в условиях идеологической конфронтации, ООН в качестве несущей конструкции всей международной системы доказала свою востребованность и незаменимость, оперативно реагируя на возникающие кризисы, предотвращая конфликты и занимаясь – в соответствии с требованиями

времени – куда более широким кругом вопросов, будь то проблемы развития, права человека, сохранение культурного наследия и биоразнообразия или изменение климата.

В последнее время, однако, мы становимся свидетелями того, как представители стоявшей у истоков ООН Великобритании, как и ряда других стран, в публичных выступлениях всё чаще апеллируют к новому термину – пресловутому «миропорядку, основанному на правилах».

В чем заключаются эти самые «правила», нам по-прежнему отказываются объяснить. Это вполне логично, поскольку изобретаются они под каждую конкретную ситуацию и, следовательно, не имеют универсального значения и применения. При этом наши западные коллеги не скрывают, что в их понимании международное право – это нечто, требующее универсального согласования, а постулаты «основанного на правилах миропорядка» они вольны формулировать сами. Именно поэтому потеряла для них былую привлекательность существующая система международных отношений, на смену которой они пытаются протащить диктат предполагаемого большинства, сердцевиной которого являются западные страны, связанные между собой союзнической дисциплиной. Своего рода большевизм в мировой политике?

Ничто не свидетельствует столь ярко о сути происходящего, как риторика и дела администрации Д. Трампа. Это – выход из договоров по контролю над вооружениями и универсальных международных организаций и соглашений, будь то ДРСМД, ЮНЕСКО, СПЧ, ДВЗЯИ, Парижское соглашение по климату и многое другое. За себя говорит сам выбор слов – отказ от международных обязательств (*international entanglements*) – того же Джона Болтона, заимствующего британскую лексику политики «блестящей изоляции» (известно, к чему привело стремление Лондона держаться в стороне от всего обязывающего в европейских делах – так называемых *europcan entanglements*).

Фактически имеется в виду некая система неcodифицированных и нигде не прописанных положений, идущих вразрез с принципом поиска коллективных решений и отвечающих узкокорыстным интересам нескольких столиц. Одновременно такая квазизаконность должна служить прикрытием их односторонних действий, предполагающих, в том числе, вмешательство в дела суверенных государств. В результате оказывается бесцеремонное давление на другие страны (включая те, которых сами англичане называют «союзниками»), уже не говоря о ничем не прикрытой агрессии против «неудобных ре-

жимов» и «стран-изгоев». Получается некая неписаная конституция, отрицающая Устав ООН и сам принцип универсальности международных норм поведения.

История учит тому, что такие подходы во внешней политике приводят лишь к расшатыванию основ всей системы глобального управления, и без того находящейся, по оценкам самих западных экспертов и политиков, под угрозой хаотизации и полного коллапса. Или по-моему, или «После меня хоть потоп» (*Après moi le déluge*)? За примерами далеко ходить не нужно. Для нас точкой отсчета в череде актов вопиющего произвола западного альянса являются натовские бомбардировки Югославии в 1999 г. Мы прекрасно помним, как все западные страны, входящие в число постоянных членов Совета Безопасности ООН (Великобритания, США, Франция), при поддержке Канады и Нидерландов выступили за применение силы в отношении Белграда, а встретив возражение со стороны России и Китая, пошли по пути односторонней агрессии против суверенного государства. Трагические последствия той преступной авантюры продолжают лежать тяжким бременем на всей глобальной и евроатлантической политике по сей день.

Следующими наиболее вопиющими актами попрания международного правопорядка стали вторжение в Ирак и военная интервенция в Ливии. В первом случае США совместно с союзниками действовали не обладая соответствующей санкцией со стороны СБ ООН, во втором – они подвергли «расширительной трактовке» четкие формулировки резолюции Совета Безопасности, предполагавшей создание над Ливией «бесполетной зоны», а не бомбардировку наземных правительственных сил авиацией НАТО.

Страны Запада не останавливаются на «достигнутом». С попытками пренебрежительного отношения к международному праву мы столкнулись в ходе сирийского конфликта, когда Соединенные Штаты и их единомышленники поспешили объявить законно избранный президент Сирии Б. Асада «утратившим легитимность», а потерпев неудачу, чинят всяческие препятствия на пути постконфликтного восстановления страны. Схожие бесцеремонные подходы применяются и в отношении венесуэльского лидера Н. Мадуро, которому западники подобрали замену в лице Х. Гуайдо и открыто его поддерживают, пытаясь апеллировать к венесуэльским военным.

Предпринимаются попытки навязать «миропорядок, основанный на правилах», деятельности отдельных международных многосторонних организаций. Весьма показательная ситуация сложилась

в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), где под давлением группы западных стран была предпринята попытка наделить Технический секретариат ОЗХО исключительными полномочиями СБ ООН по определению виновных в применении химических веществ. Не стал исключением и Совет Европы: в нарушение закрепленного в его Уставе принципа равноправия всех стран-членов группа депутатов из Парламентской ассамблеи инициировала лишение России полномочий в этой структуре. Под угрозой находятся фундаментальные международные соглашения в сфере нераспространения – Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе.

Это лишь наиболее яркие примеры ловкого применения западными правительствами выдуманной ими концепции «миропорядка для нашего времени». Всё, что нарушает принцип универсальности, подрывает легитимность и эффективность соответствующих международных структур и инструментов. Односторонние действия одних вынуждают к одностороннему реагированию других. Кто от этого выиграет? Вот почему большинство стран отвергают этот закамуфлированный диктат, продолжая верить в незаменимость механизмов действующей системы международных отношений, основанной на положениях международного права. Существующие в современном мире конфликты и противоречия возможно урегулировать только с опорой на неукоснительное соблюдение универсальных международно-правовых норм, отсутствие которых уже дорого обошлось человечеству в прошлом веке.

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук,
Московский государственный лингвистический университет,
Дипломатическая академия МИД России,
Институт Африки РАН, Москва.
E-mail: gal_sid@mail.ru

Galina M. Sidorova,

doctor of Political Science (Dr. Habil),
Moscow State Linguistic University,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Institute for African Studies, Moscow.
E-mail: gal_sid@mail.ru

АФРИКА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

AFRICA IN WORLD POLICY

Аннотация: цель данного исследования состоит в анализе и оценках современных политических процессов африканских стран, их позиции по ключевым международным проблемам, а также роли в обеспечении мировой экономики природным сырьем. Африканские страны участвуют в мировых политических и экономических процессах, а их лидеры все чаще выступают с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, отстаивая свои интересы. Намечилась активизация африканских государств и в других международных организациях. Используя методы ивент-анализа, сравнительной политологии, а также анализа и синтеза, автор показывает, что африканские страны играют важную роль в ресурсном обеспечении стратегических и инновационных технологий Европы, Америки и стран Востока. В работе отражено взаимодействие России и Африки. Российское содействие осуществляется в русле общих усилий международного сообщества по обеспечению международной безопасности и устойчивому развитию стран с отсталой экономикой и низким социальным уровнем. Автор приходит к выводу о необходимости расширения многовекторного сотрудничества с африканскими странами для раскрытия потенциальных возможностей участников политического процесса.

Ключевые слова: Африка, Россия, политический процесс, международные отношения, военное сотрудничество, полезные ископаемые, ООН, миротворчество.

Abstract: The purpose of the research consists in analysis and evaluation of modern political processes of African countries, their stances on key international issues and their role in providing the world economy with natural resources. The African countries are taking part in world political and economic processes and the countries leaders are more frequently making speeches in the UN General Assembly, defending the interests of their nations. It looks like African countries are becoming more active in other international organizations as well. With the help of event-analysis, comparative political science as well as analysis and synthesis it has been demonstrated that the countries of Africa play an important role in resources supply for strategic and innovative technologies of Europe, America and Oriental countries. The cooperation of Russia and Africa is reflected in this work. Russian assistance is rendered in the course of joint efforts of international community towards the provision of international security and sustainable development of socially and economically underdeveloped countries. The author draws a conclusion that it is indispensable to extend diversified cooperation in order to unleash the potential opportunities for members of political process.

Key words: Africa, Russia, political process, international relations, military cooperation, natural resources, UN, peacekeeping.

Образ современной Африки

За годы независимости, если точкой отсчета считать 1960 г., африканские страны значительно изменились. Во многих из них прошли демократические выборы, построена вертикаль власти, у власти находятся легитимные президенты. В таких странах, как Танзания, Гана, Нигерия, Мозамбик, Сенегал, Демократическая Республика Конго, в рамках конституции проходят выборы президентов и высших законодательных органов. В условиях формирования нового мирового порядка государства африканского континента постепенно включаются в мировые политические и экономические процессы. Африканским странам принадлежит примерно четверть мест в ООН, 30% – в Организации Исламская конференция. Представители государств континента занимают активную позицию по важным вопросам современности и в других международных организациях. Африка объявлена безъядерной зоной.

Важную роль африканские страны играют в ресурсном обеспечении стратегических и инновационных технологий Европы, Америки и стран Востока. Африка – один из богатейших континентов, обладает огромными запасами промышленного сырья. Эта часть света становится все более весомой детерминантой для обеспечения мировой экономики природным сырьем. Африканский континент часто сравнивают с таблицей Менделеева. На долю Африки приходится большая часть мировых запасов востребованных современной промышленностью минералов и редкоземельных металлов: 97% меди, 80% колтана (тантало-колумбитовая руда), 57% золота, 20% железа, 23% урана и фосфатов, 32% магния, 41% ванадия, 49% платины, 60% алмазов, 1% нефти [2]. Большое значение приобретает и природно-ресурсный потенциал, включая биоразнообразие, наличие пригодных для сельского хозяйства земель и пресной воды. По прогнозам, начиная с 2030-х гг., Африка превратится в главный и почти эксклюзивный по важности глобальный стратегический резерв источников сырья. Речь в первую очередь идет о тех его видах, которые имеют военно-стратегическую значимость и незаменимы в оборонных и инновационных технологиях XXI в. Уже сейчас по некоторым видам цветных и редких металлов, без использования которых технологически невозможен выпуск, например, авиационных двигателей бомбардировщиков дальней авиации, зависимость военно-промышленного комплекса США от импорта из некоторых стран Африки южнее

Сахары (ДР Конго, Зимбабве) превышает 50%, а по кобальту – 75% [2].

Африка обладает значительным энергетическим потенциалом, включая топливные и гидроресурсы. Перспективным является развитие атомной и солнечной энергетики, а также производство биотоплива. Многие африканские страны объявили развитие возобновляемой и альтернативной энергетики приоритетной сферой экономического развития. Так, Египет планирует увеличить долю производства электроэнергии из возобновляемых источников с 12% в 2015 г. до 20% в 2020 г.

Африканские страны производят около 1,5 млн т какао, 1,5 млн т хлопка, более 1 млн т кофе, другие продукты тропического и субтропического земледелия, древесину твердых и ценных пород. Континент располагает большими возможностями для всестороннего раскрытия своего потенциала, для его превращения в зону успешного и взаимовыгодного международного партнерства.

Кроме того, Африка является «стабилизатором» окружающей среды. Африканские леса, которыми покрыта большая часть континента, считаются вторыми «легкими» планеты после рек и лесов Амазонки. Уникально и культурное наследие многочисленных этносов, населяющих обширное пространство континента. Фольклор, обычаи и традиционная культура все больше привлекают внимание исследователей в области культурологии.

Вместе с тем Африка (за исключением Южно-Африканской Республики) – экономически наиболее отсталая часть мирового хозяйства, что является наследием более чем векового колониального прошлого. Сбросив колониальное иго, африканские народы оказались в сложной ситуации. Необходимо было найти собственный путь развития, выработать принципы социально-политического устройства, при которых возможно объединить население, обеспечить стабильность и экономическое развитие. Африка занимает первое место в мире по неграмотности, здесь самая высокая детская смертность и самая низкая продолжительность жизни. Отличительная черта многих африканских стран – крайняя бедность населения. Число людей, живущих на один доллар в день, исчисляется сотнями миллионов. Большая часть африканского населения не имеет доступа к медицинскому обслуживанию, чистой питьевой воде, отсутствует электричество. Остается сложной эпидемиологическая ситуация. Каждый год малярия убивает примерно 1 млн жителей, в основном детей в возрасте до пяти лет.

Особенности политической модернизации африканских государств

Как правило, различают три фактора, влияющие на политические процессы в Африке, – исторические, внешние и внутренние. Исторический фактор кроется в колониальном прошлом народов. Отставание Африки было заложено политиками Великобритании, Франции, Португалии, Германии, Бельгии и Испании, которые поделили между собой Черный континент, грубо изменив его картографию еще на Берлинской конференции в 1885 г. В доколониальную эпоху основной формой этнической общности было племя. Оно имело собственную территорию, естественные межплеменные границы (реки, озера или горы) и свои пастбища. С приходом колонизаторов принудительно создавались территориальные объединения, а затем государства, гетерогенные по этническим, социальным, историческим и культурным признакам. В результате колониальное государство стало напоминать искусственное объединение с многообразием этносов, религий, языков и культурных традиций. Это неизбежно приводило к конфликтам между различными африканскими общинами [18].

Африка долгие годы оставалась сырьевым придатком Европы. В начале XX века из заморских стран вывозили каучук, получивший название «красный» (по цвету крови) из-за гибели рабов на каучуковых плантациях. Позднее появился термин «кровавые алмазы», а в XXI веке «кровавым» стали называть востребованный компьютерной техникой и высокими технологиями колтан (природный сплав колумбита и танталита).

С обретением независимости противоречия между этносами не были стерты, а в некоторых субрегионах обострились. Добавились и внешние факторы негативного воздействия. Африканские государства стали жертвами интервенций со стороны западных стран, в первую очередь бывших метрополий. Так, в 1960-е гг. во внутренние дела ДР Конго (тогда – Республики Конго) вмешивались Бельгия, Франция и США.

Во время «холодной войны», в условиях биполярной системы международных отношений, Африка была практически разделена на два лагеря: социалистической и капиталистической ориентации. Африканские страны стали заложниками политики великих держав, которые реализовывали свои интересы на континенте, при этом фактически игнорируя проблемы коренных народов. Вступая в межэтнические и иного рода столкновения, африканцы больше проигрывали,

чем выигрывали, если говорить об их движении к прогрессу и стабильности.

Начиная с 1990-х гг., в условиях становления нового мирового порядка, ситуация осложнилась другими проблемами. Окончание «холодной войны» и снижение интереса великих держав к Африке не дали ей положительных результатов, наоборот, обострились внутренние и региональные противоречия. В 1990-е гг. военные действия велись на территории более чем полутора десятков африканских государств. Большие потери и разрушения эти конфликты принесли Анголе, Эфиопии, Либерии, Сьерра-Леоне, Мозамбику, Сомали, Чаду, Мавритании, Сенегалу, Западной Сахаре, Судану, Мали, Уганде, Бурунди, Руанде. В начале третьего тысячелетия военные действия активизировались между Эфиопией и Эритреей, возникали новые очаги напряженности в Центральноафриканской Республике, Нигере, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Чаде, на Мадагаскаре. Центральная Африка погрузилась в кризис, охвативший страны, расположенные во всех частях континента: ЮАР, Намибия и Зимбабве – на юге; Ливия, Чад, Судан, Центральноафриканская Республика – на севере. Более того, появились новые антагонистические альянсы: с одной стороны, ДР Конго, Зимбабве, Намибия, Ангола, с другой – Уганда и Руанда. Это противостояние привело к кровопролитной войне в центре Африки (1998–2003 гг.), эпицентром которой была ДР Конго. Этот вооруженный конфликт получил название Первой мировой африканской войны, в результате которой только в ДР Конго погибло более 5 млн человек [16]. Усилилась напряженность в районе Великих африканских озер, куда входят: ДР Конго, Руанда, Уганда, Бурунди, Кения, Танзания. В Руанде за один месяц 1994 г. в процессе геноцида по отношению к народности тутси со стороны хуту было убито, согласно официальной оценке, 937 тыс. человек, в подавляющем большинстве – тутси [7].

В 2019 г. остаются неразрешенными проблемы Судана (Дарфур), Сомали, востока ДР Конго и района Великих африканских озер. Для преодоления их последствий потребуется еще много времени, причем вероятность конфликтов явной или латентной конфронтации остается высокой. Именно поэтому задачи поддержания мира и безопасности на континенте не сходят с повестки дня ООН, Афросоюза, а также других международных и региональных организаций.

Для понимания политических процессов, происходящих в африканских государствах, а также их интеграции в мировые процессы важно иметь представление об особенностях политического раз-

вития отдельных стран и их идентичности. Глобальная перестройка международных и мирохозяйственных отношений застигла Африку, не готовую к решению проблем современности, врасплох. В условиях стремительной трансформации мирохозяйственных и международных отношений африканцам приходится решать свои проблемы стремительно, минуя те фазы общественного развития, которые остальной мир уже прошел. Кроме того, африканцы вынуждены находить компромиссы для выживания в условиях клановой борьбы, войн различного происхождения, жестоких схваток «партнеров» за источники сырья, военных и гражданских конфликтов и, как следствие всего этого, гуманитарных катастроф. В силу этих обстоятельств интеграция африканских государств в мировые процессы происходит медленными темпами, акцент больше делается на континентальном и региональном сотрудничестве.

Многие ученые склоняются к тому, что от Африки нельзя «требовать» скорых преобразований. Важно, чтобы произошла «ментальная деколонизация африканцев», как отмечает в своем труде ивуарийский ученый в области политэкономии Н. Агбоу [15, с. 215]. В соответствии с эволюционной теорией быстрого и медленного развития Африку надо относить, скорее, ко второму, чем к первому типу.

Для понимания сложности этнополитических противоречий в африканском обществе показательны современные отношения между группами этносов на государственном уровне. В некоторых странах запрещено создавать партии по этническому признаку, хотя негласно это происходит именно по такому принципу (например, в ДР Конго). В этой связи еще велика роль традиционных вождей, которые занимают высокие посты во властных структурах. Они узнаваемы по особым приметам (шапочка из шкуры леопарда, символ власти в виде жезла из слоновой кости и другие), их уважают и почитают в рамках определенного клана или этноса. При этом попытка классифицировать политических деятелей на «традиционных» и «новых» рассматривается как искусственная и ни к чему не приводит [17, с. 117]. Традиционная власть постепенно сливается с государственной, и ее нельзя рассматривать как параллельную структуру. Она не существует вне административной государственной системы. Тем не менее традиционным вождям, которым местное население доверяет больше, чем центральной власти, приходится отстаивать свою «законность», а иногда и вступать в конфликты с государственными чиновниками.

Стартовые модели демократии западных образцов, которые африканские государства (например, Кот-д'Ивуар, Бурунди, ДР Конго)

восприняли благодаря активной пропаганде и «помощи» Запада, часто не «работают» [14, с. 119]. Сказываются незрелость политических элит, отсутствие демократических традиций и практического опыта, а также внутрипартийные и межпартийные трения на этнической основе. В результате демократия зачастую приводит к авторитарности и тоталитаризму. Как часто ни приходилось бы цитировать Ф.Д. Рузвельта, но выведенная им формула «нужда и свобода несовместимы» пока остается актуальной для многих африканских стран [12]. Либеральная демократия, которую пропагандирует Запад, значительно отличается от традиционных африканских институтов, и это подтверждают сами африканцы. По некоторым признакам развития Африка скорее ближе к странам Латинской Америки, нежели к Европе [4]. Если раньше говорили о колониальных методах вмешательства, потом о неоколониальных, то сейчас, скорее, речь идет о «демократическом колониализме» в Африке. Этот термин впервые употребил академик Н.Я. Петраков [10]. Западная политическая концепция состоит в том, что такая форма экспорта демократических ценностей не только допустима, но является доминирующей (вплоть до военного вмешательства – Ирак и Афганистан). Эта концепция провозглашает новую разновидность колониализма – демократический колониализм. Формы демократического колониализма достаточно просты, хотя могут варьироваться в соответствии со спецификой той или иной страны в политической, правозащитной или экономической сферах. По сути, тотальный экспорт демократии в условиях нового передела мира не приводит к реальной демократии. Помимо этого, правящие элиты африканских государств за время независимости превратились в антигосударственные бюрократические группировки, системно расхищающие общественные ресурсы через государственные и полугосударственные компании, правительственные и общественные организации.

Западные и восточные партнеры Африки должны меньше оказывать давление на ее государственных деятелей с тем, чтобы государства континента могли как можно быстрее встать на «рельсы» демократии. Соответственно местные соперничающие группировки не смогут надеяться на помощь извне, и, возможно, появятся шансы на то, что на смену гражданским войнам придут компромиссы и мир. Лучший метод способствовать прогрессу Африки на пути демократии – это проводить стратегию параллельных путей. Во-первых, это позволило бы африканским народам найти собственный путь развития, прививая у себя демократию и терпимость; во-вторых, использовать опыт более благополучных государств, применяя при этом все имеющиеся зна-

ния, ресурсы и институты (неправительственные организации, церкви, агентства развития) для сотрудничества с африканскими единомышленниками по восстановлению проблемного континента.

Нескончаемая волна кризисов в политической, экономической и социальной сферах разных стран принесла в общественно-политическую и научную лексику понятие failed state – «несостоявшееся, неудавшееся государство». Именно в таком контексте чаще всего фигурируют африканские страны. Но было бы неверным выносить «приговор» Африке. Должно пройти гораздо больше времени, чтобы политические, а вместе с ними и другие эволюционные процессы приобрели устойчивый характер на континенте. Для прогресса Африки нужны не революционные, а, скорее, эволюционные преобразования. При этом важно сохранить и развить имеющийся потенциал традиций. Африка должна найти свои способы управления конфликтами, их предупреждения или прекращения, к примеру через региональные организации. В противном случае ей не справиться с лавиной обрушивающихся на нее проблем даже при поддержке международных институтов. Их помощь, помимо ряда плюсов, имеет и минусы: укрепляются иждивенческие настроения в африканском обществе, в результате продолжают процветать такие опасные формы организации власти, как клептократия, лутократия и плутократия [3].

Несмотря на проблемы, африканскими государствами за полвека независимости сделан колоссальный рывок вперед в политическом развитии. Выросла и окрепла политическая элита, получившая образование в странах Европы и Америки, сократилось число диктаторских и военных режимов, совершенствуются методы государственного управления. Стабильно идет демократический процесс, сопровождаемый регулярной легитимной сменой высшего руководства. Необходимо также отметить смелое решение некоторых африканских правительств о переносе своих столиц из прибрежных районов (как это было при колонизаторах) в глубинные районы страны (Абуджа в Нигерии, Додома в Танзании, Ямусукро в Кот-д'Ивуаре).

Вооруженные конфликты в Африке и международная безопасность

На фоне позитивных перемен в Африке нередко возникают вооруженные конфликты. Они носят этнический, религиозный характер, возникают из-за территориальных споров или в результате кла-

новой борьбы за власть. Какими бы ни были причины конфликтов, их отрицательные последствия огромны: наносится невосполнимый ущерб экономике, санитарии, культуре, образованию, политической и гуманитарной сфере, деградирует экологическая система, растет беспризорность и преступность. Бороться с конфликтами непросто, а некоторые эксперты даже считают, что они неизбежны. Так, по мнению политолога Р. Дарендорфа, который создал «конфликтную модель общества», конфликты являются рядовой, а потому «нормальной» формой общественного развития в любой данный исторический момент» [9, с. 17].

Один из самых старых типов конфликтов в Африке – межэтнический. Межэтнические конфликты, в традиционном их понимании, являются главным компонентом общей конфликтности на африканском континенте. Их можно рассматривать под углом этнополитических противоречий, борьбы за власть и природные ресурсы. Часто участники такого конфликта, которые на деле представляют интересы определенной этнической группы или ее элиты, борющейся за власть и монопольное владение ресурсами, мотивируют свои действия борьбой за интересы всей нации. В сельских районах наблюдается контроль определенного этноса над какой-либо сельхозпродукцией или торговлей, а в городах формируются очаги мигрантов по этническим признакам.

Межэтнические конфликты нередко перерастают в вооруженное противостояние, как, например, это происходило и происходит в Судане, Кот-д'Ивуаре, ДР Конго, Руанде. Кроме того, почти для всех африканских стран характерны вялотекущие конфликты, опасные с точки зрения не только локальной дестабилизации, но и угрозы безопасности для всей страны. Они могут длиться многие годы, угасая или внезапно вспыхивая. Как отмечает американский ученый Д. Смит, в этих конфликтах редко случаются такие яркие события, как победы, триумфы или катастрофы [13]. Они именно тянутся, терзая всех, кто к ним причастен, а в момент эскалации создается впечатление, что конфликт возникает на пустом месте. Когда столкновения происходят спонтанно и развиваются по принципу снежного кома, уловить логику происходящего практически невозможно. В ход пускаются мачете (сельскохозяйственные ножи), другое холодное оружие, и участники жестоко истребляют друг друга. Такой была резня в Руанде в 1994 г.

Тяжелые последствия имеют военные действия незаконных вооруженных формирований (НВФ). Они вступают в столкновения

с частями регулярных армий, терроризируют местных жителей, безнаказанно их грабят, отбирают скот и продовольствие, насилюют и убивают. Нередко сжигаются дотла целые деревни с их жителями. Подобная ситуация сохраняется и по сей день в восточных провинциях ДР Конго. Эти районы, самые богатые полезными ископаемыми, контролируются НВФ как местного, так и иностранного происхождения. Их число колеблется в пределах от 50 до 70, причем все они имеют патриотические названия типа «За конголезскую нацию», «Демократический союз освобождения Руанды» и т.д.

Территориальные конфликты, как правило, распространены в наднациональных приграничных зонах, которые образовались вследствие потери государством контроля над частью своей территории. Такие конфликты спровоцированы на приграничных территориях между Нигерией и Ганой и их франкофонскими соседями; в восточных районах ДР Конго, где особо активизирована торговля или бартер (например, обмен алмазов и золота на оружие для повстанцев). Появление этих зон создает благоприятную почву для привлечения к боевым операциям детей, эксплуатации детского труда, рабства, самосуда над непокорными. Местные власти предпочитают не вмешиваться в насильственные действия боевиков. Опасность появления транснациональных зон состоит также и в том, что там находится неучтенное число нелегалов, работающих в цепочке – от добычи ценного сырья до его сбыта за рубеж. Они не ограничиваются одним государством, организуют подпольные сети в сопредельных с другими странами районах, тем самым создавая обширные зоны нестабильности. Так, конфликт на восточной границе ДР Конго (1998–2003 гг.) дестабилизировал всю Центральную Африку, втянув ее в интернациональную войну, а конфликты в Либерии и Сьерра-Леоне распространились на всю Западную Африку.

Борьба за контроль над сырьевыми ресурсами в зонах их добычи часто сопровождается конфликтами и опустошительными войнами, приводит к гибели людей и гуманитарным катастрофам. Это – ресурсный тип конфликтов. Незаконная эксплуатация природных ресурсов является источником обогащения как мировых мультинациональных корпораций, так и узкого круга местной политической элиты и военных. Например, ДР Конго концентрирует весь комплекс проблем, связанный с происхождением конфликтов в Центральной Африке. Именно в этой африканской стране остро стоит вопрос, связанный с незаконной эксплуатацией ее природных ресурсов соседними странами – Руандой, Угандой и Бурунди. Имея скудные собственные

ресурсы, эти страны незаконно эксплуатируют конголезские недра. Ценные минералы и металлы уже давно задействованы на экономику этих стран. Более того, ситуация становится трудноразрешимой в силу того, что часть доходов, получаемых от реализации контрабандного сырья, идет на закупку оружия, предназначенного для поддержки боевиков. При этом, например, алмазы выступают в роли эквивалента или «твердой валюты». Нелегалы переправляют за границу дорогостоящие и компактные алмазы, получившие название «конфликтных» или «кровавых», в обмен на оружие, амуницию и боеприпасы. Причем это вполне современное снаряжение, включающее как легкое стрелковое оружие, так и тяжелую боевую технику.

Геополитики относят рассмотренные конфликты к категории «гибридных войн». Они не ограничены во времени, не имеют настоящих «фронтов» и с трудом поддаются какой-либо статистике. В то же время подобного рода противостояния создают условия для сепаратизма и государственных переворотов.

Ликвидация очагов конфликтов или их урегулирование в Африке является первостепенной задачей мирового сообщества. Большая роль в этом принадлежит миротворческим силам ООН. Одна из самых крупных по численности контингента – Миссия ООН по поддержанию мира в ДР Конго (МООНСДРК) – насчитывает более 20 тыс. человек. Одновременно это и одна из самых затратных организаций: ее бюджет составляет более 1 млн долларов в год. В Миссии задействованы военнослужащие преимущественно из африканского и азиатского регионов, включая ЮАР, Марокко, Тунис, Бенин и Сенегал, а также Индию и Пакистан. В задачи МООНСДРК входит защита мирного населения и сопровождение процессов демократического строительства в Республике. При этом полномочия «голубых касок» до недавнего времени были строго ограничены самообороной и эвакуацией населения во время столкновений. Для повышения эффективности и в ответ на обвинения в «инертности» миротворцев Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1756, в соответствии с которой были расширены функции этой Миссии. В первую очередь, это коснулось силовой поддержки вооруженных сил страны в совместных операциях на востоке в целях разоружения и демобилизации иностранных и конголезских НВФ, а также обучения офицерских кадров для национальной армии.

Кризисные ситуации провоцируют бесконечные потоки беженцев и внутреннее перемещение лиц, рекрутирование боевиками в свои ряды детей и подростков, сексуальное насилие, самосуды боевиков

над мирным населением и всеми, кто оказывает им сопротивление. От их разбоя и произвола гражданское население спасается в лесах, где часто гибнет, или мигрирует в соседние страны. Десятки тысяч беженцев переживают настоящую гуманитарную катастрофу. В этой связи, как правило, увеличивается число «палаточных городков» – лагерей беженцев.

Российско-африканское сотрудничество

В российском научном экспертном сообществе утвердилось мнение о том, что Россия «упустила» Африку [1]. Тяжелые годы перестройки стали губительными для российско-африканских отношений. Политический капитал и политические дивиденды, которые формировались десятилетиями, были потеряны в одночасье. С исчезновением полярности интересов между Россией и США Африка осталась без испытанного временем надежного партнера в лице нашей страны.

Во втором десятилетии XXI столетия, несмотря на определенное дистанцирование России от Африки, наблюдается позитивная динамика российско-африканских отношений. В отличие от 1990-х гг., когда Россия практически «ушла» с африканского континента, стала заметна активизация контактов с африканскими политическими деятелями. Регулярные контакты осуществляются с политическими лидерами арабских стран Магриба [6, 7], налаживаются отношения со странами южнее Сахары. Решительный поворот России в сторону Африки подтвердили переговоры в Кремле 15 января 2019 г. между Президентом В.В. Путиным и его коллегой из Зимбабве Эммерсоном Мнангагвой, который находился в Москве с официальным визитом. Лидер Зимбабве особо подчеркнул существующие исторические связи между двумя странами, а также помощь, оказанную в период борьбы за независимость, в том числе обучение военных специалистов [11].

На регулярной основе осуществляются консультации с африканскими партнерами по линии внешнеполитических ведомств. Переговоры, проведенные с политическими деятелями африканских государств, и их итоговые документы свидетельствуют о том, что поддержание взаимовыгодных российско-африканских политических, торгово-экономических, военно-технических и культурных связей весьма перспективно, масштабно и значимо для обеспечения национальных интересов России и в самом регионе, и на международной арене в целом. Взаимодействие с этой, пожалуй, главной ин-

теграционной системой африканского континента важно для России в политическом плане, поскольку африканцы в их оценках международной ситуации в целом, а также по ряду конкретных вопросов двустороннего сотрудничества ссылаются прежде всего на позицию Африканского союза. Перспектива взаимодействия с этой региональной организацией четко изложена в Совместном коммюнике по итогам переговоров С.В. Лаврова с Председателем Комиссии АС (КАС) М. Факи Махаматом в штаб-квартире АС в Аддис-Абебе 9 марта 2018 г. [14].

Определенная динамика отмечается и с другой региональной организацией – Сообществом развития Юга Африки (САДК). В рамках расширения договорно-правовой базы в 2017 г. подготовлен актуализированный меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Сообществом развития Юга Африки. Россия участвует в разработке и выполнении программ международного содействия Африке, в том числе в области укрепления миротворческого потенциала Афросоюза, через СБ ООН способствует снижению уровня конфликтности в Африке [5]. Россия, как постоянный член СБ ООН, вносит важный вклад в урегулирование и в отдаленных точках планеты. Не является исключением и Африка.

Последние годы выявили уязвимость горнодобывающего сектора России. Новые месторождения находятся, как правило, в регионах, расположенных в высоких широтах, малонаселенных, труднодоступных из-за вечной мерзлоты, не имеющих необходимой инфраструктуры. По словам академика А.М. Васильева, проблема России не в отсутствии природных ресурсов, а в истощении коммерчески комфортных месторождений и переходе к освоению запасов, рентабельная эксплуатация которых возможна на основе технологий другого поколения, разработка и освоение которых может потребовать 10 и более лет [2].

В свою очередь, в африканских странах высоко ценят и приветствуют вклад России в урегулирование проблемы мира и безопасности на континенте.

Заключение

За почти 60 лет независимости от метрополий африканские страны значительно продвинулись по пути прогресса и демократических преобразований. Функционируют государственные органы, активизируется гражданское общество. Страны африканско-

го континента постепенно включаются в мировые политические и экономические процессы. Идет позитивная конкурентная борьба за вступление в СБ ООН на правах постоянных членов. Тем не менее существует много причин, из-за которых тормозится устойчивое развитие африканских государств. Главная из них – это вялотекущие конфликты на религиозной, этнической или иной почве. Другая причина – искусственно разжигаемые конфликты так называемыми «партнерами» из Западной Европы, США и стран Востока с целью эксплуатации природных ресурсов. В перспективе африканские государства продолжают играть важную роль в ресурсном обеспечении стратегических и инновационных технологий стран Запада и Востока.

После вынужденного перерыва 1990-х гг., связанного с дезинтеграцией СССР, Россия, хотя и медленными темпами, постепенно возвращается в Африку. Об этом свидетельствует активизация взаимодействия с ведущими африканскими региональными интеграционными объединениями, в центре которых находится Африканский союз. Наблюдается диверсификация отношений России со странами южнее Сахары, в частности в области военного и военно-технического сотрудничества. Заключены соответствующие соглашения с Замбией, Нигером, Нигерией, Свазилендом и Чадом. Делается акцент на подготовку командного состава, оснащение и модернизацию военной техники, консультативную поддержку. Эта тематика особенно актуальна в странах Центральной Африки, например в ДР Конго, Анголе, Мозамбике, где началась модернизация и переоснащение вооружения в рамках реформы армии и полиции.

России необходима поддержка со стороны африканских государств по международным проблемам, включая международную безопасность, борьбу с терроризмом, преступностью, наркобизнесом, СПИДом, решение экологических и других проблем. Большие потенциальные возможности имеются в сфере экономического взаимодействия.

Список литературы

1. Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 606 с.
2. Васильев А.М., Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт // РСМД. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-cherez-desyat-let-novyyst/?sphrase_id=22293422 (дата обращения: 10.01.2019).
3. Гевелинг Л.В. Клептократия. М.: Изд-во МГУ, 2001. 590 с.

4. Емельянов А.И. Латиноамериканский опыт политической модернизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 713. С. 35–42.
5. Емельянов А.И. Цивилизационные основы миссии России в современном мире в XXI в. // Вестник Российской нации. 2017. № 6 (58). С. 25–34.
6. Жерлицына Н.А. Перспективы российско-марокканского сотрудничества: потенциал и вызовы // Вестник университета (Государственный университет управления). М., 2015. № 12. С. 66–72.
7. Жерлицына Н.А. Перспективы сотрудничества России со странами Магриба в свете новых глобальных вызовов // Вестник Волгоградского Государственного университета. Сер. 4. 2016. № 2. С. 96–103.
8. Кривушин И.В. Сто дней во власти безумия. Руандийский геноцид 1994 г. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 527 с.
9. Никитин А.И. Международные конфликты. Вмешательство. Миротворчество. Урегулирование. М.: Аспект Пресс, 2017. 384 с.
10. Петраков Н.Я. Демократия и новый передел мира // Montenegrin journal of economics. 2006. No. 4. P. 43. – Access mode: www.mnje.com/IV/02%20Nicolaj.pdf (date of treatment: 15.08.2008).
11. Путин встретился в Кремле с президентом Зимбабве. – Режим доступа: <https://pressfrom.info/ru/news/politics/-88453-putin-vstretilsya-v-kremle-s-prezidentom-zimbabve.html> (дата обращения: 13.03.2019).
12. Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. М., 2016. 352 с.
13. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М.: Наука, 2007. С. 116–131.
14. Совместное коммюнике по итогам переговоров С. Лаврова с Председателем Комиссии Африканского союза М. Факи Махаматом. – Режим доступа: <http://sergey-lavrov.rf/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F-%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B0%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7/> (дата обращения: 10.03.2019).
15. Agbohoul Nicolas. Le franc CFA et l' Euro contre l'Afrique. P.: Ed. Solidarité mondiale, 2008. 320 p.
16. Déclaration de politique générale du gouvernement de la RDC aux participants du dialogues intercongolais // Bulletin Quotidien de l'Agence Congolaise de Presse, Kinshasa, N 046 du 11 mars 2002. P. 20.
17. Mambi Tunga-Bau H. Pouvoir traditionnel et pouvoir d'Etat en R.D.Congo contemporaine. Kinshasa: Médiaspaul, 2010. 233 p.
18. Ki-Zerbo J. Histoire critique de l'Afrique : L'Afrique au Sud du Sahara // Panafrika. Dakar, 2008. 97 p.

Клауберг Рольф,

доктор естественных наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: mnleo@mail.ru

Rolf Clauberg,

Doctor in Natural Sciences (Dr. rer. nat.),
Associate scientific fellow of Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: mnleo@mail.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ И ОБЩЕСТВО США

GLOBALIZATION AND TECHNOLOGY EVOLUTION: IMPACT ON ECONOMY AND SOCIETY OF THE USA

Аннотация: В данной статье анализируется экономическое развитие США с целью объяснить переход от политики свободной торговли к явному протекционизму. Отмечается, что более 60% населения США не ощутило благотворного влияния процессов глобализации, стремительно разворачивавшихся последние 20 лет. Продолжающаяся автоматизация производств без изменения политики в области занятости населения в ближайшем будущем усугубит эту проблему.

Ключевые слова: США, глобализация, свободный рынок, протекционизм, ВВП, коэффициент Джини, умные фабрики, искусственный интеллект.

Abstract: This article analysis the economic development in the USA to explain the change from strong support of global trade to a protectionist policy. It finds that the overall economic development for the USA was positive for more than the last 20 years, but that the gains of this development were highly concentrated with negative gains for more than 60% of the US population. Causes are the inability of the system to adapt to a changing portfolio of available jobs as well as large automatization in industry.

Key words: USA, globalization, free market, protectionism, GDP, Gini coefficient, smart factories, artificial intelligence.

Introduction

Presently problems assumed to be caused by globalization are generating protectionist measures and political crises. The most serious and disruptive activities started with Donald Trump's "America First" policy which was ridiculed by the press in many European countries with "...and our country second" calls. A second example was Marine Le Pen's description of "Globalizers versus Patriots" in her statements during the last presidential election in France. While many analysts and journalists defended the present evolution of global trade and consider Adam Smith's work "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth

of Nations" published in 1776 [1] still as a clear proof that global trade is best for all nations, the feeling in large groups in the developed countries seems to tend against globalization and global trade. It therefore is necessary to analyze the impact of global trade on the economic situation of various groups in developed countries. An important aspect here is also the question of the influence of technology evolution and in how far issues ascribed to globalization may be caused by technology evolution instead or in how far both aspects work together to create the present situation.

In the following, we will use publicly available data from the World Bank, The United States Federal Reserve Bank, and other open sources to first look at the evolution of the growth in Gross Domestic Product (GDP) as well as the changes in income and net-worth over the last 15 to 20 years in the United States of America. Then we will look at the specific case for manufacturing which is one of the main points cited by the USA president. Finally, we will look into the potential threads and prospects of new technologies like the "Industrial Internet of Things" [10], "Industrie 4.0" [10, 5] or "Smart Factories" [10, 9] and Artificial Intelligence [10, 2, 11] with special emphasis on the impact of economic and social structures.

The focus in this article is on the USA because in dollar terms it is still the largest economy. Secondly, while having been a strong supporter of globalization in the past, it is now applying strong protectionist policies; thirdly, there are large statistic data sets publicly available. Nevertheless, it can be expected that many of the issues causing the present protectionist policies exist in other developed countries.

The evolution of GDP, income, and net-worth

For most developed countries, including the USA, real GDP shows a clear growth over time on timescales of more than 5 years. However, there also was substantial population growth in many developed countries. Therefore, there is a chance that this growth outpaced the growth in GDP. However, Figure 1 with data from the World Bank [16] shows strong growth in GDP per head data for the USA. From 1960 to 2017 there was substantial growth by a factor of about 19.8 or by 18.79% in GDP per head. If we look at the last 20 years, the growth is still 88.6%. The only visible kink in the curve is at the year 2010 where the values for 2009 and 2010 are smaller than the value for 2008, but 2011 is already larger than 2008. Hence, for the nation as a whole the growth in GDP and GDP per head was very good

for the USA as visible from Figure 1. For the world as a whole GDP per head grew by a factor of 23.8 from 1960 to 2017, but from a much smaller base, which leaves the USA value for 2017 still a factor 5.6 larger than the world value. Considering the GDP per head value evolution, there is no reason to be disappointed by global trade. If there is reason for disappointment it must be with the distribution of the GDP per head gains onto different groups in the country.

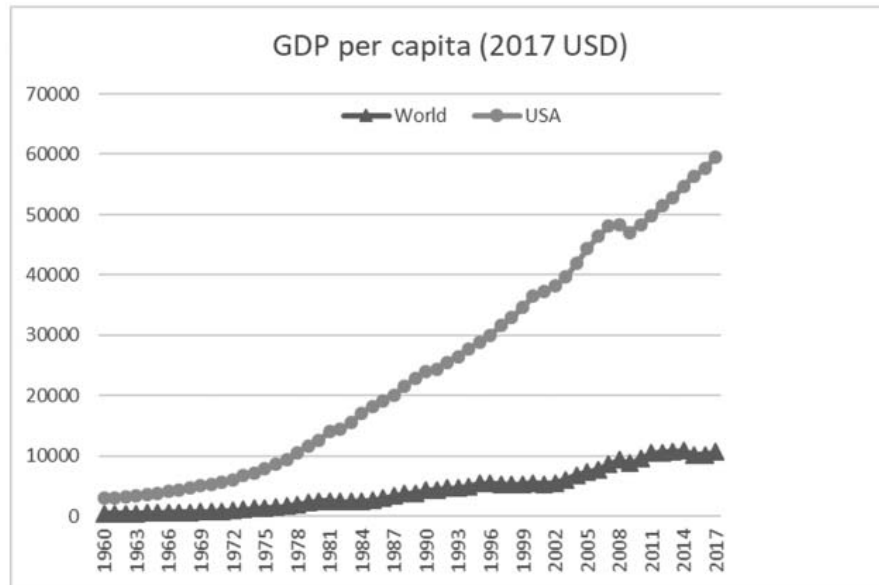

Figure 1. GDP per head evolution (data from [16])

Looking at available data on income changes and net-worth changes, there is one world-bank paper [3] showing substantial income growth over nearly the entire range of incomes globally, just with one small range on this global scale where the income growth was negative. Corresponding data from the Federal Reserve Bank of the USA (Table 1 of [15]) show negative income growth and even more negative growth in net worth (Table 4 of [15]) for the ranges associated with the so-called working class in the USA while at the same time income and net-worth substantially improved for the top 10 to 20% of earners. Figure 2 shows the median distribution in incomes in 2017 USD for the comparison between the year 2016 and 2001 and Figure 3 shows the corresponding distribution for net-worth for the same years. The impact of course is larger for the net-worth since this results from the income changes accrued over all the years between 2001 and 2016.

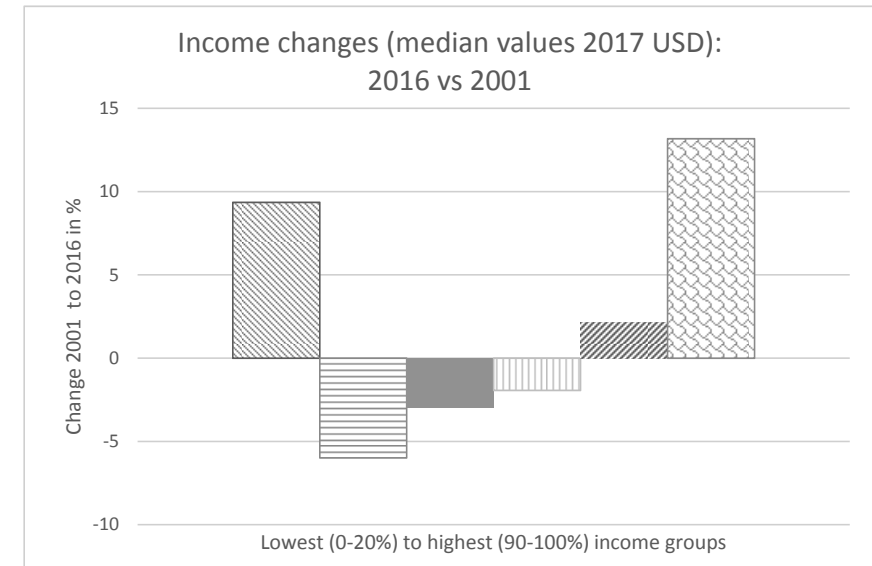

Figure 2. Income changes over 15 years (data from table 1 of [15])

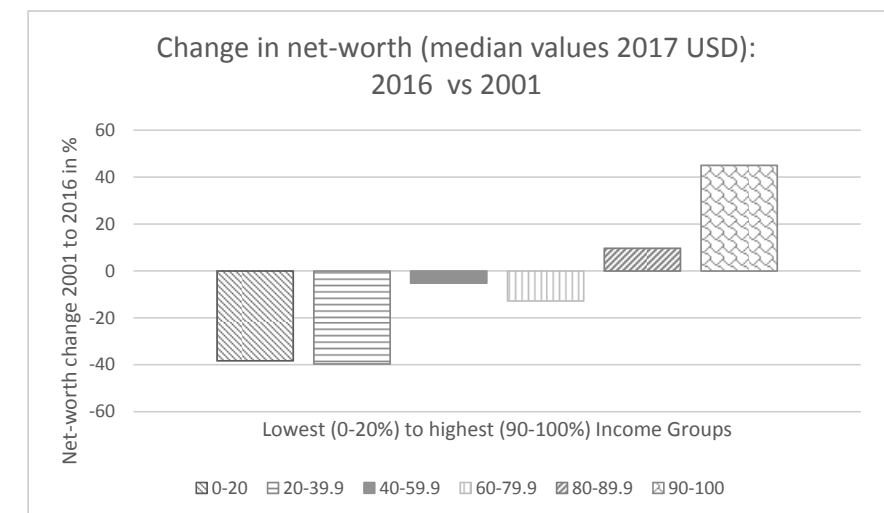

Figure 3. Changes in net-worth over 15 years (data from table 4 of [15])

2016 is the latest year reported by the US Federal Reserve Bank while the choice of the year 2001 is of course somewhat arbitrary. Also, the data are not provided annually but only for every third year. In Figure 4 we therefore show the net-worth changes for the corresponding earning groups between 2016 and the reference years ranging from 1989 to 2013.

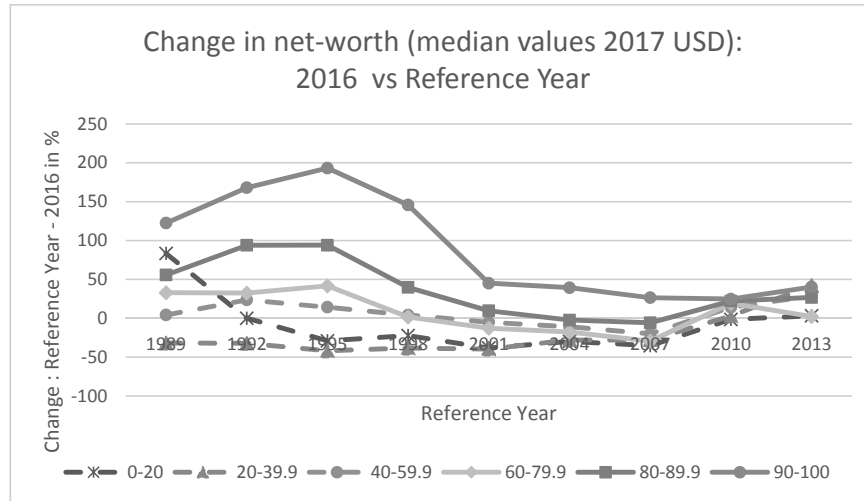

Figure 4. Changes in net-worth vs reference year (data from table 4 of [15])

For the top two earnings groups (80–89.9% and 90–100%) the net-worth change is always positive and reaches values much larger than for 2001 in Figure 3. For the lowest income group (0–19.9%) 6 out of 9 reference years bring negative growth and that for the second lowest income group reach the –40% value from Figure 3 also for many other years. The data from the US Federal Reserve Bank are for “families”. In principle, there is the possibility that there was a substantial shift from families with 2 parents to single parent families, which would result in more families with less income per family, but the family structure data from the US Federal Reserve Bank (Table 2 of [15]) eliminate this possibility. Figure 5 shows the percentage of single adult and adult-couple families for the entire range of years. The changes are completely negligible.

So, while the GDP and GDP per head data show a clear growth over the last 20 years, this growth was very uneven distributed with a large group of more than 60% being worse off than 15 years ago. The exact values depend of course on the choice of the 2 years for which we compare the change in net-worth, but we always find a huge gain for the top 10 to 20% and much lower gains or losses for the other groups of income.

There are two obvious possibilities that may have caused the unequal distribution of the gains from GDP growth: a shift from well-paid jobs to lower paid jobs for the losing groups or different source of income for the losers and the winners.

One aspect connected with globalization is the disappearance of jobs in certain industries. Starting from the point that globalization is good

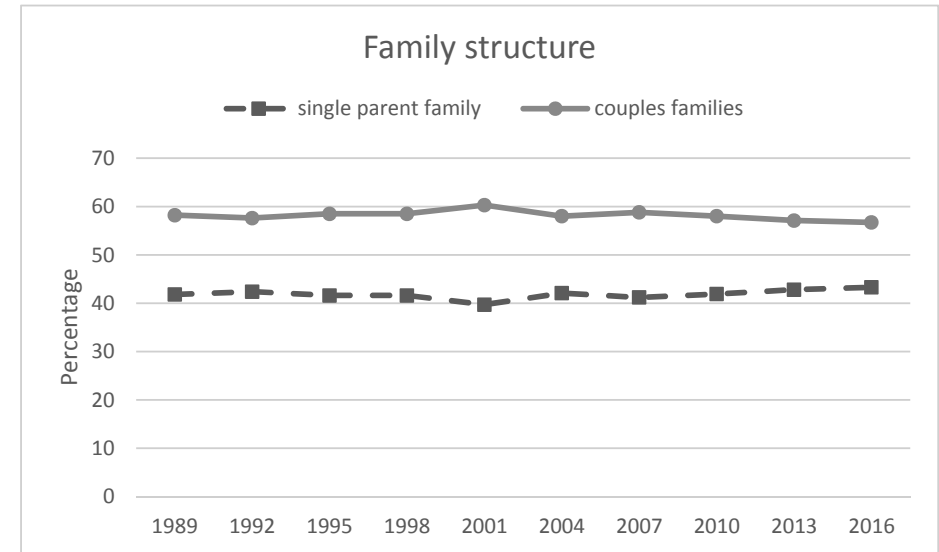

Figure 5. Stability of family structure (data from table 2 of [15])

because it allows every country to focus on creating those products, which bring this country the greatest gains; this is a normal aspect of globalization. However, if the best suitable products to create for a country change e.g. due to developing nations catching up on a developed country, this is a serious disruption for those working in the industries where jobs decline.

Figure 6. Employment changes in the food industry (data from [12])

Looking at the possibility of a shift from well-paid jobs to lower paid service jobs, especially the very low paid jobs in the restaurant and food

area, data from the US Department of Labor, Bureau of Labor Statistics [12] (Figure 6) show a strong increase by about 32% in the food service industry during the time the negative net-worth results for the working class occur. The increase happens over a long period of time and is still ongoing. Hence, there is a clear probability that the global adjustment towards best economic chances for every nation, caused a shift from higher paid to lower paid jobs for those groups which worked in the fields with declining job numbers. Those which were laid off in the fields which were deemphasized in the economy of the USA, were unable to find similarly paid jobs in other fields and had to accept lower paid jobs.

Looking at the sources of income, the USA data (Table 2 of [15]) show in Figure 7 that for the lowest 80% of the net-worth groups salary makes up to 79% of the total income, this value is less than 47% for the top 10%. Here, own business and financial investments make a substantial part of the income. But even the salary increases and bonuses are highly skewed toward the top ranked employees often with no increases for the rest. The result is that the growth in GDP is mostly going to those with own businesses in the international markets, those with substantial investment portfolios in international markets, and top-ranked employees. Since low and medium ranked employees usually can't afford substantial investment portfolios they aren't participating in gains of the GDP growth.

So, there is evidence for the case that those with high income were able to participate better in GDP growth due to the possibility to build own businesses or to invest in growing economic areas, as well as for the case

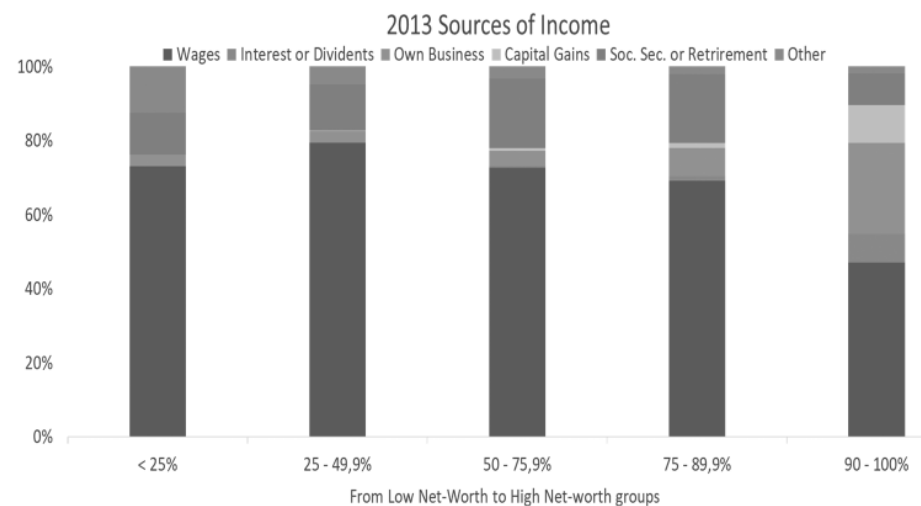

Figure 7. Sources of income (data from table 2 of [15])

that people who lost jobs due to a shift of fields from the USA to other countries, had to accept lower paid jobs and were not able to get jobs equally paid as the ones they lost.

At the same time, due to competition in the market for buying or renting apartments or houses, the gains for the other groups make the situation worse for those not participating in the GDP gains.

The disadvantages accrue over time, which is visible in the fact that the negative change in net-worth for the working class people is larger than the negative change in income. A measure of unequal distribution of income is the Gini coefficient, named after the Italian economist Corrado Gini [7]. The Gini coefficient is a measure of the unequal distribution of income in a country and the same value may be reached with many different income distributions. A value of zero means that everyone has the same income and a value of one means that one person gets all the income. The Gini coefficient usually only shows small changes over time since this is calculated for income and not net-worth. Nevertheless, the Gini coefficient for the USA is close to 0.4 as it also is for Russia. The average Gini coefficient for the OECD countries is 0.32 [8]. The worst Gini coefficient for the OECD countries is 0.67 for South Africa. There are some very well known special cases demonstrating the value of 0.4. The first example is having 2 groups each with the same size, but the first group gets only 10% of the total income and the second group gets all the remaining 90%. The second example is that of 2 groups with the first group containing 90% of the people and the second – just the remaining 10% and each group gets 50% of the total income.

Taking the steady growth of GDP at timescales larger than a few years observed for the USA and many other countries and the observed strongly unequal distribution of the gains from GDP growth we can conclude that the problem is not economic evolution over time and so also not globalization in principle, but the unequal distribution of the gains, even loss in net worth for certain groups which causes the negative feeling about globalization and the growing influence of politicians favoring protection against global trade.

Next, we want to discuss the specific example of manufacturing.

Specific example: Manufacturing

Figure 8 shows the change in manufacturing value-add for the USA and China as percentage of world manufacturing value-add [17]. At the same time, Figure 9 shows a large 30–35% decline of the number of USA manufacturing jobs in that time [13]. This looks like a shift of manufacturing jobs from USA to China. But Figure 10 shows that in dollar value the USA

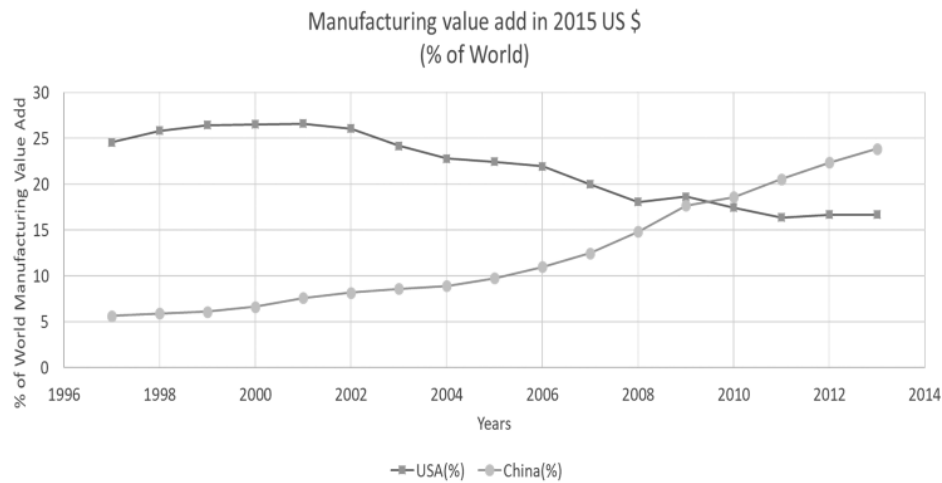

Figure 8. Manufacturing value-add as % of world value-add (data from [17])

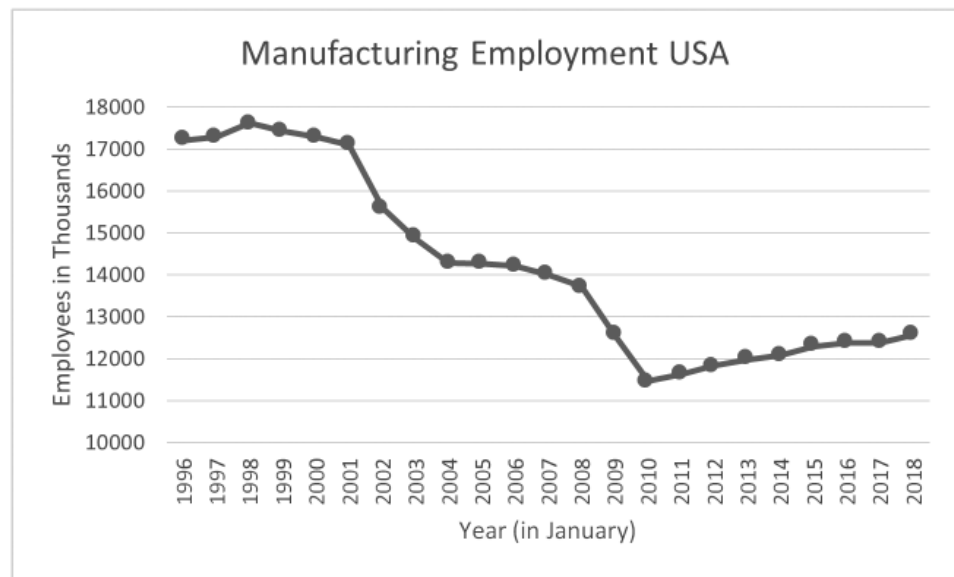

Figure 9. Employment changes in manufacturing (data from [13])

manufacturing value-add in this period is still growing despite a 30–35% drop in manufacturing jobs. Just manufacturing value-add in China was growing significantly faster than in the USA.

We already saw in Figure 6 that at the time with negative net-worth growth for the lower income groups the number of very low paid jobs

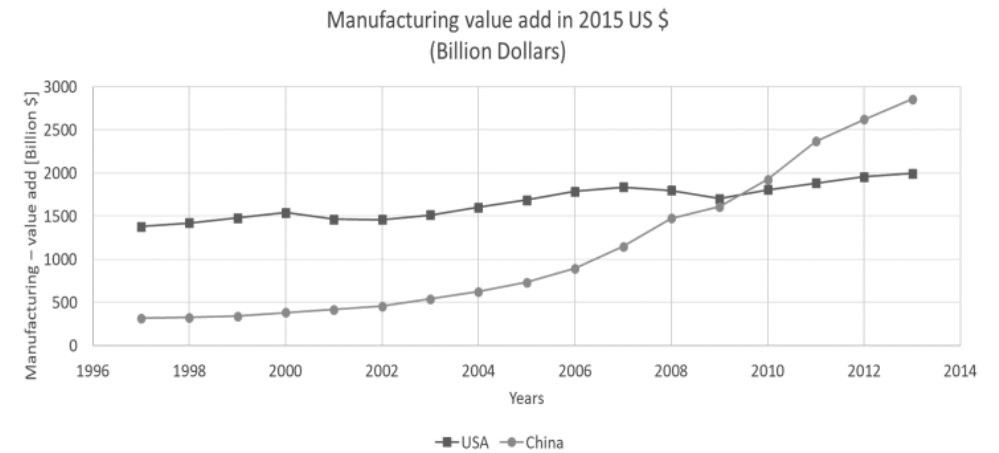

Figure 10. Manufacturing value-add in USD (data from [17])

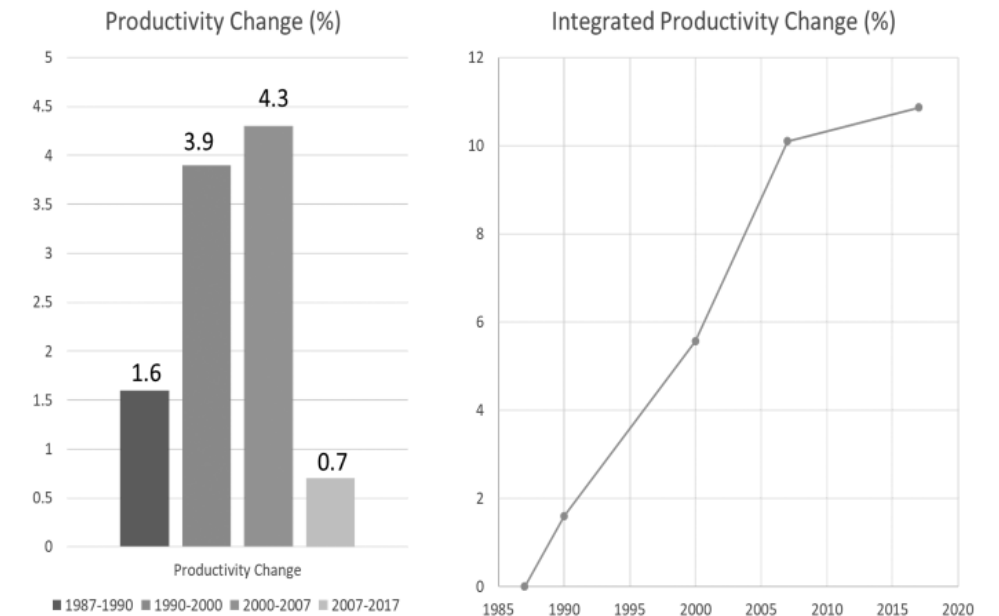

Figure 11. Productivity changes in US manufacturing (data from [14])

in the restaurant and food area grew by about 32%. Now we see that at the same time the number in manufacturing jobs also dropped by 30–35%. So, yes there was a shift of manufacturing jobs from the USA to China, but in the same time the remaining manufacturing in the USA still created growth in manufacturing value-add with a substantially lower number of employees.

Figure 11 shows that there was a growth in manufacturing productivity by about 11% in the same time [14]. We can conclude that automatization played a part in the loss of manufacturing jobs. Old factories needed lots of employees to operate the production tools.

In new factories, a few operators control a complete factory with the help of computers and computer-controlled machines. The number of employees in such a factory is just a fraction of those in the old factories. More important, the skills required by these employees are very different from those needed in the old factories. Mechanical adjustment of production tools is now limited to maintenance operations, production itself is computer controlled. However, the office jobs, like e.g. procurement still exist in these factories. We will look at the impact of future technologies in the next section.

Potential impact of future technologies

The digitalization of business processes is official policy of the EU and many other countries [4]. Germany introduced a government sponsored program called “Industrie 4.0” [5], in the USA several consortiums started research and development collaborations known under the name of “Smart factories” [9]. Both programs have similar goals: exploitation of digitalized business processes within the Industrial Internet of Things (IIoT) [10], highly flexible computer-controlled production tools, and integration of entire value chains. These technologies use a huge number of sensors to automatically determine the status of production processes, the need to order new materials for the production or to replace parts which show signs of degradation. Also, one goal is to increase manufacturing flexibility in a way which changes the economies of scale aspects so that highly personalized products can be generated at costs which are now possible only at a large number of equal products. In other words, single-lot production shall become economically as viable as the production of large numbers of lots. The plan to achieve this is to allow switching to a different model of a product or even a different product by just switching to another input data set for the next production run. But the plans in these programs go even further. Blockchain, a new technology to perform transactions in a secure, provable way, can use so-called “smart contracts” [6] to allow the computer system to order all these materials and components automatically without human involvement after the first setup of the contracts. Hence, the production system will automatically determine the materials it needs to generate the new product from the input data set, then what is available and what is missing, and finally automatically order

every missing component with the use of smart contracts. So, the new factories will not only reduce the number of direct production employees in a plant, but even impact other areas like procurement or bookkeeping.

Another technology which will substantially impact existing jobs even far beyond manufacturing is Artificial Intelligence (AI). At the moment AI [2, 11] is still in its infancy. There is a huge hype about the technology, but if we look into the details, the big improvements are limited mainly to all kind of pattern recognition. Here, the use of several types of neural networks, sometimes a combination of neural networks, has let to huge progress in the recognition and classification of image, voice, and behavioral patterns. Also, there is great progress in robotic systems which make those systems safe enough to operate moving robots in close vicinity to humans. However, despite all these progress in some limited areas, we are still far away from general artificial intelligence. Nevertheless, the present systems already affect existing jobs. For jobs where the productivity improvement due to the use of AI tools does not allow a reduction in the number of employees, the productivity growth will result in quality improvements. Corresponding jobs are e.g. in the medical area where the possibility to analyze huge data sets to find better treatments will not allow to reduce the number of doctors or nurses. For back-office jobs, like analyzing insurance claims for validity and correctness, the AI tools will allow to handle the same number of claims with much fewer people. Anyhow, in all areas where the new tools offer improvements there will be substantial changes to the existing jobs in these areas. Being capable to use the new tools will be a necessity for those working in these fields. Considering the speed of changes in the new technologies this will require constant learning, reeducation, and training for many employees.

Of course, the new technologies used here will also create new jobs and it is very well possible that the number of newly created jobs will exceed the number of jobs lost. But the new jobs will differ substantially from those lost. As long as simple automatization was the main reason for productivity growth and lost jobs, the recommendation usually was to get the best education possible to avoid losing your job. Now with AI tools getting into the game, even highly educated people may be forced to look for a new job. Best education within a narrow area is no longer sufficient if entire job classes disappear. The best recommendation for the future may be to get a broad base education, learn how to get into a new area quickly and constantly update your skills. The present education systems in most countries still do not look ready for this.

Conclusion

Looking at all the points discussed above, my view is that the protectionist measures currently used by some countries and favored by several politicians, are not the solution to the issue. The main problem is the sudden disruption caused by the decline or even disappearance of complete job profiles due to global trade as well as technology evolution. It seems better to use preventive measures in education and professional training for increasing the number of possible job roles for all employees and thereby the chance for these employees to switch to new job classes in a short time.

Even this may not be enough if the unequal distribution of globalization gains leads to serious social problems and then to the appearance of radical political parties and finally to economic wars with serious damage to the world economy.

References

1. A. *Smith*. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L.: William Strahan, 1776.
2. A. *Nayak* und K. *Dutta*. Impacts of machine learning and artificial intelligence on mankind / International Conference on Intelligent Computing and Control (I2C2). Coimbatore, India, 2017.
3. B. *Milanovic*. Global income inequality by the numbers: in history and now. World Bank, Washington D.C., USA, 2012.
4. EU Commission. Digital Single Market. – Access mode: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en>. (date of treatment: 04.10.2018).
5. Germany, Bundesministerium für Forschung und Bildung, «Digitale Wirtschaft und Gesellschaft». – Access mode: <https://www.bmbf.de/de/zukunftsprojekt-industrie-4-0-848.html>. (date of treatment: 04.10.2018).
6. J. *Stark*. Coindesk. – Access mode: <https://www.coindesk.com/making-sense-smart-contracts/> (date of treatment: 04.10.2018).
7. M. *Boldrini*. Corrado Gini. Journal of the Royal Statistical Society. Series A. 1966. Vol. 129. No. 1. P. 148–150.
8. OECD, Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD Data – Income inequality. – Access mode: <https://data.oecd.org/inequality/income-inequality.htm>. (date of treatment: 04.10.2018).
9. R. *Wu*, G.T. *Vanan* und M. *Phillips*. The internet of things (IoT) and transformation of the smart factory. International Electronics Symposium (IES). 2016.
10. S. *Jeschke*, C. *Brecher*, H. *Song* und D.B. *Rawat*. Industrial Internet of Things, Cham. Switzerland: Springer Verlag, 2017.
11. S. *Russell* und P. *Norvig*. Artificial Intelligence. 3rd edition. Prentice Hall, 2009.
12. US Department of Labor. Bureau of Labor Statistics. – Access mode: <https://data.bls.gov/timeseries/CEU7072200001> (date of treatment: 04.10.2018).
13. US Department of Labor. Bureau of Labor Statistics, «Data Tools». – Access mode: <https://data.bls.gov/timeseries/CES3000000001> (date of treatment: 04.10.2018).
14. US Department of Labor. Bureau of Labor Statistics, «Labor Productivity and Costs». – Access mode: <https://www.bls.gov/lpc/prodybar.htm>. (date of treatment: 04.10.2018).
15. US Federal Reserve Bank. Consumer survey of the Federal Reserve Bank. 2017. – Access mode: https://www.federalreserve.gov/econres/files/scf2016_tables_public_real_historical.xlsx. (date of treatment: 04.10.2018).
16. World Bank. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts Data files. – Access mode: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (date of treatment: 04.10.2018).
17. World Bank. Manufacturing, value added (current US\$). – Access mode: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD?locations=US-CN> (date of treatment: 04.10.2018).

Мастепанов Алексей Михайлович,

доктор экономических наук, академик РАН,
Институт проблем нефти и газа РАН, Москва;
Институт энергетической стратегии, Москва;
Российский государственный университет нефти
и газа им. И.М. Губкина, Москва.
E-mail: amastepanov@mail.ru

Alexey M. Mastepanov,

DSc (Economics), Member of the Russian
Academy of Natural Sciences,
Oil and Gas Research Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow;
Institute of Energy Strategy, Moscow;
Russian State Gubkin University of Oil and Gas, Moscow.
E-mail: amastepanov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В 2010-е ГОДЫ¹

THE MAIN TRENDS AND FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF WORLD ENERGY IN THE 2010S

Аннотация: В статье рассмотрены особенности развития мировой энергетики во втором десятилетии XXI века с особым упором на 2017–2018 гг., а также основные события, тенденции и факторы энергетических трансформаций в этом периоде. Проведен анализ новой энергетической картины мира и важнейших процессов и факторов, формирующих внешнюю среду функционирования энергетики. Особо отмечена противоречивость целого ряда тенденций, что, по мнению автора, свидетельствует о росте степени неопределенности развития как мировой экономики в целом, так и мировой энергетики. Свой вклад в этот рост вносят и глобализация, и геополитика, и взрывное развитие науки и технологий. Ситуация усугубляется складывающимся профицитом энергоресурсов. Подробно рассмотрены новые движущие силы наблюдающихся и предстоящих трансформаций, в частности необходимость реагирования на вызовы, с которыми сталкивается человечество в связи с изменениями климата, и прогнозируемые изменения в энергобалансе, вызванные последствиями 4-й промышленной революции. Исследованы важнейшие направления и инструменты реализации климат-ориентированной энергетической политики, в том числе растущая роль электроэнергетики и основные изменения в структуре ее генерации, вызовы и возможности, связанные с 4-й промышленной революцией, а также тенденции и трансформации основных глобальных энергетических рынков.

Ключевые слова: мировая энергетика, энергетические трансформации, геополитика, глобальные изменения климата, электроэнергетика, нефтяные и газовые рынки, цены на нефть.

Abstract: The article describes the features of the development of world energy in the second decade of the XXI century with special emphasis on 2017–2018's, as well as the main events, trends and factors of energy transformations in this period. The analysis of the new energy picture of the world and the most important processes and factors forming the external environment of energy functioning is carried out. The author emphasizes the inconsistency of a number of trends, which, according to the author, indicates an increase in the degree of uncertainty in the development of both

¹ Работа выполнена в рамках темы госзадания «Фундаментальный базис инновационных технологий нефтяной и газовой промышленности» (0139-2015-0021).

the world economy as a whole and the world energy. In his treasure in this growth are making and globalization, and geopolitics, and the explosive development of science and technology. The situation is aggravated by the emerging surplus of energy resources. The new driving forces of the observed and upcoming transformations, in particular the need to respond to the challenges faced by humanity in connection with climate change, and the projected changes in the energy balance caused by the consequences of the 4th industrial revolution are considered in detail. The most important directions and instruments of implementation of climate-oriented energy policy, including the growing role of the electric power industry and the main changes in the structure of its generation, challenges and opportunities associated with the 4th industrial revolution, as well as trends and transformations of the main global energy markets are studied.

Key words: world energy, energy transformation, geopolitics, global climate change, electricity, oil and gas markets, oil prices.

Введение

Энергетика, под которой здесь и ниже подразумеваются виды деятельности, связанные с производством, транспортировкой, преобразованием и распределением энергии и энергоресурсов и энергопотреблением, является важнейшей составной частью мировой экономики, развитие которой обусловлено всей совокупностью природно-климатических, социально-экономических, политических и геополитических условий. Соответственно, мировая энергетика, как важнейшая часть глобальной экономики, развивается под воздействием различных факторов, большинство из которых взаимозависимы и взаимообусловлены. Особая роль в этом процессе принадлежит базовым, фундаментальным факторам, имеющим долгосрочное влияние¹. Именно с этим связаны и основные факторы неопределенности в развитии производства и потребления энергетических ресурсов. Эти факторы, в сочетании с усилением влияния политических и геополитических факторов, в последнее время выходят на первый план, оттесняя такие фундаментальные факторы развития энергетики, как спрос-предложение, ценовой, технико-технологический, ресурсная обеспеченность и др.

Новая энергетическая картина мира и ее дальнейшие трансформации

В эпоху бурного развития глобальных сетей и потоков и глобализации в целом, в условиях научно-технического и технологического прогресса, особенно информационных технологий, на развитие мировой энергетики все большее и большее влияние начинают оказывать процессы и явления, лежащие далеко за ее пределами (рис. 1).

Формируя внешнюю среду функционирования энергетики, подобные процессы также оказывают существенное влияние на ее ко-

¹ Подробнее об этих факторах см., напр., [15: глава 4].

личественное, структурное и территориальное развитие. Внешняя среда в совокупности с научно-техническим прогрессом обуславливает и те энергетические трансформации, которые происходят или намечаются в мире.

Источник: [5].

Рис. 1. Процессы и явления, формирующие внешнюю среду развития мировой энергетики

Одновременно происходит и осознание огромной взаимозависимости как внутри триады «экономика – энергетика – экология», так и зависимости самой этой триады от развития всех других составляющих общественного производства, мировых социально-политических процессов и любых других сфер деятельности человека.

Отметим также, что за последнее десятилетие в мире сложилась принципиально новая энергетическая картина. Факторы, ее определяющие, показаны на рис. 2.

В геополитическом плане указанные изменения энергетической картины мира приводят к усложнению отношений между ее основными акторами – США, Китаем, Евросоюзом, Саудовской Аравией, Россией и др. Таким образом, формируются новая архитектура мировой экономики и новая карта мирового энергетического пространства.

В этих условиях потребность стран индустриально развитого мира в поставках энергоресурсов из традиционно энергоизбыточных

регионов Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и России будет объективно снижаться. С другой стороны, эти регионы исторически развивались именно за счет сырьевого экспорта и отсутствие спроса на эти ресурсы усиливает не только экономические противоречия между регионами, но и обостряет межцивилизационные отношения.

Факторы, определяющие принципиально новую энергетическую картину:

- ★ превращение США из лидера потребления углеводородов в их крупнейшего производителя и, в перспективе, значимого экспортёра;
- ★ становление Китая крупнейшим потребителем нефти;
- ★ коренные изменения в энергетической сфере за счёт внедрения новых технологических решений, радикального технологического совершенствования на всех направлениях:
 - ▶ новые технологии разведки и добычи нефти и газа. Отсюда и сланцевая революция в США, и масштабная разработка нефтеносных песчаников Канады;
 - ▶ снижение затрат на производство возобновляемых источников энергии и забота об охране окружающей среды. В итоге снижается потребность в ископаемом топливе;
 - ▶ рост производства СПГ и объёмов его транспортировки. Рынок природного газа становится мобильным и межрегиональным;
 - ▶ совершенствование технологий энергосбережения, которое опровергает прогнозы постоянного роста потребления энергии и др.

Источник: [8].

Рис. 2. Новая энергетическая картина мира

Естественно, что в полной мере все эти изменения затронули и Россию, претендующую на роль и статус великой энергетической державы (энергетической сверхдержавы). Исторические и экономические особенности развития нашей страны, незаконченность экономических реформ и уже ставшая традиционной для страны экспортно-сырьевая модель экономики при неразвитости современных политических и гражданских институтов делают зависимость российской энергетики от геополитики особенно болезненной.

Многочисленные исследования российских и зарубежных специалистов все больше и больше подтверждают наши предположения (а затем – и наши выводы), сделанные еще в начале этого десятиле-

тия, о том, что в настоящее время мир стоит на пороге глобальных энергетических изменений, что в развитии мировой энергетики начинаются, разворачиваются и уже происходят серьезные качественные сдвиги [2; 3; 10–12].

Чего стоит одно только название совместного исследования, опубликованного в 2016 г. российско-американским авторским коллективом, представляющим ИМЭМО РАН и Группу стратегического прогнозирования Центра международной безопасности имени Брента Скоукрофта Атлантического совета: «Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности» [1]. В нем прямо сказано: «Мир сегодня находится в крайне опасной точке – точке перелома». Близка к такой оценке и оценка авторов доклада «Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности»: «Меняется вся парадигма мирового устройства, оно пребывает в крайне неустойчивом состоянии...» [13, с. 15]. И даже среди более осторожных политиков и экспертов прочно закрепилось мнение о переходном состоянии современной системы международных отношений.

Соответственно, будущее глобальной энергетики, как и будущее всей мировой экономики, в значительной мере будет определяться целым рядом тенденций, важнейшие из которых показаны на рис. 3. Одновременно нарастает глобализация, в том числе и энергетических рынков и ресурсов, и сохраняются глобальные факторы, генерирующие нестабильность (рис. 3).

Кроме того, события последних лет очередной раз показали, что в условиях глобализации и бурного развития новых технологий не утратили своего влияния на развитие энергетики и геополитические факторы. Более того, в какой-то мере они даже стали определяющими. Под их воздействием формируется новая архитектура мировой экономики и международных отношений, начинается возврат к политике баланса сил и силового давления. В этих условиях энергетике будет все труднее и труднее выполнять свою основную задачу – бесперебойно, надежно и эффективно обеспечивать потребителей топливом и энергией.

Энергетическая картина мира не является застывшей. Она все время меняется и во времени, и в пространстве. Появляются и набирают силу новые тенденции, факторы и движущие силы наблюдающихся и предстоящих трансформаций. В последние годы в число основных из них вошли необходимость реагирования на вызовы, с которыми сталкивается человечество в связи с изменениями климата, и прогнозируемые изменения в энергобалансе, вызванные последствиями 4-й промышленной революции.

Источник: [8; 12].

Рис. 3. Мир на пороге глобальных энергетических изменений

Признавая, что в настоящее время 2/3 всех выбросов углекислого газа образуется от использования углеводородного топлива, эксперты разных стран пришли к выводу, что для достижения целей, установленных Парижским климатическим соглашением, национальным экономикам необходимо разрабатывать технологии по сокращению выбросов углерода либо находить новые источники энергии. В этом и заключается основная суть современных трансформаций в энергетической сфере.

При осознании проблем изменения климата национальные экономики столкнулись с задачей кардинального изменения парадигмы своих энергетических стратегий. В новых условиях неизбежным становится процесс совершенствования мирового энергетического баланса – так называемого «энергетического микса», усиливается кооперация между государствами и регионами. В результате таких трансформаций страны ставят перед собой не одну, как это было еще совсем недавно, а две основные энергетические цели. Если до конца XX века ключевой целью энергетической политики любой страны

была энергетическая безопасность, которая предусматривала полноценные поставки нефти и обеспечение их сетями доставки, то в XXI веке, в условиях изменений климата, к ней добавилась вторая, направленная на сдерживание выбросов углерода [9; 24] (рис. 4).

Источник: [5; 9].

Рис. 4. Основные движущие силы энергетических трансформаций

Решение обеих этих задач, вытекающих из действия отмеченных двух основных движущих сил энергетических трансформаций, в первую очередь обеспечивают модернизация и качественное развитие электроэнергетики. В этой отрасли, по мнению специалистов МЭА, изложенному в последнем обзоре Агентства WEO-2018 [32], сегодня происходят самые драматические преобразования со времени ее рождения более века назад. Основные направления этих трансформаций – дальнейшее развитие и совершенствование возобновляемой и распределенной (децентрализованной) генерации и накопителей энергии вкуче с беспроводной технологией передачи энергии на дальние расстояния; электрификация автотранспорта и теплоснабжения; повышение адаптивности и создание гибких энергосистем, а также цифровых систем электроснабжения и др.

Соответственно, электроэнергетика уже привлекает больше инвестиций, чем нефтяная и газовая отрасли вместе взятые. И это – главное изменение в мировой энергетике, в которой традиционно доминировали расходы на добычу нефти и газа.

Как отмечается в WEO-2018, потенциал для дальнейшей электрификации огромен: 65% конечного энергопотребления технически может быть обеспечено электроэнергией, в то время как сейчас это всего 19%. Однако скорость дальнейшей электрификации, по мнению специалистов МЭА, зависит не только от преодоления экономических барьеров, но и от социальных и поведенческих факторов [32]. Кроме того, будущий рост спроса на электроэнергию подвержен различным неопределенностям, таким как последствия все большей цифровизации мира и 4-й промышленной революции в целом; темпы достижения доступа всего населения к электроэнергии; количество и эффективность приборов, приобретаемых с ростом доходов, и др. [24; 32].

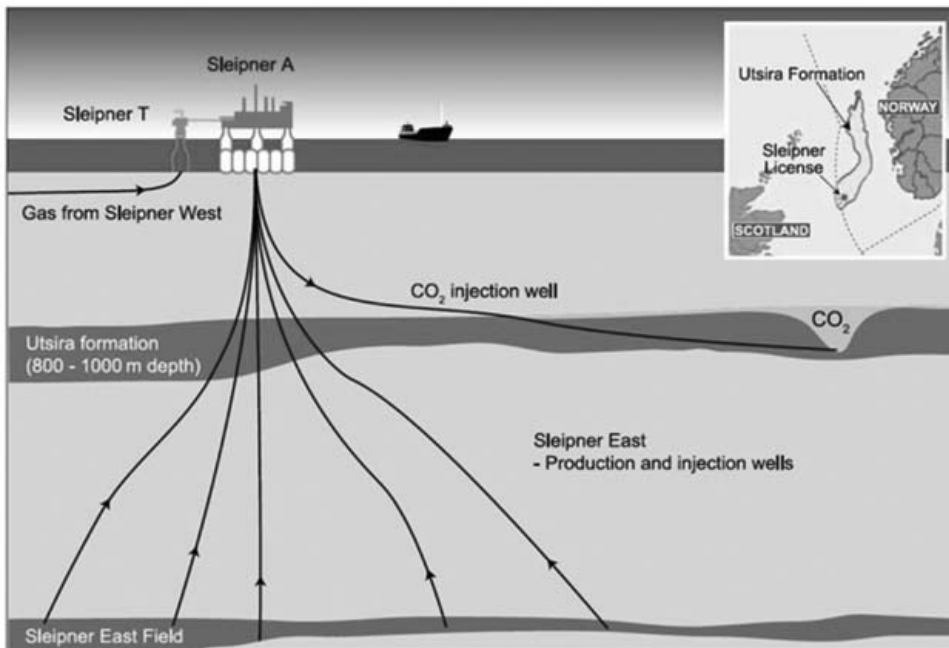
Одновременно наблюдается и изменение отношения к атомной электрогенерации. Как отмечается во многих зарубежных исследованиях, заключение Парижского соглашения привело к тому, что многими специалистами атомная энергетика вновь стала восприниматься как наиболее привлекательная альтернатива, поскольку атомная электрогенерация, если обеспечивается безопасная эксплуатация АЭС, позволяет вырабатывать дешевую электроэнергию с низкими выбросами углерода. Но у атомной энергетике есть и другое лицо. Высокие утилизационные расходы и падение доверия к возможности безопасного использования формируют у людей сознание того, что атомная энергетика – это недешевая и опасная электроэнергия. Аварии на АЭС «Три-Майл-Айленд» в США и на Чернобыльской АЭС давно нанесли огромный удар по имиджу этого привлекательного источника энергии. После же аварии на АЭС «Фукусима-1» отношение к атомной энергии как к источнику низкоуглеродной энергии претерпевает новые изменения [24]. Поэтому однозначной оценки роли этого источника энергии в мире нет. В развитых экономиках наблюдается сокращение действующих реакторов АЭС, а в развивающихся, особенно в Китае и в Индии, – бурное строительство новых станций. В целом же еще раз подчеркнем, что нынешний этап развития атомной энергетике характеризуется значительной неопределенностью.

К числу важнейших инструментов в реализации климат-ориентированной энергетической политики, которые рассматриваются в мировых энергетических прогнозах, относится и так называемая «Carbon, capture utilisation and storage technology – CCUS», то есть на-

бор технологий, обеспечивающих улавливание, утилизацию и хранение/захоронение двуокиси углерода. Как считают специалисты, набор этих технологий обеспечивает улавливание CO_2 в результате сжигания топлива, транспортировку ее судами и по трубопроводам и либо использование CO_2 в качестве сырья для создания ценных продуктов или услуг, либо постоянное хранение ее глубоко под землей в геологических формациях.

Улавливание, использование и хранение двуокиси углерода является одним из немногих технологических решений, которые могут значительно сократить выбросы от угольной и газовой энергетики и обеспечить значительное сокращение выбросов, не только в самой энергетике, но и в основных энергоемких отраслях экономики, таких как черная металлургия, цементная и химическая промышленность и др.

В настоящее время в мире уже реализовано несколько десятков проектов с использованием таких технологий. Один из них показан на рис. 5. Это проект Sleipner CCS в Норвегии, в акватории Северного моря, который демонстрирует безопасное и надежное хранение CO_2 уже более 20 лет. В настоящее время в мире реали-

Источник: [25] со ссылкой на [29].

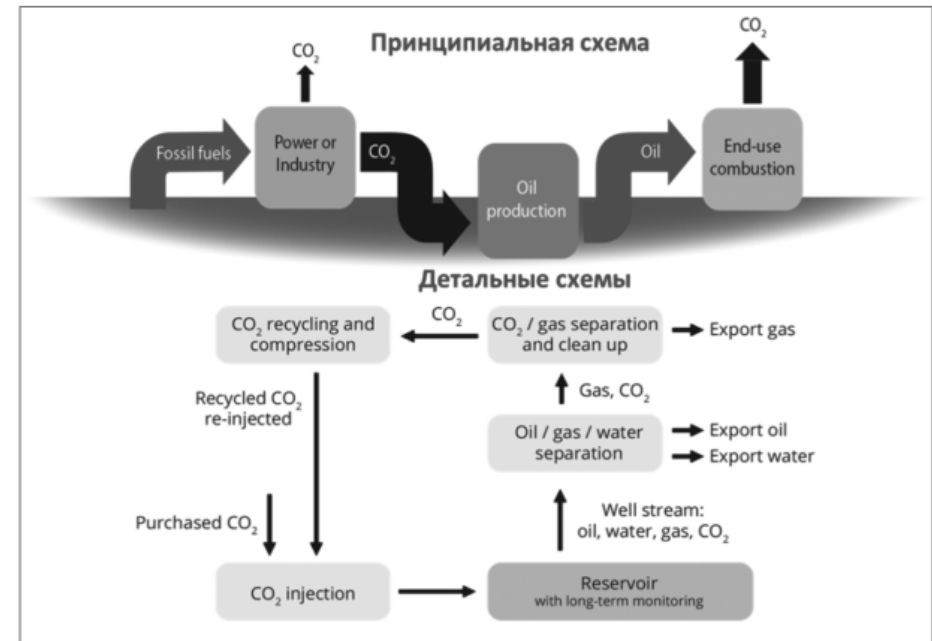
Рис. 5. Схема подземного хранилища двуокиси углерода в выработанном месторождении Слейпнер, Северное море

зовано четыре подобных проекта по крупномасштабному хранению двуокиси углерода в геологических формациях и один такой проект находится в стадии строительства.

Для России развитие подобных технологий в мире интересно тем, что их реализация, осуществляемая под флагом декарбонизации энергетики, фактически если и не снимает с повестки дня требований по снижению использования углеводородного топлива, то значительно их смягчает.

Другим важным направлением является сочетание технологий CCUS с технологиями газификации угля, поскольку при газификации выбросы CO_2 больше, чем на традиционной угольной электростанции, а также с технологиями закачки CO_2 для повышения нефтеотдачи пластов (CO_2 – Enhanced Oil Recovery, или CO_2 – EOR) (рис. 6).

Закачка углекислого газа является одним из наиболее известных методов увеличения нефтеотдачи. Преобразование существующей практики для совместной оптимизации захоронения CO_2 и добычи нефти может не только обеспечить экономически эффективное сокращение выбросов, но и помочь создать крупномасштабную инфра-

Источник: по материалам МЭА [28].

Рис. 6. Схемы CO_2 -процессов повышения нефтеотдачи пласта

структуру для улавливания, утилизации и хранения/захоронения двуокиси углерода при одновременной добыче нефти.

Отдельно хотелось бы остановиться на вызовах и возможностях, связанных с 4-й промышленной революцией. На рис. 7 показаны ее основные отличия от трех предыдущих промышленных революций, а также базовые энергоносители, присущие каждой из них. В частности, специалисты одного из новых «мозговых центров» Республики Корея – Института будущего согласия (Future Consensus Institute) – считают, что 4-я промышленная революция является логическим продолжением 3-й промреволюции, вызванной развитием информационных технологий¹.

 Промышленные революции				
	1-я	2-я	3-я	4-я
Ведущие технологии	Паровой двигатель	Электричество	Информатизация Автоматизация	Искусственный интеллект Интернет вещей Большие данные
Источник энергии	Уголь	Нефть Природный газ Атомная энергия	НВИЭ	Традиционные источники энергии Новые источники
Особенности	Механизация	Разделение труда и массовое производство/потребление	Автоматизация и персонализация	Конвергенция и рационализация
Ключевые отрасли	Угольная Текстильная	Электроэнергетика, сталелитейное производство, машиностроение, химическая отрасль	ИКТ	Новые отрасли энергетики Робототехника

Compiled from presentation materials from «Energy Policy in the Fourth Industrial Revolution Era», Korea Institute for Industrial Economics & Trade (February 6, 2017)

Источник: [24].

Рис. 7. Четыре промышленные революции и виды энергоисточников

Однако изменения, происходящие на этом этапе, будут качественно отличаться ее от прежних революций (рис. 8). В эпоху 4-й промышленной революции, которая отличается «гиперсвязанностью»

¹ Как отмечено в материалах, подготовленных ЕСИЧЖЭ к Международному форуму 2017 г., под 4-й промышленной революцией, как правило, подразумевают процесс перехода промышленности на новый этап, который характеризуется максимизацией процессов автоматизации и связности благодаря конвергенции информационно-коммуникационных технологий с такими отраслями, как новые материалы, биотехнологии, искусственный интеллект, робототехника, интернет вещей, большие данные (Big Data) и другими сферами высоких технологий [6].

(Hyper-Connected) и «гиперинтеллектуальностью» (Hyper-Intelligent), наша жизнь превращается в пространство, где «все вещи между собой связаны, а общество станет более интеллектуальным». Эти процессы приведут к изменениям в обществе, которые будут происходить в геометрической прогрессии [5, 6].

Источник: [5] по данным [24].

Рис. 8. Энергетические трансформации, вызванные 4-й промышленной революцией

Интересны и выводы специалистов Института будущего согласия о том, что для понимания сущности 4-й промышленной революции важно понимание связи между самим процессом промышленной революции и основами энергетики, что 4-я промышленная революция может стать серьезным вызовом для энергетической безопасности, поскольку процесс инноваций и развитие технологий, отвечающих ее требованиям, сопровождаются высоким потреблением энергии [6; 24]. Разделяя эти опасения, автор данной статьи, тем не менее, исходит из того, что будущая структура мирового энергетического баланса будет зависеть от особенностей будущей экономики, сочетания в ней элементов неиндустриального, индустриального и постиндустриального развития. Именно структура будущей экономики определит адекватные себе источники энергии.

И, конечно же, нельзя не согласиться с таким выводом специалистов Института будущего согласия, что все вышеназванные задачи не могут быть решены силами одного государства или правительства. Поиск новых источников энергии является не просто необходимостью сегодняшнего дня. Он ведет к изменению парадигмы в сфере энергетической безопасности, стимулированию развития новых отраслей промышленности, а также закладывает основы для формирования новой системы электрогенерации и ее потребления. При этом все эти процессы возможны только при условии развития международного сотрудничества, в рамках которого следует особое внимание уделить процессу энергетической интеграции и созданию связности систем на региональном уровне [6; 24].

Основные тенденции развития мировой энергетики в 2017–2018 гг.

Выше уже было отмечено, что энергетическая картина мира находится в процессе непрерывного развития. Не стали исключением в этом плане и последние годы, в которые, с одной стороны, подтвердились ранее сформировавшиеся тенденции, а с другой – выявились (или оформились в последние годы) определенные особенности этих тенденций и процессов. Кратко рассмотрим важнейшие из них¹:

- продолжающийся рост потребления первичной энергии в мире (в 2017 г. – на 252,7 млн т н.э., или 2,2% по сравнению с 1,2% в 2016 г., до 13511,2 млн т н.э.), который был самым высоким с 2013 г. (выше среднего показателя в 1,7% за последние десять лет). Этот рост во многом был обусловлен странами ОЭСР, в частности ЕС, которые в предыдущие годы демонстрировали снижение энергопотребления (в среднем за 2006–2016 гг., соответственно, на 0,2% и 1,0% ежегодно). В значительной части изменение этого тренда было связано с ускорением экономического роста, хотя свой вклад в него внесло и замедление темпов снижения энергоемкости производства. Тем не менее, основная часть (почти 80%) глобального прироста потребления энергии приходится на развивающиеся страны;

- дальнейшие изменения структуры мирового энергопотребления в сторону малоуглеродных и безуглеродных источников энергии. В 2017 г. наибольший прирост потребления энергии пришелся на природный газ (на 96 млрд куб. м, или на 82,8 млн т н.э., что составляет почти 33% суммарного прироста потребления топлива

¹ Здесь и ниже, если не оговорено особо, – по материалам анализа статистической информации компании BP [7; 22; 23].

и энергии), за которым следовали возобновляемые источники энергии (74,7 млн т н.э., или почти 30%). На прирост спроса на нефть, продолжающую занимать первое место в структуре глобального энергопотребления, в 2017 г. пришлось всего 64,6 млн т н.э. В 2017 г. впервые с 2013 г. выросло потребление угля («шаг назад», по выражению главного экономиста Группы ВР Спенсера Дейла), в основном за счет Индии. Потребление угля вновь, после трех лет последовательного снижения, выросло и в Китае;

- сохранение Китаем (17-й год подряд) роли крупнейшего растущего рынка энергии. В Китае за год энергопотребление выросло на 3,1%. Этот резкий рост был обусловлен восстановлением производства в таких наиболее энергоемких отраслях, как черная и цветная металлургия. Однако, несмотря на это, рост спроса на энергию в Китае в 2017 г. все еще был значительно меньшим, чем в среднем за последние 10 лет, а темпы снижения энергоемкости были более чем в два раза выше среднемировых («Два шага вперед, один шаг назад»);

- продолжающийся быстрый рост в мире солнечной электрогенерации, которая в 2017 г. увеличилась более чем на треть. Значительная часть этого роста по-прежнему опирается на политическую поддержку. Но этому росту способствовало продолжающееся снижение затрат на производство солнечной энергии, снижение, которое обеспечило аукционные ставки менее 5 центов/кВт.ч, что было немыслимо для большинства проектов еще несколько лет назад;

- относительное сохранение структуры мировой электрогенерации. Несмотря на бурное развитие в последнее десятилетие производства электроэнергии на базе ВИЭ, их доля в суммарной мировой электрогенерации за прошедшие 20 лет практически не изменилась. По оценке главного экономиста Группы ВР Спенсера Дейла, это свидетельствует, прежде всего, о высокой инерционности электроэнергетики, что необходимо учитывать и при разработке прогнозов ее развития;

- новое увеличение энергетически обусловленной эмиссии углекислого газа (CO₂). В 2017 г. выбросы углерода увеличились на 1,6% после незначительного или нулевого роста в течение последних трех лет (в 2014–2016 гг.)¹ – «шаг назад».

Продолжилась **трансформация** и основных **глобальных энергетических рынков – нефтяного и газового**² – при сохранении

¹ По данным независимой информационно-консалтинговой компании Enerdata – на 2% после «трех лет стагнации» [26].

² Газовый рынок по-настоящему глобальным еще не стал, хотя и развивается быстрыми темпами именно в этом направлении.

большинства ранее сформировавшихся тенденций их развития. Вкратце эти тенденции и трансформации в 2017 г. выглядели так [7].

В части развития *нефтяных рынков*:

- спрос на нефть в 2017 г. по-прежнему определялся импортерами нефти, получившими выгоду от падения цен на нее в предшествующие годы. Заметный рост спроса по сравнению со средним снижением за предыдущие 10 лет показали как страны Европы (на 0,3 млн барр./сут.), так и США (на 0,2 млн барр./сут.). Рост в Китае (на 0,5 млн барр./сут.) был ближе к его 10-летнему среднему показателю;

- со стороны предложения определяющим в 2017 г. стало взаимодействие между сокращением добычи странами ОПЕК и приростом добычи сланцевой нефти и других жидких углеводородов в США. Кроме того, резко (сверх целевых установок Соглашения ОПЕК+) снизилась добыча нефти в Венесуэле, пораженной экономическим и политическим кризисом. Однако в целом в 2017 г. добыча сырой нефти оставалась практически стабильной (0,1%);

- сокращение добычи сыграло важную роль в увеличении темпов снижения запасов нефти до относительно нормального уровня. С учетом сокращения, ежедневное потребление превышало производство в течение большей части 2017 г. В результате коммерческие запасы ОЭСР в 2017 г. упали примерно на 150 млн барр. и в марте 2018 г. в целом соответствовали пятилетнему скользящему среднему показателю, первоначально выделенному Венской группой;

- цены на нефть снижались в первой половине 2017 г., но по мере сокращения производства начали вновь расти, достигнув максимума в 66 долл./барр. за нефть марки Brent к концу года. В целом по году эта цена составила в среднем 54 долл./барр. по сравнению с 44 долл./барр. в 2016 г. Это был первый ежегодный прирост с 2012 г.¹

В части развития *газовых рынков*:

- 2017 г. стал рекордным в части потребления природного газа. В целом оно выросло на 3,0%, или на 96 млрд куб. м (самыми высокими темпами со времени финансового кризиса 2007–2008 гг.). Основной рост обеспечили страны Азии во главе с Китаем, в котором он составил 15,1%, или 31 млрд куб. м. Значительный рост потребления отмечен также на Ближнем Востоке (на 28 млрд куб. м, в том числе в Иране 13 млрд куб. м) и в Европе;

¹ Подробнее о развитии глобального рынка нефти в 2017 г. см., напр., [4; 30].

- рост потребления более чем соответствовал росту производства, особенно в России (на 8,2% или 46 млрд куб. м), Иране (на 10,5%, или 21 млрд куб. м), Австралии (на 18%, или 17 млрд куб. м) и Китае (на 8,5%, или 11 млрд куб. м). В целом производство газа в мире выросло на 4%, или на 131 млрд куб. м;

- продолжился рост торговли, производства и потребления сжиженного природного газа (СПГ), который в 2017 г. составил более 10%. Это самый сильный рост с 2010 г., чему способствовал запуск новых мощностей по производству СПГ в Австралии и США. Возросшая потребность Китая в СПГ составила почти половину глобального роста, при этом Китай обогнал Корею и стал вторым крупнейшим импортером СПГ в мире после Японии.

Представление специалистов Международного газового союза (МГС – IGU) о ключевых событиях 2017 г. на газовых рынках показано на рис. 9.

Регион	Потребление	Цены на газ	Торговля – в среднем по региону			Инфраструктура
			Добыча	Импорт	Экспорт	
Африка	⬆️ 6,7%	-	⬆️ 8,6%	⬇️ -5,0%	⬆️ 8,9%	⬆️ FID СПГ проекта В Мозамбике
Азия	⬆️ 5,3%	⬆️ +1,1* (спот – Япония)	⬆️ 4,1%	⬆️ 10,0%	⬆️ 10,6%	⬆️ Новые СПГ заводы и терминалы Развитие в Китае
СНГ	⬆️ 6,3%	-	⬆️ 6,8%	⬆️ 6,9%	⬆️ 7,8%	⬆️ Пуск 1-очереди «Ямал-СПГ» (Россия)
Европа	⬆️ 6,1%	⬆️ +1,1* (NBP)	⬆️ 1,9%	⬆️ 12,0%	⬆️ 14,3%	⬆️ Развитие сети (TANAP)
Лат. Америка	⬆️ 0,4%	-	⬆️ 0,1%	⬇️ -7,7%	⬇️ -7,7%	⬆️ Нет ключевых событий
Бл. Восток	⬆️ 4,8%	-	⬆️ 4,1%	⬇️ -3,7%	⬆️ -0,1%	⬆️ Нет ключевых событий
Сев. Америка	⬇️ -0,8%	⬆️ +0,5* (Henry Hub)	⬆️ 0,5%	⬆️ 8,0%	⬆️ 16,5%	⬆️ СПГ-заводы в США и трансграничные трубопроводы

* долл./млн. БТЕ

Источник: [31].

Рис. 9. Ключевые события глобального рынка газа в 2017 г.

Что же касается оценки специалистами МГС важнейших трансформаций газовых рынков в 2017 г., то они в целом совпадают с вышеприведенными представлениями об этих трансформациях специалистов Группы ВР. Однако специалисты МГС добавляют в их число и такие трансформации, как рост добычи природного газа в России (почти на 50 млрд куб. м); глобальный рост производства газа из нетрадиционных источников (на 10,8%) при снижении его добычи

из месторождений традиционного типа (на -0,5%); рост цен на газ на основных его региональных рынках (азиатском, европейском и северо-американском) [27].

Сводные данные по производству и потреблению природного газа в мире в 2010–2017 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Производство и потребление природного газа в мире
(млрд куб. м)**

Страны и регионы	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Годовые темпы роста		Доля в 2017 г.
					2017 г.	2006–2016 г.	
Производство природного газа							
США	575,2	740,3	729,3	734,5	1,0%	3,8%	20,0%
Канада	149,6	160,9	171,6	176,3	3,0%	-0,4%	4,8%
Австралия	54,0	76,0	96,4	113,5	18,0%	9,0%	3,1%
Норвегия	106,4	116,2	115,8	123,2	6,7%	2,8%	3,3%
Евросоюз	182,0	124,5	121,8	117,8	-3,1%	-5,3%	3,2%
Страны ОЭСР, всего	1120,2	1271,1	1286,6	1313,6	2,4%	1,9%	35,7%
Иран	150,1	191,4	203,2	223,9	10,5%	6,3%	6,1%
Катар	123,9	175,2	177,0	175,7	-0,5%	12,9%	4,8%
Сауд. Аравия	83,3	99,2	105,3	111,4	6,1%	4,2%	3,0%
Бл. Восток, всего	48,6	608,4	630,8	659,9	4,9%	6,5%	17,9%
Китай	96,5	135,7	137,9	149,2	8,5%	8,9%	4,1%
Россия	598,4	584,4	589,3	635,6	8,2%	-0,3%	17,3%
Мир, всего	3169,3	3519,4	3549,8	3680,4	4,0%	2,2%	100,0%
Потребление природного газа							
США	648,2	743,6	750,3	739,5	-1,2%	2,5%	20,1%
Канада	88,7	102,9	109,5	115,7	6,0%	2,5%	3,2%
Австралия	33,8	42,1	41,7	41,9	0,6%	4,9%	1,1%
Норвегия	4,1	4,5	4,4	4,5	3,8%	Менее 0,05%	0,1%
Евросоюз	521,0	417,7	448,8	466,8	4,3%	-1,3%	12,7%
Страны ОЭСР, всего	1538,9	1601,4	1660,0	1677,6	1,3%	1,6%	45,7%
Иран	150,6	191,9	201,4	214,4	6,8%	6,2%	5,8%
Катар	24,7	44,1	43,1	47,4	10,3%	8,3%	1,3%
Сауд. Аравия	83,3	99,2	105,3	111,4	6,1%	4,2%	3,0%
Бл. Восток, всего	385,6	487,2	508,9	536,5	5,7%	5,9%	14,6%
Китай	108,9	194,7	209,4	240,4	15,1%	13,7%	6,6%
Россия	422,6	409,6	420,2	424,8	1,4%	Менее 0,05%	11,6%
Мир, всего	3175,9	3474,2	3574,2	3670,4	3,0%	2,3%	100,0%

Источник: [22].

В 2018 г. развитие ситуации на **мировом рынке нефти** можно разделить на два больших этапа: рост цены в январе-октябре и падение в октябре-декабре. В целом же рынок нефти завершил год стремительным падением цен.

В числе основных причин роста цен на первом этапе аналитики называют [18]: действие Соглашения ОПЕК+; продолжавшийся рост спроса на нефть со стороны Китая (в январе 2018 г. Китай импортировал нефти на 20% больше, чем в прошлом году); введение США санкций против Ирана (в начале мая было объявлено о выходе США из соглашения, ограничивающего ядерный потенциал Ирана в обмен на снятие международных санкций). В результате всех этих и ряда других факторов 3 октября котировки достигли годового максимума, превысив 86 долл./барр. на ожиданиях жестких санкций против Ирана.

В течение второго этапа цена нефти упала с октябрьских максимумов на более чем 30 долл./барр. К середине третьей декады месяца

Таблица 2

Производство и потребление нефти в мире (млн барр./сут.)¹

	2017 г.				2018 г.				IV кв. 2018 / IV кв. 2017, %
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	
Производство нефти									
ОПЕК	38,9	39,2	39,6	39,5	39,3	39,1	39,6	39,7	+0,7
в т.ч. – Сауд. Аравия	11,9	12,0	12,0	12,0	12,0	12,2	12,5	12,8	+6,7
США	12,7	13,0	13,1	14,1	14,4	15,1	16,0	16,2	+15,3
Россия	11,5	11,3	11,3	11,3	11,3	11,3	11,6	11,7	+3,9
Мир	96,6	96,9	97,9	98,2	98,3	99,0	100,9	101,3	+3,1
Потребление нефти									
Китай	12,5	12,6	12,2	12,7	12,7	13,0	13,1	13,3	+4,9
Европа (ОЭСР)	13,9	14,3	14,7	14,4	14,1	14,2	14,6	14,3	-0,7
США	19,8	20,3	20,2	20,5	20,6	20,6	20,9	20,9	+2,0
Мир	96,7	98,0	98,3	98,7	98,3	98,7	99,8	100,1	+1,4

Источник: по данным Аналитического центра при Правительстве РФ [19; 20].

¹ Следует отметить, что данные об объемах производства и потребления нефти, как и других энергоносителей, в материалах различных аналитических центров – Международного энергетического агентства, Управления энергетической информации США, Секретариата ОПЕК, Группы ВР и др. – различаются, причем зачастую достаточно сильно. Эти различия обусловлены тем, что соответствующие материалы базируются на разной методологии, альтернативных системах измерения, оперируют разной структурой энергопотребления и по-разному определяют «состав» отдельных источников энергии. Кроме того, отчетные данные периодически пересматриваются и уточняются по вновь выявленным обстоятельствам.

нефть марки Brent подешевела до 52 долл./барр., а цена нефти марки WTI опустилась к отметке 45 долл./барр. На 25 декабря февральский фьючерс на нефть Brent торговался на уровне 50,5 долл./барр.

Причин подобного падения было несколько. Во-первых, это более мягкий, чем ожидалось, вариант санкций против Ирана (исключение для ряда основных импортеров нефти из Ирана – Китая, Индии, Италии, Греции, Японии, Южной Кореи, Тайваня и Турции, – которые до марта 2019 г. могли покупать ее без санкций в ограниченном объеме). Во-вторых, замедление осенью роста спроса на нефть со стороны ее крупнейших потребителей — Китая и Индии. В-третьих, продолжение наращивания добычи нефти в США и рост ее коммерческих запасов в этой стране.

В начале декабря 2018 г. для стабилизации цен страны ОПЕК+ договорились сократить нефтедобычу с 1 января 2019 г. на 1,2 млн барр./сут. от уровня октября 2018 г.

При этом 0,8 млн барр./сут. сокращения объема добычи обеспечат страны ОПЕК, а 0,4 млн барр./сут. – другие участники соглашения, в том числе 228 тыс. барр./сут. – Россия¹.

Сводные данные по производству и потреблению нефти в мире² в 2017–2018 гг. представлены в табл. 2, а динамика среднемесячных цен на нефть марок WTI и Brent – на рис. 10.

В январе 2019 г. цены на нефть перешли к росту, увеличившись относительно значений конца декабря 2018 г. на 15–20%. Ко второй половине января нефть марки Brent закрепилась выше отметки 60 долл./барр., а цена нефти марки WTI – выше 52 долл./барр. В февралю рост цен на нефть продолжился. Во второй половине месяца нефть марки Brent преодолела отметку 67 долл./барр., а цена нефти марки WTI достигла 57 долл./барр.

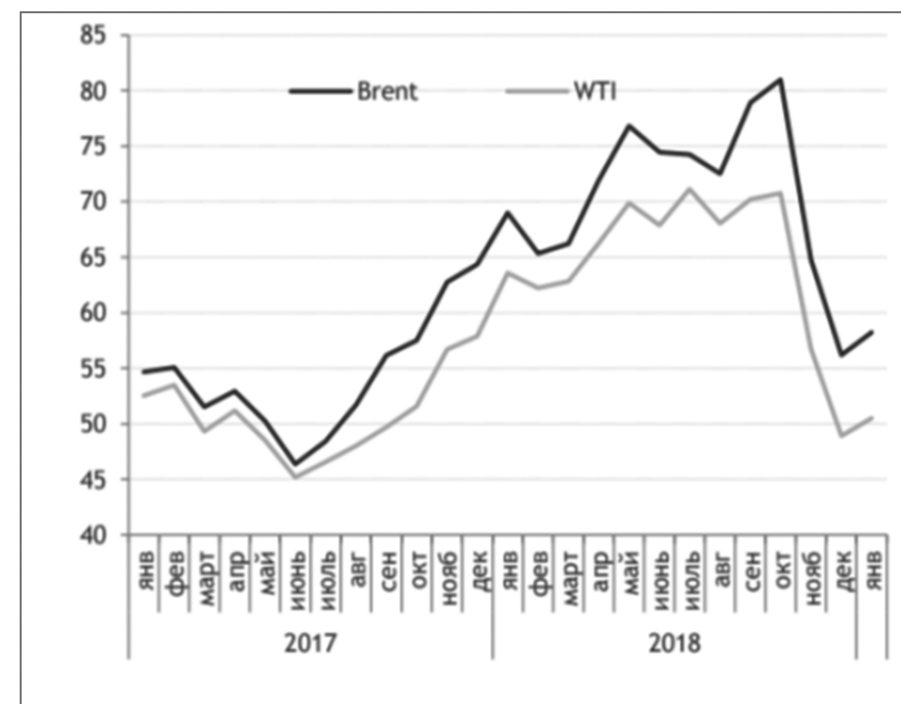
Однако уже 25 февраля цена на нефть марки Brent вновь снизилась до 64,92 долл./барр. На уровне 65–66 долл./барр. она держалась и все первые десять дней марта [16]. Котировки нефти марки WTI, превысив 57 долл./барр. к концу февраля, в первую декаду марта колебались в интервале 55,74–56,55 долл./барр. [17].

¹ К середине марта 2019 г. Россия сократила, по словам министра энергетики А. Новака, добычу нефти на 140 тыс. барр./сут. [14].

² Здесь и ниже, если не оговорено особо, понятие «нефть» включает в себя сырую нефть из традиционных и нетрадиционных (плотных формаций и низкопроницаемых коллекторов, нефтеносных песчаников Канады, сверхтяжелую нефть и битумы) источников; газовый конденсат и другие жидкие углеводороды, получаемые в процессе добычи, очистки и стабилизации природного газа; синтетическое жидкое топливо, полученное из угля и газа по технологиям «газ в жидкость» и «уголь в жидкость»; а также синтетическую (керогеновую) нефть из керогена горючих сланцев, биотопливо, другие виды жидкого топлива.

Как отмечают специалисты Аналитического центра при Правительстве РФ, важным фактором, поддержавшим рост цен на нефть в начале 2019 г., стала информация об активном сокращении объемов добычи нефти странами ОПЕК в соответствии с договоренностью в декабре 2018 г.

Кроме того, поддержку ценам на нефть оказало введение американских санкций против венесуэльской государственной нефтекомпания PDVSA и ожидание успеха в торговых переговорах США и Китая. При этом на рынке сохраняются опасения по поводу спроса на нефть из-за признаков замедления роста мировой экономики, что сдерживает дальнейший рост цен на нефть и влияет на ее волатильность. Давление на цены в эти месяцы оказывал и устойчивый рост коммерческих запасов нефти и нефтепродуктов в США [21].

Источник: [20], по данным Thomson Reuters, АЭИ США, МВФ и Всемирного банка.

Рис. 10. Среднемесячные цены на нефть марок WTI и Brent (долл./барр.)

Основными событиями на газовых рынках в 2018 г. и начале 2019 г. стали¹:

¹ По данным МГС (IGU), МЭА, Минэнерго России и Аналитического центра при Правительстве РФ.

- закрепление США в роли не только крупнейшего в мире производителя природного газа, но и его нетто-экспортера (впервые за последние 60 лет нетто-экспортером они стали по результатам 2017 г.) с удвоением объемов экспорта СПГ;
- лидерство в мировом спросе на СПГ Азии: Япония, Р. Корея и Китай импортировали более половины всего произведенного СПГ в мире;
- наращивание опережающими темпами производства СПГ. Прирост мощности заводов по производству СПГ составил в 2018 г. 44 млрд куб. м, при этом объем незагруженных производственных мощностей достиг 26% (максимума в текущем десятилетии);
- превращение Китая в крупнейшего импортера природного газа (рост импорта почти на 50% по сравнению с 2017 г.);
- рост в 2018 г. экспорта российского газа более чем на 8% (до 243 млрд куб. м);
- выход на полную мощность завода по производству сжиженного газа проекта «Ямал-СПГ»;
- продление ПАО «Газпром» и OMV контракта на поставку газа в Австрию до 2040 г.;
- завершение строительства морской части «Турецкого потока» и начало строительства морской части «Северного потока – 2»;
- рост ежемесячных спотовых цен на европейских рынках в сентябре 2018 г. до пиковых значений в 9,52 долл./млн БТЕ (январь 2019 г. ~ 8,00 долл./млн БТЕ);
- рост среднегодовой цены на Henry Hub до 3,16 долл./млн БТЕ, против 2,99 в 2017 г. (январь 2019 г. ~ 3,40 долл./млн БТЕ);
- достижение спотовыми ценами на СПГ на азиатских рынках 4-летнего максимума в октябре 2018 г. – 11,40 долл./млн БТЕ (январь 2019 г. ~ 7,00 долл./млн БТЕ).

Определенные трансформации в 2017–2018 гг. произошли и на других энергетических рынках (угольных, электроэнергетических), но по своему воздействию на развитие глобальной энергетики они были существенно менее значимы, чем трансформации нефтегазовых рынков.

Заключение

Дальнейшее развитие энергетических рынков и их трансформации ожидаются и в предстоящие годы. В частности, продолжающийся рост рынка СПГ окажет существенное влияние на торговые потоки, структуры ценообразования и глобальную газовую безопасность.

Именно эти трансформации в совокупности с достижениями научно-технического и технологического развития и ожидаемыми геополитическими сдвигами будут определять будущую картину глобальной энергетики.

Развитие науки, техники и технологий уже к началу текущего века открыли человечеству не только возможность эффективного использования в широких масштабах возобновляемых источников энергии, но и практически неограниченных объемов нетрадиционных ресурсов углеводородного сырья.

Эти же успехи, показав, что энергетический голод планете не грозит, привели как к снижению угроз энергетического дефицита, так и к необходимости переосмысления проблем и перспектив мирового энергетического баланса в целом.

Определяющим фактором грядущих изменений этого баланса и его структуры выступает, на наш взгляд, прежде всего технологический фактор, а именно: степень доступности и эффективности технологий, обеспечивающих разработку нетрадиционных ресурсов нефти и газа, использование возобновляемых источников энергии, рост эффективности использования энергии, формирование инновационной экономики, основанной на малозатратных нано-, био-, информационных, когнитивных и других подобных технологиях.

Уже сделанные научные и технологические достижения дают основание говорить об изменении самой энергетической философии. Время, когда наличие природных ресурсов позволяло их владельцу диктовать свои условия потребителям, ушло – если и не безвозвратно, то надолго. И лица, наделенные правом принимать решения, затрагивающие интересы и судьбы миллионов людей, должны не просто это понимать, но и действовать, исходя из этого понимания.

Кроме того, возможность эффективного использования ВИЭ и нетрадиционных углеводородов не только увеличивает общие ресурсы энергоносителей, но и кардинально меняет геополитическую ситуацию в мире, в частности – «расстановку сил» и деление государств на страны-экспортеры и страны-импортеры.

Это уже наблюдается в настоящее время на примере США с их сланцевой революцией.

Список литературы

1. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета / пер. с англ. под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 32 с.

2. *Мастепанов А.М.* Глобальная энергетика и Россия: доклад на ежегодном форуме Клуба Ниццы // Сайт CLUB DE NICE Energie et Géopolitique. – Режим доступа: http://www.clubdenice.eu/2009/Cpte_rendu_forum_2009.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
3. *Мастепанов А.М.* Глобальная энергетика и Россия: российский взгляд из 2009 г. // Нефтяное хозяйство. 2010. № 3, Март. С. 36–41.
4. *Мастепанов А.М.* Глобальный рынок нефти в 2017–2018 гг.: итоги и прогнозы // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 4. С. 8–25.
5. *Мастепанов А.М.* К вопросу о формировании внешней среды для перспективного развития мировой энергетике и ее нефтегазового сектора: доклад на научном семинаре «Экономика энергетике и окружающей среды» Московской школы экономики МГУ, 15 февраля 2018 г. // Сайт ГУ ИЭС. – Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/Docs/Mastepanov_txt_18-02-18.pdf; http://www.energystrategy.ru/Docs/Mastepanov_18-02-18.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
6. *Мастепанов А.М.* К вопросу о формировании внешней среды для перспективного развития мировой энергетике и ее нефтегазового сектора // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 2. С. 5–15.
7. *Мастепанов А.М.* Мировая энергетика: основные итоги 2017 года // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 10. С. 5–6.
8. *Мастепанов А.М.* Новая энергетическая картина мира и изменение приоритетов развития нефтегазовой отрасли: презентация доклада, сделанного 3 марта 2017 г. в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, на заседании Секции нефти и газа РАЕН // Сайт ГУ ИЭС. – Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/Docs/03_03_17_Mastepanov.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
9. *Мастепанов А.М.* Основные тенденции технологического развития мировой энергетике как внешний фактор роста ТЭК России: доклад на Международном энергетическом форуме «Инновации. Инфраструктура. Безопасность» (Москва, 11 декабря 2018 г.) // Сайт ГУ ИЭС. – Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/Docs/11_12_2018_Mastepanov_report.pdf; http://www.energystrategy.ru/Docs/11_12_2018_Mastepanov_presentation.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
10. *Мастепанов А.М.* Энергетическая ситуация в условиях новых вызовов и геополитических реалий: доклад на 3-й Российско-германской конференции «Через инновации к энергоэффективности» (Берлин, Marriott Hotel, 20 марта 2015 г.) // Сайт ГУ ИЭС. – Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/ies_news.htm (дата обращения: 01.03.2019).
11. *Мастепанов А.М.* L'énergie mondiale, les nouveaux défis dans les domaines de la géopolitique, des ressources, de la macroéconomie, de la technologie et de la société: доклад на ежегодном форуме Клуба Ниццы // Сайт CLUB DE NICE Energie et Géopolitique. – Режим доступа: http://www.clubdenice.eu/2010/Cpte_rendu_FORUM_2010.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
12. *Мастепанов А.М.* L'Energie mondiale face aux nouveaux défis: un ordre du jour pour les politiques et le monde des affaires: доклад на ежегодном форуме Клуба Ниццы // Сайт CLUB DE NICE Energie et Géopolitique. – Режим доступа: <http://www.clubdenice.eu/2014/Mastepanov> (дата обращения: 01.03.2019).
13. *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности, 2016. 32 с. [Без выходных данных.] // Сайт СПОП. – Режим доступа: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
14. Россия вышла на сокращение добычи нефти в 140 тыс. баррелей в сутки // Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3915570> (дата обращения: 18.03.2019).
15. Современная мировая политика / под ред. Е.П. Бажанова; Дипломатическая академия МИД России. – М.: Дашков и К°, 2018.
16. Справочный портал «Калькулятор». – Режим доступа: <https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html?date=2019-03> (дата обращения: 13.03.2019).
17. Справочный портал «Калькулятор». – Режим доступа: <https://www.calc.ru/dinamika-Wti>. (дата обращения: 13.03.2019).
18. Финтех-компания DTI Algorithmic. – Режим доступа: <https://blog.dti.team/neft-chto-viyalo-na-senu-v-2018-godu/> (дата обращения: 08.03.2019).
19. Энергетический бюллетень. Выпуск № 55, декабрь 2017 // Сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15657.pdf> – (дата обращения: 8.03.2019).
20. Энергетический бюллетень. Выпуск № 68, январь 2019 // Сайт Аналитического центра при Правительстве РФ – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20348.pdf> (дата обращения: 08.03.2019).
21. Энергетический бюллетень. Выпуск № 69, февраль 2019 // Сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20892.pdf> (дата обращения: 08.03.2019).
22. BP Statistical Review of World Energy. June 2018. 67th edition. 54 p. // BP. – Access mode: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy>. (date of treatment: 12.03.2019).
23. Energy in 2017: two steps forward, one step back / Презентация в ИМЭМО РАН главным экономистом Группы BP С. Дейлом Статистического обзора мировой энергетике – 2018 // Сайт ИМЭМО РАН. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4362&p=&ret=740&year=2018&sem=404 (date of treatment: 08.03.2019).
24. Future Consensus Forum 2017: сб. матер. к Форуму / Future Consensus Institute, 2017. – 243 p.
25. Global CCS Institut – Access mode: <http://hub.globalccsinstitute.com/node/99431> (date of treatment: 05.03.2019).
26. Global Energy Trends, 2018 edition. A step backward for the energy transition? // Enerdata. – Access mode: <https://d1owejb4br3l12.cloudfront.net/sites/default/files/images/hausse-emissions-co2.png> (date of treatment: 16.03.2019).
27. Global Gas Report, 2018. Snam, International Gas Union, BCG. November 10, 2018 // IGU. – Access mode: <https://www.igu.org/publication/302124/31> (date of treatment: 09.03.2019).
28. IEA. – Access mode: <https://www.iea.org/topics/carbon-capture-and-storage/storage/> (date of treatment: 08.03.2019).
29. IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change), 2005, IPCC special report on carbon dioxide capture and storage: prepared by Working Group III of the Intergovernmental Panel on Climate Change: Cambridge and New York, Cambridge University Press, 442 p.
30. International Energy Agency – Oil Market Report. 19 January 2018 // IEA. – Access mode: <https://www.iea.org/media/omrreports/fullissues/2018-01-19.pdf> (date of treatment: 16.03.2019).
31. Norway Diplomatic Forum – Oslo. Thursday, January 10, 2019. Presentation of Luis Bertrán Rafecas, Secretary General International Gas Union // IGU. – Access mode: https://www.igu.org/sites/default/files/node-page-field_file/Diplomatic%20Gas%20Forum%20Oslo%20.pdf (date of treatment: 09.03.2019).
32. World Energy Outlook 2018. OECD/IEA, 2018. 645/661 p. // IEA. – Access mode: <https://webstore.iea.org/world-energy-outlook-2018> (date of treatment: 05.03.2019).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Зверева Татьяна Вадимовна,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: tatyana.zvereva@yandex.ru

Tatiana V. Zvereva,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: tatyana.zvereva@yandex.ru

СЕВЕРО-БАЛТИЙСКАЯ ГРУППА В МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ

NORDIC-BALTIC EIGHT (N-B8) IN A CHANGING EUROPE

Аннотация: В статье проанализированы причины активизации субрегиональных объединений на пространстве Европейского Союза. Изучены результаты реализации Макрорегиональной стратегии ЕС для Балтийского региона. Особое внимание уделено Северо-Балтийской группе, истории и причинам ее создания, специфике ее деятельности на современном этапе. Исследованы подходы группы к актуальным международным и региональным проблемам. Среди них – обеспечение региональной безопасности, миграционный кризис, Брекзит, отношения с Россией. В статье освещены проблема усиления американского военного присутствия, а также цели США и некоторых государств – членов ЕС в Балтийском регионе. Проанализированы причины оживления сотрудничества Северо-Балтийской и Вишеградской групп, выявлены основные сферы их взаимодействия. Сделан вывод о том, что влияние субрегиональных группировок на выработку общего курса ЕС будет постепенно возрастать.

Ключевые слова: Европейский Союз, субрегиональные объединения, Северо-Балтийская группа, Вишеградская группа, перспективы европейской интеграции.

Abstract: The article analyzes the reasons for the activation of sub-regional groups in the European Union. The results of the implementation of the EU macro-regional strategy for the Baltic region are studied. Particular attention is paid to the study of the North-Baltic group, the history and reasons for its creation, the specifics of its activities at the present stage. The North-Baltic group approaches to current international and regional issues are analyzed. Among them – the security problems, the role of the North Atlantic alliance, the migration crisis, Brexit, relations with Russia. The article highlights the goals of the United States and some EU member states in the Baltic region. Special attention is paid to the reasons of the cooperation between the North-Baltic and Visegrad groups and the main areas of their interaction. It was concluded that the influence of sub-regional groups on the development of the EU common course will gradually increase.

Key words: European Union, subregional groups, North-Baltic group, Visegrad group, the future of the European integration process.

Введение

В течение всего постбиполярного периода международных отношений на пространстве Европейского Союза активно развивается региональное сотрудничество. ЕС проводит политику, направленную на выравнивание уровней экономического развития, создание общего однородного пространства и постепенное стирание границ между государствами-членами. В последние годы все громче заявляют о себе отдельные субрегиональные объединения, сформированные еще в конце XX в. Изучение происхождения этих групп, причин их сегодняшней активизации, их подходов к различным международным проблемам представляет собой особый интерес, позволяя понять, какое влияние могут оказать эти формирования на будущее развитие Европейского Союза, переживающего сегодня сложную трансформацию. Рассмотрим эти проблемы на примере стран Северо-Балтийской группы.

«Поликризис» ЕС как причина активизации субрегиональных группировок

Субрегиональные группировки внутри Евросоюза, чья деятельность оживилась в последние годы, существенно отличаются друг от друга по происхождению, составу, характеру, а также по отношению к основным решениям, принимаемым в рамках ЕС. Их одновременное оживление показывает наличие общих причин, способствующих этой новой субрегиональной активности на пространстве Евросоюза.

Эти причины связаны со сложными процессами, протекающими в Европейском Союзе. С одной стороны, двойственная природа ЕС является источником проблем: передача полномочий на уровень Евросоюза сопряжена с преодолением больших трудностей, так как национальные государства, как правило, с трудом расстаются со своими правами. Иллюстрируя специфику развития ЕС, Е.П. Бажанов подчеркивает, что «стимулы к интеграции сохраняются. Этому способствует неуклонно углубляющаяся взаимозависимость государств во всех сферах... Интеграция создала удобства, от которых никому не хочется отказываться: прозрачные границы, единая валюта, возросшее разнообразие в вопросах трудоустройства и получения образования и т.д. ... Есть вместе с тем факторы, которые тормозят и будут тормозить интеграцию Старого Света. Наиболее очевидный – наличие мощных институтов национальных государств.

Правительства, парламенты, судебные органы, вооруженные силы, спецслужбы обуреваемы инстинктом самосохранения и зациклены на отстаивании суверенитета своего государства» [1, с. 138–139].

С другой стороны, осложнение ситуации на пространствах Европы, которое председатель Европейской Комиссии Ж.-К. Юнкер назвал «поликризисом» ЕС, объясняется не только «врожденной» противоречивостью европейского интеграционного процесса. Напомним, что проблемы в развитии Европейского Союза постепенно нарастали с самого начала XXI в., чему способствовало, в том числе, масштабное расширение состава ЕС в 2004 г. Принятие в Европейский Союз большого количества новых стран изменило европейский проект и привело к усугублению институционального кризиса [6].

В 2010 г. институциональный кризис сменился сначала финансово-экономическим, а потом, в 2015 г. – миграционным и обострением угрозы терроризма, что было вызвано масштабной дестабилизацией соседнего с Европой региона Ближнего Востока и Северной Африки [5]. В этих условиях остро встала задача формирования общего ответа на новые вызовы. Однако на этом пути европейские страны столкнулись с определенными препятствиями. Продолжающаяся дестабилизация соседних с ЕС регионов и осложнение отношений с Россией еще больше затрудняли решение этих проблем. Ситуация усугублялась в связи с тем, что каждый последующий кризис в определенной степени становился следствием предыдущего. Все это в совокупности способствовало усилению популистских антиевропейских настроений среди граждан стран – участниц ЕС. Следующей значительной кризисной точкой в развитии евроинтеграции стало решение Великобритании о выходе из Союза и открытие сложных, мучительных для обеих сторон переговоров по Брекзиту.

В этих условиях не удивительно, что отдельные государства – члены ЕС, стремясь более эффективно отстаивать свои интересы в рамках многочисленного и неоднородного по своему составу Союза, активизировали сотрудничество между собой.

Специфика политики ЕС в Балтийском регионе

Политика ЕС в Балтийском регионе, направленная на стимулирование регионального сотрудничества, имеет ряд особенностей.

Во-первых, после распада биполярной системы международных отношений она была направлена на подготовку к вступлению в Союз трех балтийских постсоветских республик, активизацию их взаимно-

го сотрудничества, а также их взаимодействия с ближайшими северными соседями.

Во-вторых, речь шла о том, чтобы способствовать решению экологических, торговых, инфраструктурных проблем региона, подтягивая отстающих до общеевропейского уровня развития [5]. Для реализации этих целей Евросоюз стимулирует интеграционные проекты, опираясь при этом на своих старых проверенных членов, что позволяет заодно более активно работать и с ними.

В-третьих, в последнее время на первый план выходит задача обеспечения безопасности, чему уделяется растущее внимание. В Балтийском регионе особенно ярко выражена специфика подхода ЕС к внешней и оборонной проблематике в условиях того, что Евросоюз вынужден мириться с доминированием США и НАТО, фактически соглашаясь с ролью второго плана в этих вопросах.

Для согласования общих подходов к решению указанных задач используются, главным образом, два формата – сотрудничество в рамках объединения NB-8 (Северо-Балтийская группа) и Макрорегиональная стратегия ЕС для Балтийского региона.

Несмотря на то что Макрорегиональная стратегия ЕС для Балтийского региона принята относительно недавно (2009 г.), именно этот формат сотрудничества является сегодня одним из основных с точки зрения реализации главной цели Евросоюза в регионе – выравнивания уровней развития и решения инфраструктурных, энергетических и торгово-экономических проблем. В целом Балтийская Макростратегия стала успешным опытом, который решено было развить и дополнить подобными стратегиями для других регионов ЕС.

Балтийская Макрорегиональная стратегия была принята при особо активном участии Швеции и при определенном сопротивлении со стороны опасавшейся дополнительных расходов Германии. В Стратегии участвуют три постсоветские балтийские республики, а также Швеция, Финляндия, Дания, Германия и Польша.

Официальная цель Макрорегиональной Балтийской стратегии – способствовать сплочению и повышению конкурентоспособности региона. Приняты программы, направленные на спасение экологии Балтийского моря, на обеспечение транспортной доступности, а также рост благосостояния граждан и активизацию сотрудничества в сфере энергетики. Стратегия способствует мобилизации фондов ЕС, координации политики стран-участниц, региональных, неправительственных организаций и институтов с целью добиться более сбалансированного развития Балтийского региона.

Особое внимание в рамках Балтийской Макростратегии уделяется проблемам энергетической безопасности, в том числе трех постсоветских стран региона, которые до сих пор работают в синхронном с постсоветской энергосистемой режиме и зависят от диспетчерской в Москве и от российской электроэнергетической сети. В планах Евросоюза – диверсифицировать источники энергопоставок. Для этого предполагается, в том числе, объединить энергосети балтийских стран и подключить их к общей сети ЕС [4].

В начале 2019 г. Еврокомиссия сообщила, что Европейский Союз решил выделить на первый этап синхронизации линий электропередачи балтийских стран 323 млн евро – 74,6% стоимости проекта (432,5 млн евро), предварительная стоимость которого может достигать 1,5 млрд евро [3]. В целом же общее финансирование Стратегии осуществляется за счет Региональной политики и Политики сплочения ЕС. В документах ЕС особо подчеркивается, что специальных средств на региональные Макростратегии не выделяется.

Регулярно проводится мониторинг всех макрорегиональных стратегий. В отчете, опубликованном в конце 2017 г., приводятся данные об их анализе по 80 индикаторам с целью проверить, соответствуют ли они задачам, стоящим перед макрорегионами. В ходе исследования опрошены 6 тыс. чел. в период с апреля по сентябрь 2017 г.

В разделе, посвященном Балтийскому макрорегиону, отмечены как достижения, так и слабые места этого проекта ЕС. Подчеркнуто, что Балтийская Макростратегия направлена как на страны со зрелой экономикой, так и на государства, имеющие низкие показатели социально-экономического развития, но высокие темпы роста. Отмечается, что страны Балтийского региона сильно отличаются друг от друга по уровню конкурентоспособности, а использование природных ресурсов недостаточно эффективно во всех странах Стратегии. В политической сфере констатирована эффективность политики ЕС, но также указано на разрыв между новыми и старыми членами в уровнях развития политических институтов, участия граждан в управлении и прозрачности системы управления. Иначе говоря, признается сохранение разрыва в уровнях развития между «старыми» членами ЕС и балтийскими новичками, несмотря на определенный прогресс последних.

В отчете отмечено, что регион характеризуется относительно высоким уровнем макрорегиональной интеграции, а также подчеркнута, что в целом достигнутые результаты могут быть оценены как положительные. Среди достижений, полученных в ходе реализации Страте-

гии, указано улучшение экологии Балтийского моря, транспортной инфраструктуры, развитие сотрудничества между регионами, включая частный сектор. Удалось добиться усиления политического диалога и укрепления сотрудничества между странами – участницами Стратегии. При этом констатировано, что большое влияние на реализацию целей Стратегии оказывают внешние акторы [15].

В отличие от Балтийской Макростратегии формат NB-8 (Северо-Балтийская группа) включает три постсоветские балтийские республики, три государства – члена ЕС (Швецию, Финляндию, Данию), а также две северные страны, не являющиеся полноправными членами Евросоюза, – Исландию и Норвегию. NB-8 (первоначально Nordic-5 плюс Baltic-3) был создан в начале 1990-х гг. специально для успешной интеграции в ЕС трех прибалтийских республик, образованных на пространстве бывшего СССР.

Предполагалось, что их сближение с ЕС будет лучше проходить под «патронажем» Северных балтийских стран – участниц Евросоюза. По словам британского политолога К. Арчера, NB-8 объединила «северных лебедей и балтийских лебедей» [16]. Такие страны, как Дания, вступившая в Евросоюз в 1973 г., а также Финляндия и Швеция (члены ЕС с 1995 г.), традиционно играли роль «моста» между европейским интеграционным объединением и соседними восточными государствами. Наиболее активно продвигали идею NB-8 Швеция и Финляндия, и после распада биполярной системы международных отношений именно эти страны взяли на себя «заботу» о новичках из Балтийского региона. В 2000 г. из первоначального N5 + B3 объединение было переименовано в NB-8, что должно было символизировать новый уровень внутреннего единства.

После вступления в ЕС в 2004 г. члены группы продолжали развивать сотрудничество между собой под «патронажем» более опытных членов Евросоюза и при активной поддержке со стороны ЕС.

В 2008 г. под влиянием финансово-экономического кризиса была принята «Общая трудовая политика» для Балтийского региона, направленная на то, чтобы снизить миграцию рабочей силы из стран Балтии в более благополучные страны ЕС. С участием представителей профсоюзов и организаций предпринимателей разработана и принята платформа «Трудовые рамки для стран Балтийского моря».

В 2013 г. в рамках борьбы с последствиями кризиса еврозоны органами ЕС предприняты меры, направленные на стимулирование сотрудничества между банками стран Балтии при одновременном усилении их подчинения ЕЦБ. В феврале 2018 г. представителями

стран NB-8 было подписано соглашение о трансграничной финансовой стабильности [14]. Это соглашение вписывается в общую линию ЕС по созданию полноценного банковского союза.

Нельзя также не отметить, что, не имея пока четкого институционального оформления внутри ЕС, группа NB-8, тем не менее, в самостоятельном виде представлена в таких международных структурах, как Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Декларированной целью объединения NB-8 является решение насущных проблем развития региона Балтийского моря. Однако в отличие от Макрорегиональной Балтийской стратегии сотрудничество в рамках NB-8 ориентировано, прежде всего, на согласование общих политических подходов к актуальным международным проблемам. Рассмотрим позиции отдельных стран Северо-Балтийского объединения, а также самой группы по укреплению безопасности, миграционным проблемам, Брекзиту и отношениям с Россией.

NB-8 и региональная безопасность

Характеризуя подходы Северо-Балтийской группы к проблемам безопасности, необходимо отметить, что миф о так называемой «российской военной угрозе» служит главным предлогом для наращивания странами региона военных расходов, развития взаимодействия внутри группы, а также укрепления их связей с США и НАТО. Страны объединения активнее других государств ЕС продвигают идею укрепления так называемой «военно-политической связки» между ЕС и НАТО. Антироссийские настроения служат обоснованием для усиления активности альянса в регионе.

С США и Великобританией Северо-Балтийское объединение связывают официальные соглашения. С 2003 г. между странами NB-8 и Соединенными Штатами действует формат под названием «Усиленное партнерство в Северной Европе» (e-PINE) – регулярные совещания по проблемам безопасности и социально-экономического развития. Вашингтон, таким образом, имеет возможность активно влиять на NB-8, хотя формально и не участвует в объединении. С 2004 г. три балтийские постсоветские республики входят в НАТО, что обусловило основную роль США и Североатлантического альянса в сфере обеспечения безопасности балтийских республик.

Выстраивая взаимодействие с Северо-Балтийской группой, Вашингтон решает сразу несколько задач. Во-первых, Соединенные Штаты укрепляют свои позиции в качестве военно-политического форпоста коллективного Запада в регионе и в целом на европейском

континенте, активно эксплуатируя так называемую «российскую военную угрозу» безопасности стран Балтии.

Во-вторых, США получили возможность более активно привлекать военнослужащих из трех прибалтийских республик для решения задач за пределами Европы, опираясь на опыт их участия в военных операциях в Афганистане и в Ираке.

В-третьих, немаловажно то, что США и НАТО удалось добиться от постсоветских балтийских республик реализации решения альянса о военных расходах: оборонный бюджет Латвии, Литвы, Эстонии достигает 2% ВВП, несмотря на их отставание по темпам экономического роста от средних по ЕС показателей.

В-четвертых, взаимодействуя со странами Северо-Балтийской группы, США укрепляют связи со Швецией и Финляндией, не являющимися членами НАТО. Сотрудничество с использованием формата e-PINE между Финляндией, Швецией и США было активизировано с 2013 г., еще до начала кризиса на Украине.

Евросоюз в вопросах обеспечения безопасности региона как бы оказался «на вторых ролях». Вместе с тем отдельные страны ЕС, активно продвигающие Общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС (ОВПБ), стремятся развивать военно-политические связи со странами Балтии. Так, например, новые акценты появились во французской политике в регионе после прихода к власти Э. Макрона при том, что еще три года назад Франция не проявляла интереса к Балтийским странам. В брошюре Министерства обороны Франции под названием «Франция перед лицом вызовов безопасности на Балтике» отмечено, что регион Балтии, где проживают 200 тыс. выходцев из Франции, представляет особый интерес для Парижа. В документе подчеркнуто, что Франция и страны региона объединены общими стратегическими интересами. При этом среди главных вызовов безопасности Европы обозначены терроризм и миграционные потоки, приходящие из Африки и с Ближнего Востока.

В документе Министерства обороны Франции особо выделено участие французских военнослужащих в миссиях НАТО на территории балтийских стран, а также отмечено, что ответственность за ремилизацию региона якобы лежит на Москве, «которая проводит политику самоутверждения в качестве военной державы, прибегая к стратегическому устрашению, включая развертывание войск и угрозы применения силы на многих театрах, нарушая международное право, в частности, аннексировав Крым». На реализацию своих целей в Балтийском регионе Франция ежегодно тратит от 40 до 50 млн евро [12].

Сообщается также, что военные из балтийских республик обучаются в Сен-Сире, а французские самолеты принимают участие в патрулировании воздушной границы стран Балтии с Россией [11].

Северо-Балтийская группа и актуальные региональные проблемы

С 2015 г. миграционная проблема находилась в центре внимания стран ЕС и Еврокомиссии. Общая позиция NB-8 по проблемам миграции сводилась к поддержке политики Евросоюза, однако этот курс не вполне соответствовал сложившемуся в странах Северо-Балтийской группы и особенно в трех постсоветских балтийских странах отношению к этой проблеме. Неправильно было бы говорить и о полном единстве по этому вопросу внутри самой группы. Так, Швеция, являясь одной из самых привлекательных для мигрантов стран, долгое время проводила довольно мягкую миграционную политику [7] и существенно ужесточила свои подходы только в ходе кризиса 2015 г. В отличие от Швеции миграционная политика трех постсоветских государств традиционно носила жесткий характер, фактически направленный не на прием, а на вытеснение из страны представителей других стран и народов. Такой подход во многом продиктован стремлением утвердить свою собственную национальную идентичность, основанную на языковой и исторической общности. Однако решить эту задачу в условиях наступающей глобализации крайне сложно, что и предопределило использование искусственных конструкций, основанных не столько на современных реалиях, сколько на воспоминаниях об исторических обидах и поражениях и бесперспективных требованиях возмещения так называемого «ущерба». Этот общий настрой отражается не только на двусторонних отношениях с Россией, но и в целом на политике балтийских республик на других направлениях, в том числе на подходах к проблемам миграции.

Три балтийские постсоветские республики негативно реагировали на увеличение миграционного потока, направлявшегося в Европу в 2015 г., и отказывались принимать тех немногих беженцев, которые решили у них обосноваться. Вместе с тем, когда встал вопрос о выработке солидарного ответа ЕС на миграционный вызов, балтийские страны, как и в целом Северо-Балтийская группа, не стали препятствовать принятию общих решений. Как подчеркивают И.М. Бусыгина и С.А. Климович, «даже при принятии решений с неочевидной выгодой и высокими потенциальными рисками, как в случае с введением квотной системы распределения беженцев между странами –

членами ЕС в 2015 г., малые страны Балтии ... поддержали позицию внутриевропейской коалиции, выступавшей за солидарное решение этой кризисной ситуации посредством обязательного размещения беженцев на основе квот, хотя такое решение вызвало серьезные дебаты внутри балтийских стран и противоречило их миграционной политике, основанной на закрытости и эксклюзивности» [2].

Очевидно, что неудовлетворенность в связи с принятыми решениями по миграции должна была получить выход, что и выразилось в стремлении стран группы найти дополнительные точки опоры внутри ЕС. В результате Северо-Балтийская группа активизировала сотрудничество с другой субрегиональной внутриевропейской группировкой – Вишеградской группой (V-4), продвигающей в ЕС свою собственную повестку по вопросам миграции. Взаимодействие между двумя объединениями, зародившееся еще до начала миграционного кризиса, оживилось в ответ на их общую неудовлетворенность сформулированной внутриевропейской коалицией миграционной политикой Евросоюза.

Эта тенденция, свидетельствующая о стремлении балтийских стран укрепить их позиции внутри европейского ансамбля, получила свое дальнейшее развитие в связи с решением Евросоюза об открытии судебного преследования в отношении Польши и Венгрии в связи с нарушениями ими демократических норм. Малые страны Балтии вступились за коллег из Центральной Европы, пойдя наперекор мнению Еврокомиссии, и эта так называемая «фронда» стала возможной, в том числе, и потому, что группу NB-8 связывают особые отношения с Вишеградской группой.

В этих условиях Брюссель вынужден проявлять особую гибкость, добиваясь выработки общеевропейских подходов. В июне 2018 г. на саммите ЕС были приняты решения по вопросам миграционной политики, свидетельствующие о том, что странам Вишеградской группы при молчаливой поддержке со стороны балтийских стран удалось частично «продать» свою позицию: после девятичасовой дискуссии было решено отказаться от обязательных квот и распределять мигрантов на добровольной основе. Еврокомиссия предпочла пойти навстречу «фрондерам» ради принятия общего решения по вопросам миграции.

Характеризуя позицию NB-8 и особенно трех балтийских республик по актуальным международным и региональным проблемам, следует обратить внимание на вопрос Брекзита и перспективы развития ЕС после выхода Великобритании из Союза. Интересно,

что и здесь подходы Вишеградской группы оказываются близкими точке зрения Северо-Балтийского объединения. Как в V-4, так и в NB-8 не приветствуют идеи «разноскоростного развития» ЕС. Высказываются опасения, что в случае их реализации средние и малые страны могут оказаться в Европейском Союзе на вторых ролях и полностью утратят возможность влиять на политику ЕС.

Ожидается, что Брекзит будет иметь негативные последствия как для NB-8, так и для Вишеградцев. Их обеспокоенность, связанная с Брекзитом, получила отражение не только в национальных балтийских СМИ, но и в польской прессе. Очевидно, в Варшаве пристально следят за всем происходящим в государствах Балтии. Так, в статье Польского института международных отношений, близкого к правящей партии Польши, отмечается, что Великобритания традиционно является важным партнером балтийских стран как в сфере безопасности, так и в области экономического управления. По мнению авторов статьи, Брекзит может ослабить существующую коалицию стран-членов, заинтересованных в активном противодействии «российским устремлениям». В статье подчеркивается, что Великобритания продвигает близкую балтийским странам либеральную экономическую модель и ее выход из ЕС может иметь негативные последствия для свободного рынка [9].

Другой, не менее важный аспект Брекзита для трех постсоветских балтийских республик – опасения граждан в связи с утратой возможности беспрепятственно отправляться в Великобританию на работу. Вместе с тем эксперты привлекают внимание и к другим, неожиданно позитивным последствиям Брекзита для балтийских республик. Так, Брекзит постепенно становится стимулом для стран Балтии в деле освоения новых технологий, в том числе предназначенных для оптимизации финансовой деятельности. В малых балтийских странах создаются особые налоговые условия для начинающих, а также упрощены процедуры открытия новых фирм в этой сфере. Брекзит инициировал отток подобных компаний из Великобритании, чьей специализацией долгое время было оказание финансовых услуг в странах Евросоюза. Страны Балтии стремятся частично перехватить инициативу в этой области у Лондонского Сити, а также усилить свои конкурентные позиции по отношению к северным странам, занимающим доминирующие позиции в банковской сфере балтийских стран [13].

В целом же, как отмечается в упоминавшейся публикации польского Института международных отношений, Латвия, Литва и Эстония в качестве малых стран, имеющих небольшое количество голо-

сов в Совете ЕС, будут пытаться обеспечивать свое место с помощью создания коалиций. По мнению авторов статьи, Брекзит может стать шансом для них, позволяя увеличить свое влияние на политику ЕС. Их мощь при создании коалиций будет расти [10].

Анализируя политику стран Балтии и группы NB-8, нельзя не уделить внимание оценкам российского фактора, которые звучат в странах Балтийского региона. По накалу антироссийской риторики три постсоветские балтийские республики далеко опережают большинство других стран – членов Европейского Союза. Как подчеркивают И.М. Бусыгина и С.А. Климович, с момента вступления в ЕС балтийские страны лишь единожды открыто отказались от участия в коалиции большинства, и это произошло тогда, когда они заблокировали в 2008 г. открытие переговоров с Россией по новому соглашению о партнерстве с ЕС [2, с. 15]. Иначе говоря, страны Балтии были склонны занимать более жесткую по отношению к России позицию, чем так называемая «коалиция большинства ЕС», задолго до начала кризиса вокруг Украины. Очевидно, что немалую роль здесь сыграла ориентация балтийских элит на преимущественное сотрудничество с США, а также воспоминания о непростом историческом прошлом, которые окрашивают отношения этих стран с Россией и выносятся на первый план представителями местных балтийских элит.

Немаловажно и то, что за годы, прошедшие с начала кризиса на Украине, страны Северо-Балтийской группы негласно утвердились в роли кураторов от ЕС программы «Восточное партнерство» (ВП), создание которой они активно лоббировали в 2008–2009 гг., рассчитывая стать «старшими лебедями» по отношению к «шести лебедям» ВП. Показательно, что поддержка ВП значилась одним из шести приоритетных направлений деятельности Латвии на посту председателя Северо-Балтийской группы в 2016 г. [9].

Заключение

Особенностью развития ЕС в последние годы явилась активизация субрегиональных группировок. Их оживление стало ответом на изменения, происходящие в Европейском Союзе в последние два десятилетия. В условиях «поликризиса» малые и средние страны Евросоюза стремятся укреплять свои позиции внутри европейского объединения. Не имея четкого институционального оформления, Северо-Балтийская группа, тем не менее, все более активно заявляет о себе. Не решаясь открыто противоречить политике, формулируемой внутриевропейской коалицией, и в целом солидаризируясь

с подходами, продвигаемыми Европейской Комиссией, Северо-Балтийская группа сохраняет свое собственное виденье решения ряда проблем. В стремлении более эффективно отстаивать свои интересы Северо-Балтийская группа налаживает связи с подобными себе группировками, прежде всего с Вишеградской четверкой.

Продвигая наднациональную повестку и стимулируя выработку компромиссных решений по актуальным международным и региональным проблемам, Европейский Союз вынужден проявлять повышенную гибкость и маневренность и в большей степени, чем прежде, принимать в расчет точку зрения, транслируемую субрегиональными группировками.

Список литературы

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. – 464 с.
2. *Бусыгина И.М., Климович С.А.* Коалиция внутри коалиции: страны Балтии и Евросоюз // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 7–26.
3. ЕС выделил на первый этап синхронизации ЛЭП Балтийских стран 323 млн евро. – Режим доступа: <https://www.obzor.lt/news/n46132.html> (дата обращения: 16.09.2018).
4. *Зверев Ю.М.* Проблемы конкуренции и кооперации в топливно-энергетическом комплексе Балтийского региона // Балтийский регион. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград). – 2010. – № 1 (3). – С. 37–48.
5. *Зверева Т.В.* Миграционный кризис ЕС и его последствия // Представительная власть. – 2016. – № 1–2. – С. 39–43.
6. *Зверева Т.В.* Судьба Конституции для Европы – первый тревожный сигнал в череде европейских кризисов нового века // Европа в эпоху перемен / отв. ред. Т.В. Зверева. – М.: Дипломатическая академия, 2017. – 480 с. – С. 16–30. – Режим доступа: <http://www.dipacademy.ru/upload/iblock/649/ISBN%20978-5-9907695-3-3.pdf> (дата обращения: 18.12.2018).
7. *Кулябина Л.Н.* Швеция в современном мире. – М.: Научная книга, 2005. – 173 с.
8. *Кулябина Л.Н., Ногмова А.Ш.* Динамика сотрудничества России со странами Европы в рамках еврорегионов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 4 (18). – С. 56–68.
9. Bulletin PISM no 77 (927) 25 November 2016. – PAccess mode: <https://www.pism.pl/publications/bulletin/no-77-927> (date of treatment: 16.11.2018).
10. Cooperation among the Baltic and Nordic countries / 19.04.2017. – Access mode: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/baltic-sea-region/co-operation-between-the-baltic-and-nordic-countries> (date of treatment: 16.11.2018).
11. Défense: l'Otan s'enracine dans les pays baltes. – Access mode: <http://www.rfi.fr/emission/20180122-mouvements-otan-pays-baltes> (date of treatment: 16.08.2018).
12. Les enjeux sécuritaires de la Baltique rejoignent les intérêts stratégiques de la France. 20 янв. 2019. – Access mode: <http://www.opex360.com/2019/01/20/les-enjeux-securitaires-de-la-baltique-rejoignent-les-interets-strategiques-de-la-france/> (date of treatment: 16.01.2019).
13. *Malukas P.* Le Brexit, une chance pour les fintech lituaniennes. Publié le 14/02/2018 à 11:55 | AFP. – Access mode: https://www.lepoint.fr/economie/le-brexit-une-chance-pour-les-fintech-lituaniennes-14-02-2018-2194848_28.php (date of treatment: 16.11.2018).
14. Nordic, Baltic countries update cooperation agreement on ensuring financial stability. BC, Riga, 12 фев. 2018. – Access mode: <http://www.baltic-course.com/eng/finances/?doc=137593> (date of treatment: 16.08.2018).
15. Study on Macroregional Strategies and their Links with Cohesion Policy. Final Report. Directorate-General for Regional and Urban Policy. European Commission. November 2017. – Access mode: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/macro_region_strategy/pdf/mrs_links_cohesion_policy.pdf (date of treatment: 19.12.2018).
16. *Weber L.* Des trajectoires différentes d'intégration régionale au sein de l'Union Européenne. – Access mode: <https://www.taurillon.org/des-trajectoires-differentes-d-integration-regionale-au-sein-de-l-union/> (date of treatment: 21.12.2018).

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: smgavrilova@gmail.ru

Svetlana M. Gavrilova,

PhD (Histori),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: smgavrilova@gmail.ru

**КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ
И РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ
«ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ» В ЕВРОПЕ**

**THE CRISIS OF TRADITIONAL POLITICAL FORCES
AND THE GROWING POPULARITY
OF THE «POLITICAL ALTERNATIVE» IN EUROPE**

Аннотация: рост популярности представителей так называемой «политической альтернативы» – партий и движений протестного типа – в европейских странах стал одной из главных особенностей политической жизни Европы последних лет. В результате системного кризиса, охватившего Европейский союз, все более широкие слои избирателей склоняются к поддержке подобных политических акторов. Рост популярности этих партий и движений демонстрирует неприятие электоратом традиционных политических методов и инструментов в связи с их неэффективностью на фоне кризисных явлений. Традиционные политические силы оказываются не в состоянии дать ответы на современные вызовы и угрозы.

Ключевые слова: политическая альтернатива, протестные партии и движения, несистемные партии, Европейский союз, партийная система, политический ландшафт.

Abstract: the growing popularity of representatives of the so-called “political alternative” – parties and movements of the protest type – in European countries has become one of the main features of the political life of Europe in recent years. As a result of the systemic crisis that has engulfed the European Union, an increasing number of voters are inclined to support such political actors. The growing popularity of these parties and movements demonstrates the electorate’s rejection of traditional political methods and tools due to their inefficiency against the background of crisis phenomena. Traditional political forces are unable to respond to modern challenges and threats.

Key words: political alternative, protest parties and movements, non-systemic parties, European Union, party system, political landscape.

Политическая жизнь Европы в последние годы была отмечена системным кризисом, обусловленным рядом обострившихся проблем в политической, социальной, экономической сферах. Страны – члены ЕС столкнулись с кризисными явлениями в экономике. Миграционный кризис обусловил рост напряженности в социальной и культурной сферах жизни европейских государств. На первый план вышли проблемы в области безопасности, напрямую уязвляемые в обще-

ственном сознании с миграционным вопросом. Рост евроскептицизма в ряде стран Единой Европы ставит под вопрос будущее всего Евросоюза. Все это обусловило глубокий и затяжной системный кризис.

Европа в целом и Европейский союз в частности не смогли дать ответы на вызовы кризиса последних лет. Особенно отчетливо указанные проблемы проявляются именно в рамках Единой Европы: надежды, возлагаемые на наднациональные структуры, оказались неоправданными. В условиях падения уровня доверия избирателей к традиционным политическим силам и роста поддержки альтернативных партий и движений особенно остро проявляется кризис концепции либерального государства в европейских странах.

Традиционные политические силы оказались не в состоянии найти адекватные ответы на новые вызовы и угрозы, электоральные предпочтения сместились от традиционных центров притяжения. Позиции «классических» европейских партий ослабли.

Способствовали этим явлениям и такие факторы, как закрытость политических элит и их неспособность «традиционными» технократическими средствами решать новые проблемы. Все это обусловило падение уровня доверия не только к представителям политических элит, но и к государству как механизму защиты прав и безопасности граждан в целом. В данном контексте можно говорить о кризисе доверия к наднациональным структурам, ожидания от деятельности которых в условиях системного кризиса не оправдались. Политические элиты фактически оказались неспособны предложить ответы на возникающие вызовы и угрозы. Представители политического истеблишмента, обещая в ходе предвыборных кампаний широкие социальные и политические реформы, фактически не реализуют их на практике, что подрывает уровень доверия избирателей, которые стремятся найти ответ на насущные проблемы у альтернативных партий и движений, поскольку у них еще просто не было возможности обмануть доверие электората.

В сложившихся условиях наблюдается стремительный рост популярности «протестных», «несистемных» или «альтернативных» партий и движений, набирающих популярность на волне недовольства деятельностью традиционных политических сил.

Первоначально представители «политической альтернативы» не пользовались большой поддержкой избирателей, однако усугубление кризисных явлений в политической, экономической, культурной, социальной областях жизни европейских стран стало катализатором роста их популярности. Ранее считавшиеся марги-

нальными партии и движения добились существенного расширения своей электоральной базы за счет использования популистских лозунгов, часто с добавлением националистической риторики, которые отвечают ожиданиям электората в связи с обострением назревших проблем. Ряд подобных политических образований добился вхождения в высшие эшелоны власти: так, в Германии и Франции правые входят в парламент, а в Италии «несистемное» «Движение Пяти звезд» и правопопулистская «Лига» («Лига Севера») в 2018 г. сформировали правительство [4]. Ультраправая Австрийская партия свободы и националистическая Швейцарская народная партия также входят в национальные коалиционные правительства.

Одной из причин роста популярности политической альтернативы в Европе стала трансформация современного общества под воздействием глобализации, информационной и технической революции, изменения под их влиянием рынка труда и самой структуры общества. Поддержка протестных идей, выразителями которых на политической арене европейских стран являются партии нового типа, стала ответом общества на эти трансформации, проявлением их недовольства изменениями общественного уклада и угрозами росту благосостояния. Увеличение безработицы, падение уровня социально-экономического развития, дифференциация среднего класса, незначительный экономический рост – все эти факторы подорвали сами основы либеральной модели демократии и лишают доверия традиционных выразителей ее идей на политической арене.

Рост популярности протестных партий стал закономерным процессом развития партийно-политических систем европейских стран. Речь идет уже о новой версии популизма, отражающего настроения широких масс населения. Ключевым фактором в данном контексте выступает существенно дифференцированный средний класс, который составляет основу электората европейских стран. Именно значительное расслоение этой части населения, его обеднение привели к усилению недовольства сложившейся политической системой европейского общества. В совокупности с указанными проблемами в политической и экономической сферах, в области культурно-цивилизационной самоидентификации и в условиях роста угроз в сфере безопасности это недовольство выливается в широкий электоральный протест.

В ряде европейских стран на политической арене усилили свои позиции правопопулистские (Италия) или националистические силы (Германия, Франция, Австрия) [3]. В некоторых случаях наблюдается

рост поддержки левых «альтернативных» политических объединений (Испания). Общей тенденцией стал беспрецедентный отток электоральной поддержки традиционных политических партий в пользу альтернативных сил.

Партии и движения политической альтернативы, в большинстве своем существенно отличающиеся от традиционных европейских политических сил как по структуре, так и по методам деятельности и своему «политическому портрету», стали выразителями протестных настроений электората.

Рост популярности подобных партий и движений среди различных слоев населения стал подтверждением углубления системного кризиса как Евросоюза и Европы в качестве культурно-цивилизационной общности в целом, так и отдельных европейских стран.

Если в начале 2010-х гг. при упоминании «протестных» партий речь шла преимущественно о представителях правого полюса политического спектра, то в последние годы уже можно говорить о распространении «левого популизма» (партия «Подemos» в Испании). В целом термин «популизм» уже вышел за рамки привычного употребления. «Популистские» лозунги и методы политической деятельности берутся на вооружение партиями различного типа, включая традиционные политические силы. Это связано с тем, что и традиционные, и «альтернативные» партии в условиях обострения политической борьбы стремятся любыми способами сохранить или увеличить свою электоральную поддержку.

Партии «нового типа» становятся не просто выразителями протестных настроений электората европейских стран. В отличие от традиционных политических партий эти силы предлагают конкретные меры решения возникающих проблем. Часто это всего лишь кратковременные решения, представленные яркими популистскими лозунгами, однако на фоне роста недовольства граждан европейских стран назревшими проблемами подобная тактика находит отклик у избирателей. Так, достаточно радикальные предложения правых националистических партий по решению вопросов, связанных с мигрантами, часто воспринимаются как единственно возможное решение миграционного кризиса в отдельных странах. Датская народная партия, например, в настоящее время определяет жесткую миграционную политику страны. Лидер итальянской «Лиги» Маттео Сальвини, занимающий с июня 2018 г. пост министра внутренних дел, последовательно претворяет на практике объявленные им ранее меры, направленные на ужесточение миграционного законодательства. При

этом говорить об успехе подобной тактики пока преждевременно, поскольку эта политика идет вразрез с генеральной линией ЕС в данной области и в перспективе может осложнить ситуацию внутри общеевропейского Дома.

«Альтернативные» партии и движения могут позиционироваться как «антипартии», которые не имеют аналогов в современной партийно-политической системе и, соответственно, представляют единственный «выход» из сложившегося кризиса. «Протестные» партии могут не укладываться в традиционную схему деления на «правых и левых», а их программные установки включают ряд ключевых вопросов, волнующих значительное число избирателей. Среди них, в первую очередь, следует выделить экономические проблемы, кризис идентичности в странах Европы, обусловленный увеличением миграционных потоков и размыванием культурных границ. Альтернативные партии как в правом, так и в левом лагере используют в своей риторике одни и те же лозунги, в основном сводящиеся к критике наднациональных структур, «защите» государственного суверенитета и интересов нации и народа. При этом несистемные партии из левого лагеря могут противопоставлять себя системным левым («Непокоренная Франция» и французские социалисты), а обновленные правые – дистанцироваться от национал-радикалов и неонацистов («Альтернатива для Германии» и ПЕГИДА) [2]. Таким образом, альтернативные силы, сочетая популистскую риторику и ответы на самые острые вопросы современности с рядом традиционных политических установок, характерных для системных партий, фактически демонстрируют более высокий уровень политического реализма.

Для некоторых стран характерен высокий уровень преемственности альтернативных политических сил с традиционными. Так, в Греции ряд подобных партий был сформирован на основе фракций, отколовшихся от традиционных политических сил. Следует выделить «обновленные» несистемные партии, прошедшие путь от крайне радикальных позиций к «облику» системных политических сил («Национальное объединение» во Франции). При этом большинство представителей политической альтернативы в Европе – образованные на волне общественных протестов партии и движения нового типа, сформировавшиеся недавно и не имеющие традиций преемственности с какими-либо историческими партиями. Именно объединения данного типа, как подтверждают результаты электоральных циклов в Италии и Испании, в последние годы добиваются больших успехов.

При этом ставка делается не на конкретные социальные, гендерные, возрастные или иные группы; акцент смещается именно в сторону протестного потенциала, уровень которого представители политической альтернативы повышают практически всеми доступными средствами, включая даже – в отдельных случаях – крайне радикальные идеи.

Характерной особенностью деятельности «протестных» сил стала широкая активность в интернет-пространстве и электронных СМИ, непредсказуемость действий, использование популистских лозунгов и упрощение понятий.

Эти тенденции оказывают непосредственное влияние на уровень реальных протестных акций, число которых заметно выросло в странах Европы. При этом требования протестующих образуют широкий спектр: от сепаратистских, антиевропейских и антииммигрантских выступлений до аграрных проблем и вопросов образования и социального обеспечения.

Альтернативные политические партии и движения условно можно разделить на три типа: националистические, популистские и сепаратистские [10, с. 11]. При этом практически все представители политической альтернативы главный акцент в своей риторике делают на сохранении национального государства.

Основой для роста поддержки популистских партий в последние годы стал фактор национальной идентичности, выдвинувшийся на первый план в большинстве европейских стран. Популистская риторика занимает прочные позиции в общественном дискурсе. Избирателей не отталкивают даже сомнительные политические лозунги популистов, предлагающих простые, но заведомо невыполнимые решения.

На фоне падения доверия к наднациональным структурам и смещения фокуса внимания на национальный уровень популизм оказывается неразрывно связан с евроскептицизмом.

При этом евроскептицизм часто оказывается достаточно «подвижным» инструментом: даже самые ярые евроскептики среди альтернативных политических сил не выступают против наднациональных решений, способных принести пользу национальному государству.

В условиях экономических проблем Единой Европы особую тональность приобретают сепаратистские тенденции. Так, каталонский вопрос в Испании в 2015–2016 гг. на продолжительный срок фактически парализовал процесс формирования национального

правительства. Сформированное социалистическое правительство в сложившихся условиях было готово на беспрецедентный шаг – федерализацию государства. Особое значение в Великобритании в контексте Брексита получил и шотландский и североирландский вопросы. Это в значительной степени осложняет положение действующего правительства консерваторов в Великобритании. В Италии, напротив, сепаратистская по своим программным установкам «Лига» (бывшая «Лига Севера»), получив доступ к высшей исполнительной власти, отказалась от идеи создания независимого государства на севере Италии. При этом прежние установки сменились популистскими лозунгами в духе антииммигрантской риторики и евроскептицизма. На повестке дня, однако, вновь оказалась проблема итальянского Южного Тироля: австрийское правое правительство предлагало Италии предоставить австрийское гражданство немецкоязычному населению региона, а в перспективе готово поднять и вопрос о проведении референдума относительно национальной принадлежности территории.

В целом практически все политические силы современной Европы, выступающие с позиций сепаратизма, можно отнести к «протестным» партиям условно: они находятся ближе к политическому центру («Новый фламандский альянс» в Бельгии, «Конвергенция и Союз» в Испании, «Шотландская национальная партия» в Великобритании) [7, с. 25].

Важным показателем эволюции представителей «политической альтернативы» в настоящее время является заметное снижение уровня радикальности политических лозунгов и установок. Так, ряд альтернативных политических сил – особенно тех, которые сумели добиться доступа в высшие эшелоны власти, – отошли от крайних евроскептических взглядов. В первую очередь, это связано с тем, что основная часть электората европейских стран, согласно статистическим данным, по-прежнему оказывает доверие наднациональным политическим институтам и не видит иного пути развития для собственного государства, кроме как в рамках Единой Европы. При этом очевидна и тенденция заимствования альтернативными партиями и движениями взглядов представителей традиционного политического истеблишмента. В данном контексте вполне вероятным кажется дальнейшее сближение взглядов традиционных и альтернативных политических сил и их сотрудничество в ряде европейских стран.

Снижение уровня радикализма демонстрирует тот факт, что лидеры альтернативных политических сил в перспективе рассчитыва-

ют на приход к власти и реализацию «протестных» идей и заявлений на практике традиционным демократическим путем.

Все это говорит о глубоком расколе в обществе как отдельных национальных европейских государств, так и Европейского союза. Очевидно, что степень поддержки альтернативных политических сил пропорциональна глубине этого раскола и социальных проблем в стране. При этом необходимо учитывать, что подобные кризисные явления в социальной сфере на национальном уровне оказывают значительное воздействие на наднациональные структуры. В свою очередь, кризис европейской интеграционной модели является причиной усиления указанных проблем в странах – членах ЕС.

Поддержка «протестных» политических сил и падение популярности традиционных партий – взаимосвязанные тенденции в политической жизни Европы. Они стали проявлением широкого недовольства политикой, проводимой как правительствами национальных государств, так и наднациональными европейскими структурами.

Результаты выборов различного уровня в странах Европы в последние несколько лет подтверждают рост популярности альтернативных политических сил у электората. С 2014 г. в ряде европейских стран особенно заметным становится рост популярности правоориентированных, часто – антиевропейских популистских партий и движений. Это нашло отражение в результатах региональных и парламентских выборов 2014–2017 гг. Так, итоги выборов в Европарламент 2014 г. показали рост влияния евроскептиков в политическом истеблишменте стран Европы [6, с. 8]. Политики правого толка, настаивающие на необходимости восстановления контроля на национальных границах, укрепления национального суверенитета и ограничения миграции, получили поддержку значительной части электората в ряде европейских государств. Ультраправые и правопопулистские партии сформировали в Европарламенте единую фракцию (с участием представителей французских, британских, итальянских, австрийских, бельгийских, голландских, польских парламентариев).

Главной особенностью электорального цикла 2015–2017 гг. стала трансформация европейской партийной системы, основным показателем которой является потеря монополии на власть традиционными системными партиями. Основной опорой правопопулистского – антиглобалистского – движения в Европе стали протестные настроения граждан, интересы и требования которых не учитывались политическими силами, находящимися у власти [8]. В отдельных случаях крайне правые силы получили до 30% голосов избирателей на вы-

борах. Дополнительные голоса как правым, так и левым популистам приносит заметное размывание границ между программными установками ведущих политических сил и их нерешительность.

Изменения в расстановке партийно-политических сил в отдельных странах имеют свою специфику. Однако общей тенденцией для европейских государств является рост недовольства электората принятыми политическими решениями, тем более что, сменяя друг друга, во власти зачастую остаются политики одних и тех же взглядов, неспособные принимать действенные решения. В итоге выразителями недовольства становятся популистские или протестные партии и лидеры, которые выступают с лозунгами и идеями, находящими благодатную почву среди электората. Нарастание подобных тенденций является отражением расширяющегося разрыва между ожиданиями электората и тем, что осуществляют на практике политические элиты.

Заключение

Термин «несистемные партии» уже фактически несостоятелен: те политические силы, которые ранее оставались «вне системы» в ряде европейских стран, не просто стали ее частью, но и оказывают непосредственное и заметное влияние на ее трансформацию. При этом, став частью системы, сами альтернативные политические силы эволюционируют: в условиях достижения определенного уровня политического влияния, вплоть до формирования национальных правительств, эти силы неизбежно сталкиваются с проблемой соотношения программных установок и реального осуществления властных полномочий. Это влечет снижение радикализации политической риторики и достижение в ряде вопросов консенсуса с политическим истеблишментом. При этом очевидно взаимовлияние риторики традиционных и альтернативных политических сил, что в перспективе может привести к их успешному сотрудничеству в рамках национальных государств.

Трансформация партийно-политических систем в странах Европы, появление новых – «альтернативных» – политических сил, ломка традиционной двухполярной системы свидетельствуют о необходимости системных перемен. Эти явления не могут быть проигнорированы традиционными политическими акторами. В противном случае им грозит сокращение поддержки со стороны населения, а в отдельных случаях – и угроза ухода с авансцены политической жизни.

Одной из основных причин роста популярности многих «протестных» партий стало расширение их социальной базы, включение в нее

тех представителей населения европейских стран, которые испытывали негативное воздействие глобализации [1]. В целом кризис глобализации является одной из основных причин роста правого популизма в Европе. Эта тенденция характеризуется радикализацией общества в европейских странах.

Разочарование в традиционных политических силах стало обще-европейским феноменом. Примечательно, что в странах Южной Европы протесты проявляются более бурно – в виде акций на улицах, митингов и активной критики правительства, тогда как в Центральной Европе, в частности в Германии, электорат склонен к компромиссам и выступает за перемены исключительно в рамках парламентской деятельности.

Рост поддержки альтернативных политических сил в странах Европы отразил качественные изменения политического процесса. «Альтернативные» партии появляются как на правом («Национальное объединение», «Движение Пяти Звезд», Австрийская партия свободы), так и на левом («Подemos», СИРИЗА) фланге политического спектра, однако в своей риторике могут использовать одинаковые лозунги, призывая обращать внимание на одни и те же проблемы, волнующие избирателей [5].

Необходимо отметить, что если ранее (как в Италии в 1990-е гг.) снижение доверия к национальным политикам привело к росту еврооптимизма, то в 2010-е гг. падение популярности партий власти сопровождается усилением евроскептических тенденций и антиглобализма. Большинство как правых, так и левых популистов, составляющих большую часть «протестных» партий, объединяет критика Евросоюза как «проекта», игнорирующего интересы простых граждан стран-участниц.

С изменениями традиционных политических сил меняется весь ландшафт политической жизни Европы, что неизменно повлекло за собой трансформацию как власти национального уровня, что особенно заметно на данный момент в таких странах, как Италия, Испания, Польша, так и наднационального уровня управления. Системный кризис Евросоюза, способствовавший появлению большинства «несистемных» политических партий и движений, под их влиянием – в связи с ростом их электоральной поддержки и той заметной ролью, которую эти силы стали играть в национальных государствах, – входит в следующую фазу, которая может стать этапом существенной трансформации ЕС [9].

Существование Европейского союза, его политических институтов и экономического пространства, самого интеграционного объе-

динения – самого успешного в истории – в настоящее время не вызывает сомнения. Однако становится очевидным, что под воздействием внутривнутриполитических трансформаций в странах Европы, которые невозможно игнорировать на наднациональном уровне, общеевропейский Дом также подвергается изменениям. Будущее Евросоюза сейчас зависит от того, насколько успешными окажутся на политической арене национальных государств партии и движения нового типа и как эти силы смогут сотрудничать в рамках Единой Европы.

Еще недавно считавшиеся маргинальными, фактически исключенные из политического истеблишмента силы занимают прочные позиции в политическом ландшафте европейских стран. Рост их влияния внутри национальных государств оказывает воздействие как на внешнюю политику последних, так и на ситуацию в общеевропейском Доме. Важным фактором роста популярности представителей политической альтернативы стала тенденция к созданию имиджа более умеренных, уважаемых участников политического процесса и их отмежевание от маргиналов с радикальной риторикой. Эти альтернативные силы, однако, создают угрозу общеевропейской стабильности даже несмотря на смягчение антиевропейской риторики: они по-прежнему делают акцент на национальной идентичности, необходимости обеспечения национальной безопасности, сохранении национальных границ и суверенитета за счет наднационального уровня.

Очевидно, что представителям традиционных политических элит не удастся найти способ вытеснить с политической арены новые альтернативные силы. Можно констатировать глубокую укорененность в общественном сознании тех идей, которые последовательно проповедуют представители политической альтернативы. Вероятно, в тех странах, где представителям партий и движений нового типа, уже достигшим определенного уровня политического влияния, не удастся реализовать на практике эти идеи и оправдать ожидания электората, произойдет отток голосов избирателей в пользу либо традиционных, либо более умеренных новообразованных политических сил. Однако феномен политической альтернативы, прочно укрепившийся в партийно-политическом ландшафте современной Европы, вряд ли отойдет на задний план. Уровень кризисных явлений на современном этапе развития европейского общества свидетельствует о потребности альтернативных решений назревших проблем, и традиционные политические силы уже не смогут найти приемлемые условия их решения. Включение представителей политической

альтернативы в политическую жизнь европейских стран, их превращение из «несистемных» в «системные» партии становятся той необходимостью, которая лежит в основе стабилизации современного европейского общества.

Список литературы

1. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе. Записки очевидца. – М., 2008. – 614 с.
2. *Васильев В.И.* Правый популизм в Германии: тревожная тенденция // *Обозреватель – Observer*. – 2017. – № 1. – С. 47–65.
3. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы: доклады Института Европы № 347.
4. *Гаврилова С.М.* «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь*. – 2018. – № 10. – С. 125–140.
5. *Гаврилова С.М.* Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // *Дипломатическая служба*. – 2017. – № 6 (75). – С. 19–27.
6. *Мозель Т.Н.* Тернистый путь европейской интеграции // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. – 2017. – № 4. – С. 6–19.
7. *Нарочницкая Е.А.* Типология и перспективы европейского сепаратизма // *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе: доклады Института Европы РАН № 357*. – 2018. – С. 23–28.
8. О выборах в США и Европе в контексте кризиса неолиберального глобалистского миропорядка. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/40349/> (дата обращения: 07.02.2019).
9. *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе: доклады Института Европы РАН № 357* / отв. ред. В.Я. Швейцер. – М.: Институт Европы РАН, 2018. – 140 с.
10. *Швейцер В.Я.* Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новая диспозиция // *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе: доклады Института Европы РАН № 357*. – 2018. – С. 9–15.

Зубович Марта

аспирантка,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: zubovicmarta@gmail.com

Zubovic Marta

PhD student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: zubovicmarta@gmail.com

ПИРАНСКИЙ ЗАЛИВ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ СЛОВЕНСКО-ХОРВАТСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

THE GULF OF PIRAN: HISTORY AND POTENTIAL OUTCOMES OF A TERRITORIAL DISPUTE BETWEEN SLOVENIA AND CROATIA

Аннотация: статья посвящена вопросу разрешения территориального спора между Республикой Словения и Республикой Хорватия, касающегося демаркации морской границы в Пиранском заливе. Данный конфликт, начавшийся еще в 1991 г., осложняет отношения между двумя соседними государствами и является препятствием для их дальнейшего развития. Акватория, являющаяся предметом данного конфликта, включает часть Северной Адриатики, называемой Триестский залив. В самом Триестском заливе находится Пиранский залив, в чей внутренности заканчивается сухопутная граница между Словенией и Хорватией. Словенская сторона объявила весь залив своей собственностью, а Хорватия, с другой стороны, предлагала применить метод эквидистантности. Вопреки попыткам урегулировать спор дипломатическим путем, с помощью переговоров и двусторонних соглашений, прогресс в разрешении вопроса пока отсутствует. В итоге это привело к блокировке хорватских переговоров о вступлении в Евросоюз со стороны Словении. На последнем этапе разрешения конфликта окончательное решение было принято Арбитражным судом в Гааге, однако Загреб отказался его признать. В статье обсуждается история спора, а также подходы к разрешению конфликта.

Ключевые слова: внешняя политика, Пиранский залив, Республика Словения, Республика Хорватия, территориальный конфликт.

Abstract: the topic of the article revolves around the territorial dispute between the Republic of Slovenia and Republic of Croatia, regarding the demarcation of the sea border in the Bay of Piran. The conflict has been destabilizing the relations between the two neighbouring countries ever since its start in 1991, and is one of the main obstacles to the development of prosperous international relations in the region. The aquatory in question, located in the Northern Adriatic, refers to the Bay of Trieste, a part of which is also the Bay of Piran. From the very start of the conflict, Slovenia has been claiming the entire bay, while Croatia, on the other hand, stands for resolving the conflict by implementing the equidistance principle. Despite the attempts to resolve the issue diplomatically, through negotiations and bilateral agreements, there has been little progress in this dispute, as a result of which Slovenia had blocked the Croatian EU accession. In the final stage of resolving the conflict, the Arbitary Court of Justice made a decision which Zagreb refuses to accept up to this day. The article provides the historical analysis of the dispute and the previous attempts of its resolution, as well as the potential ways of its future outcome.

Key words: foreign policy, Bay of Piran, Republic of Slovenia, Republic of Croatia, territorial dispute.

Введение

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия привел к формированию шести независимых государств на западной территории Балканского полуострова, включая Республику Хорватия и Республику Словения. Данные государства объявили о своей независимости 25 июня 1991 г., вследствие чего возник вопрос о демаркации государственных границ. Сухопутные границы во всех вновь сформированных государствах остались такими же, как в СФРЮ, однако морские границы никогда не были официально установлены.

Переговоры, касающиеся демаркации морских границ между Словенией и Хорватией, начались после объявления о независимости данных государств и не завершены до настоящего времени. Демаркация морской границы в данном случае является объектом международного права, и оба государства согласились, что ни одна из сторон не имеет территориальных претензий к другой и основой для установления сухопутных границ является расположение границ между бывшими республиками СФРЮ 25 июня 1991 г. Морские границы между государствами должны быть установлены соответственно международному праву. Однако у сторон различное понимание того, как определить морские границы в соответствии с международным правом.

Акватория, являющаяся предметом данного конфликта, включает часть Северной Адриатики, называемой Триестский залив. Его окружают три государства – Хорватия, Словения и Италия. Сам залив разделен на две примерно одинаковые части: итальянскую часть и часть, принадлежавшую бывшей СФРЮ. Внутри самого Триестского залива находится Пиранский залив, в чей внутренности заканчивается сухопутная граница между Словенией и Хорватией [13, с. 20].

Позиции Словении и Хорватии

Первоначально, в 1991 г., Словения предлагала, чтобы граница между двумя государствами в Пиранском заливе была утверждена с учетом принципа эквидистантности (линия, в которой каждая точка одинаково удалена от ближайших точек исходных линий) [13, с. 25]. Затем Любляна изменила свою позицию по данному вопросу. В июне 1992 г. словенская сторона заявила о суверенитете Словении над целой акваторией залива и эту политику проводит до настоящего вре-

мени, добавив требование о выходе в открытое море через коридор [13, с. 20–22].

Такое требование было зафиксировано в Меморандуме о Пиранском заливе, принятом словенским парламентом 7 апреля 1993 г. Словения обосновывает это тем, что ее морская граница с Республикой Хорватия осталась официально неопределенной еще со времен распада СФРЮ и что данную границу между двумя независимыми государствами еще надо утвердить. В данном документе утверждается, что Словения занимает позицию сохранения суверенитета и юрисдикции над целой акваторией Пиранского залива и требует выхода в открытое море на основании положений международного права и уважения суверенитета Словенской республики.

Кроме того, в Меморандуме подчеркивается, что Пиранский залив является примером *sui generis*, т.е. территорией, которую надо рассматривать с исторической точки зрения и исходя из других специфических обстоятельств. Соответственно этому применение эквидистантности со словенской стороны отвергается. В тексте документа подчеркивается, что в составе СФРЮ именно Словения осуществляла юрисдикцию в Пиранском заливе. Любляна выступает за применение принципа *uti possidetis*, которое подтверждает исполнительную власть Республики Словения над целым Пиранским заливом [5].

Акватория Пиранского залива определяется в Меморандуме как неделимое целое, исторически принадлежащее муниципалитету Пиран. Опираясь на вышеупомянутые факты, Словения в данном документе предлагает правительству Республики Хорватия разрешить спор таким образом, при котором Словения сохранила бы суверенитет и юрисдикцию над Пиранским заливом в целом, а также получила бы выход в открытое море, в соответствии с Конвенцией о территориальном море и прилегающей зоне (1958 г.) [5]. Иными словами, Словения в данном документе требует передать ей полный контроль над акваторией Пиранского залива, апеллируя к Конвенции о морском праве. Кроме того, Словения указывает, что между двумя государствами не существует ни морской границы, ни демаркации в самом заливе [13, с. 23].

Республика Хорватия выразила свою позицию, сформулировав требования по вопросу Пиранского залива в трех пунктах Декларации о состоянии межгосударственных отношений Республики Хорватия и Республики Словения [10]. Документ был принят высшим законодательным органом Республики Хорватия и подчеркивает следующие позиции Загреба:

- а) предлагается подписание Соглашения о пограничном судоходстве, чтобы защитить интересы популяции в пограничной зоне;
- б) демаркация должна быть проведена с использованием принципа эквидистантности;
- в) применение принципа эквидистантности является временным решением проблемы, пока конфликт не будет решен тем или иным образом;
- д) все споры должны быть разрешены правовым путем [13, с. 25].

Эволюция конфликта

Конфликт о Пиранском заливе уже более 20 лет осложняет отношения между Словенией и Хорватией [14], когда морские границы между двумя государствами стали субъектами международного права [2, с. 11]. В ходе начавшихся 16 марта 1993 г. двусторонних переговоров, которые прошли в Загребе, стороны изложили свои позиции. Словения требовала суверенитета над всей акваторией залива, в то время как Хорватия настаивала на применении метода эквидистантности. Следующий этап переговоров начался в 2001 г., когда премьер-министры Словении и Хорватии, Йанез Дрновшек и Ивица Рачан, подписали Проект соглашения. В документе отмечалось, что три четверти залива принадлежат Словении, а одна четверть – Хорватии. Словения получит выход в открытое море через коридор, пересекающий хорватскую акваторию; часть сухопутной границы, относящаяся к населенным пунктам, принадлежит Республике Хорватия. Стоит отметить, что данный документ официально не вступил в силу, так как хорватский парламент его не ратифицировал [2, с. 14].

Новую попытку разрешить территориальный вопрос о Пиранском заливе страны предприняли в 2007 г. Словенский премьер-министр Йанез Йанша встретился с премьер-министром Республики Хорватия Ивом Санадером в Бледе, Словения, где стороны договорились решить конфликт с помощью посредничества третьей стороны. Однако государства не смогли прийти к единому мнению о том, какая судебная организация Евросоюза будет являться посредником, из-за чего переговоры снова усложнились. Эскалацией этого этапа переговоров явилась блокировка переговоров о вступлении Хорватии в ЕС со стороны Словении. В свою очередь, Хорватия в своих документах о вступлении в ЕС предупредила о своей позиции в отношении границ между государствами [2, с. 17].

В 2009 г. хорватским премьер-министром стала Ядранка Косор, обозначив новый период в двусторонних отношениях со Словенией. 31 июля 2009 г. Косор встретила со словенским коллегой Борутом Пахором в Хорватии с целью найти решение территориального спора. Премьер-министры обоих государств согласились, что добиться решения будет проще всего путем арбитражного соглашения. Одновременно премьер-министры согласились, что Словения не будет препятствовать вступлению Хорватии в ЕС, а затем было решено обсудить условия арбитража в менее напряженной атмосфере [8]. В итоге Арбитражное соглашение было подписано двумя премьер-министрами (Косор и Пахор) 4 ноября 2009 г. в Стокгольме [6, с. 4].

Договор о присоединении Республики Хорватия к Евросоюзу был подписан в 2011 г., одновременно обозначая начало срока для проведения процесса арбитража. В 2012 г. был утвержден состав Арбитражного суда, включая и членов – представителей Словении и Хорватии. В данном процессе Хорватия, с 2013 г. уже являвшаяся членом Евросоюза, продолжила защищать позицию, которая основывалась на нормах международного права: сначала следует установить границы, а затем обсудить вопрос выхода Словении в открытое море. Словения, со своей стороны, сделала акцент на том, что для нее самым важным вопросом в данном процессе является получение прямого выхода в открытое море.

В середине 2015 г. переговоры между Хорватией и Словенией фактически были сорваны. Причиной послужило заявление словенского министра иностранных дел, в котором он выразил уверенность, что решение Арбитражного суда будет принято в пользу Словении. В июле 2015 г. в хорватских газетах появились материалы разговора словенских представителей в Арбитражном суде, из которых выяснилось, что словенские представители обсуждали способ, которым лучше всего можно было бы повлиять на Арбитражный суд в пользу Словении [12]. Хорватия заявила протест, а хорватский парламент 29 июля 2015 г. принял резолюцию по данному вопросу.

Международный арбитражный суд в Гааге объявил о конечном решении 29 июня 2017 г. Вопрос демаркации Пиранского залива был решен так, что три четверти залива получила Словения, а Хорватия – одну четверть. Что касается части акватории, обеспечивающей выход Словении в открытое море, то суд принял такое решение: вдоль хорватской территориальной границы с Италией будет расположена так называемая площадь соединения, в которой у кораблей и само-

летов будут одинаковые навигационные права к территории и от территории Словении как на открытом море [2, с. 26–27].

Словения объявила, что надеется на сотрудничество с Хорватией по поводу совместной реализации решения Арбитражного суда, а Андрей Пленкович, хорватский премьер-министр, 29 июня 2017 г. заявил, что выполнять принятое решение хорватская сторона не собирается. В ответ на это 8 сентября 2017 г. Словения выступила с протестом против хорватской заявки в ОЭСР на основании того, что Загреб не применяет на практике решение Арбитражного суда в отношении Пиранского залива. Встреча двух премьер-министров, Церара и Пленковича, запланированная на 27 сентября в Загребе, в итоге была отменена словенской стороной, так как Пленкович 21 сентября в ООН обвинил Словению о подрыве верховенства закона. Этот шаг ухудшил возможности для двусторонних переговоров между двумя государствами по данному вопросу [2, с. 28–30], а ситуация еще больше усложнилась выдачами штрафов словенским и хорватским рыбакам за нелегальное пересечение границы в Пиранском заливе [1].

Стороны спорят о названии Пиранского залива. Словения к данной акватории относится как к Пиранскому заливу (слов. *Piranski zaliv*), Хорватия предпочитает название Залив Савудрия (хорв. *Savudrijska vala*). Использование двух разных названий по отношению к спорной акватории в данном случае не является исключением. Как подчеркивают словенские ученые П. Гашперич, Д. Кладник и П. Пипан в монографии «Наименование Пиранского залива», данная практика используется и в других подобных территориальных конфликтах, среди которых самым известным является конфликт между Ираном и арабскими государствами (Персидский залив), а также конфликт между Японией и Южной Кореей (Японское, или Восточное море) [3, с. 19–22].

Перспективы развития ситуации

Вопрос наименования залива также является важной темой для обсуждения. Использование различных названий для одной и той же спорной территории двумя (или более) государствами является способом манипуляции, с помощью которого каждое государство стремится выразить свою позицию и претензии на данное пространство. Автор статьи использует наименование «Пиранский залив», а не «Залив Савудрия», потому что это на данный момент соответствует официальному решению Международного трибунала в Гааге.

Словению решение Арбитражного суда устраивает, так как она получила больше чем половину акватории, и Любляна настаивает на том, чтобы Загреб согласился с данным решением. Однако, учитывая, что весь арбитражный процесс был скомпрометирован, из-за чего Загреб покинул его, дальнейшее сотрудничество между Словенией и Хорватией маловероятно.

Последние действия Словении показывают, что она будет защищать решение арбитража. Правительство Словении подало иск в Европейскую комиссию против Хорватии из-за нарушения арбитражного решения [7]. С другой стороны, можно ожидать, что Загреб будет настаивать на решении вопроса на двусторонней основе, т.е. без судебного рассмотрения и участия Евросоюза.

Еще одним важным моментом, относящимся к вышеупомянутому решению на двусторонней основе, является тот факт, что летом 2018 г. в Словении прошли парламентские выборы, результаты которых в значительной степени не повлияли на позиции сторон и ход переговорного процесса. Пока правительство Словении не готово пойти на диалог с Загребом и попытаться найти решение на двусторонней основе.

Еще одним вариантом разрешения конфликта может стать согласие Хорватии с решением Арбитражного суда. Принятое решение относится не только к Пиранскому заливу и морским границам, но и к сухопутным. В решении указано, что Хорватия, потеряв больше половины Пиранского залива, одновременно приобрела часть сухопутной территории, включая вершину горы Жумберак, Света Гера (Святая Гора) [11]. Существует мнение, что Загреб отдаст часть акватории за счет данного континентального пространства.

Окончательным вариантом разрешения конфликта может стать обращение Республики Хорватия в Международный трибунал ООН по морскому праву в Гамбурге, а также в Совет Безопасности ООН. Некоторые специалисты считают, что Хорватия должна принять такое решение, так как Словения настаивает на проведении арбитражного решения [4].

Заключение

Территориальный конфликт между Словенией и Хорватией, государствами – членами Евросоюза, продемонстрировал неспособность двух стран урегулировать его в ходе переговоров. Спор о Пиранском заливе еще далек от своего завершения, так как арбитражный процесс, который проходил в Гааге на протяжении 5 лет, оказался ском-

прометирован и его решение Хорватия отказывается признать. Сохраняющиеся противоречия в двусторонних отношениях негативно влияют на позиции Хорватии, поскольку словенская сторона блокирует ее вступление в ОЭСР [2, с. 29]. В то же время вступление в эту организацию является одной из важнейших хорватских внешнеполитических целей. По словам Жан-Клода Юнкера, все государства-кандидаты смогут подать заявление на вступление в Евросоюз только после разрешения всех территориальных вопросов с соседними странами [15].

По этой причине можно ожидать, что Хорватия продолжит курс на решение данного вопроса через двусторонние переговоры. В Хорватии придерживаются позиции, что существует возможность продолжения диалога между Любляной и Загребом. В случае если не удастся разрешить вопрос путем переговоров, хорватское правительство, по всей видимости, обратится в Международный трибунал ООН по морскому праву в Гамбурге. В Хорватии считают, что конфликт о Пиранском заливе и морской границе между Хорватией и Словенией должен решаться на основе международного права, а не скомпрометированного арбитражного процесса.

Список литературы

1. Al Jazeera Balkans: «Hrvatska na slovenske kazne ribarima odgovorila jednako». – Access mode: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/hrvatska-na-slovenske-kazne-ribarima-odgovorila-jednako> (date of treatment: 20.03.2019).
2. Bickl T. Reconstructing the Intractable: The Croatia-Slovenia Border Dispute and its Implications for EU Enlargement / Croatian Political Science Review. – 2017. Vol. 54, No. 4, p. 7–39.
3. Gašperič P., Kladnik D., Pipan P. Geografija Slovenije 27: Poimenovanja Piranskega zaliva. Geografski inštitut Antona Melika ZRC SAZU. – Ljubljana, 2014.
4. Hrvatska Danas: «Stručnjak za pomorsko pravo: Hrvatska smjesta treba prijaviti Sloveniju Sudu za pravo mora u Hamburgu». – Access mode: <http://hrvatska-danas.com/2018/01/05/strucnjak-za-pomorsko-pravo-hrvatska-smjesta-treba-prijaviti-sloveniju-sudu-za-pravo-mora-u-hamburgu/> (date of treatment: 23.03.2019).
5. Ibler, V. Sporazum o arbitraži između Vlade Republike Hrvatske i Vlade Republike Slovenije / Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti : Razred za društvene znanosti. – 2012. – Vol. 49. No. 512. P. 145–175.
6. Ilic M. Croatia vs. Slovenia: The Defiled Proceedings // Arbitration Law Review. – 2017. – Vol. 9.
7. Index.hr: «Prvi put objavljeno: Pročitajte što piše u slovenskoj tužbi protiv Hrvatske». – Access mode: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/prvi-put-objavljeno-procitajte-stopise-u-slovenskoj-tuzbi-protiv-hrvatske/2040403.aspx> (date of treatment: 25.02.2019).
8. Jutarnji List: «Kronologija najvažnijih događaja oko arbitražnog sporazuma: prije osam godina potpisan je sporazum, no današnja presuda Hrvatskoj ne znači ništa». – Access mode: [https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/kronologija-najvaznijih-dogadaja-ok-arbitraznog-sporazuma-prije-osam-godina-potpisan-je-sporazum-no-danasnja-presuda-hrvatskoj-ne-znaci-nista/6317149/](https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/kronologija-najvaznijih-dogadaja-ok-arbitraznog-sporazuma-prije-osam-godina-potpisan-je-sporazum-no-danasnja-presuda-hrvatskoj-ne-znaci-nista/) (date of treatment: 14.12.2018).
9. Maldini P., Pauković D. Croatia and the European Union: Changes and Development. – Routledge, 2015.

10. Narodne novine: «Deklaracija o stanju međdržavnih odnosa Republike Hrvatske i Republike Slovenije». – Access mode: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1999_04_32_636.html (date of treatment: 01.03.2019).
11. Permanent Court of Arbitration: «Arbitration Between the Republic of Croatia and the Republic of Slovenia». – Access mode: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2172> (date of treatment: 15.03.2019).
12. Telegram: «Hrvatsku i Sloveniju potresa jedna od najvećih diplomatskih afera, a ovo je šest najvažnijih stvari o tome». – Access mode: <https://www.telegram.hr/politika-kriminal/hrvatsku-i-sloveniju-potresa-jedna-od-najvecih-diplomatskih-afere-a-ovo-je-sest-najvaznijih-stvari-o-tome/> (date of treatment: 14.12.2018).
13. *Turkalj K.* Piranski zaljev: razgraničenje teritorijalnog mora između Hrvatske i Slovenije, Organizator. – Zagreb, 2001.
14. *Van den Hout, T.* Croatia-Slovenia Disputes: An Example Worthy of Consideration // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2013. – Vol. 29. P. 117–121.
15. Večernji List: «Srbija, BiH i Crna Gora u EU će tek kad riješe granicu s Hrvatskom». – Access mode: <https://www.vecernji.hr/vijesti/srbija-bih-i-crna-gora-eu-juncker-jean-claude-granice-1224706> (date of treatment: 23.03.2019).

Нестеров Алексей Константинович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

E-mail: a.k.nesterov@mail.ru

Alexey K. Nesterov,

Postgraduate student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: a.k.nesterov@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИНЦИПЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ СДЕРЖИВАНИЯ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

THE SPECIFICS OF THE AMERICAN DETERRENCE STRATEGY IMPLEMENTATION AGAINST NON-STATE ACTORS

Аннотация: в статье охарактеризованы основные подходы Соединенных Штатов при реализации стратегии сдерживания террористических угроз. Раскрыты ключевые черты современного терроризма, его трансграничный характер и сетевой спектр действия. Особое внимание в работе уделяется изучению процесса формирования новой стратегии сдерживания. Подробно рассматривается роль стратегической культуры противника, ее влияние на принятие решений и уровень восприятия риска внесистемного актора. Отдельно исследуется модель коллективного сдерживания и реализации стратегии в условиях противодействия террористическим организациям в информационном пространстве. Комплексно представлены недостатки американской стратегии сдерживания террористической угрозы и их негативное влияние на военно-политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: США, стратегия сдерживания, внесистемные акторы, международная безопасность, международный терроризм.

Abstract: the author characterizes the main approaches of the United States in the implementation of the deterrence strategy against terrorist threats. The article reveals the key features of modern terrorism, its cross-border nature and network spectrum of action. Special attention is paid to the study of the process of formation of a new strategy of containment. The author focuses on the role of the strategic culture of the enemy, its influence on decision-making and the degree of readiness of the non-system actor to take risks. The research provides the model of collective deterrence and implementation of the strategy in the context of countering terrorist organizations in the information field. The article shows the weaknesses of the US deterrence strategy towards terrorism as well as their negative impact on the military-political situation in the Middle East.

Key words: The United States, deterrence strategy, non-state actors, international security, international terrorism.

Современный международный терроризм приобрел черты глобальной проблемы на рубеже XX–XXI веков. События на Большом Ближнем Востоке и Евroatлантическом континенте подтверждают, что мировому сообществу необходимо объединить свои усилия для

консолидированной борьбы с этой угрозой. Однако в настоящее время можно констатировать, что между членами Совета Безопасности ООН есть ряд фундаментальных разногласий по определению феномена терроризма, а также выработке мер борьбы с данной угрозой.

Трагические события 11 сентября 2001 г., когда США впервые в своей истории напрямую столкнулись с угрозой и последствиями террористической атаки, показали неспособность Соединенных Штатов, несмотря на военную мощь страны, противостоять терроризму. В сложившейся ситуации перед военно-политическим руководством США встала необходимость выработки новых концептуальных и практических мер с целью нейтрализации террористической угрозы.

В связи с этим представители руководящих кругов и экспертного сообщества Соединенных Штатов вновь обратили свое внимание на стратегию сдерживания. По мнению некоторых американских специалистов, на тот момент, «невзирая на сохранение статуса ядерного вооружения в качестве ключевого элемента устрашения врагов США, стратегия сдерживания, которая помогла выиграть холодную войну», чрезвычайно важна, пусть и в обновленном виде, для эффективной борьбы с терроризмом» [5].

Рассматривая подход Соединенных Штатов к борьбе с терроризмом через призму стратегии сдерживания, следует отметить, что она подразделяется на три уровня. Стратегический уровень ориентирован на сдерживание государственных, рациональных акторов с возможным применением ядерного вооружения. Спектр внимания второго уровня сосредоточен на решении более сложных задач: на этом уровне допускается привлечение ограниченных силовых методов, в том числе тактического ядерного вооружения, для достижения определенных, локальных целей. На третьей ступени находится решение конфликтов низкой интенсивности, антитеррористические операции, а также военные акции по принуждению к миру. В данном случае, помимо силовых методов, используется кризисная дипломатия, а также реализуются разносторонние превентивные шаги, чтобы не допустить перехода насилия на следующий, более масштабный уровень. Вместе с тем в условиях «ниже ограниченной войны» проявление агрессии противника носит скрытый характер, является трудно определяемым и трансграничным в его практическом проявлении.

С точки зрения российского эксперта О.П. Иванова, «в настоящих условиях борьбы с международным терроризмом и экстремиз-

мом данный уровень сдерживания становится более актуальным» [2]. Стоит также отметить, что в период «холодной войны» в иерархии американской стратегии сдерживания уровень «ниже ограниченной войны» был наименее разработан и применялся гораздо реже первых двух.

С одной стороны, американская стратегия сдерживания сохранила актуальность, так как обладает необходимыми инструментами, например сдерживания России. Однако, с другой стороны, террористический акт в Нью-Йорке в 2001 г. наглядно показал, что модель «общего рационального противника», которая являлась одним из главных принципов американской стратегии сдерживания в период «холодной войны», в нынешних условиях утратила свою актуальность. Следовательно, новая концепция должна быть адаптирована с учетом изменившегося характера вызовов и угроз, с которыми может столкнуться страна.

Очевидно, что прежде чем приступить к реализации сдерживания угрозы терроризма в практическом плане, необходимо решить ряд важных задач. Во-первых, необходимо понять степень рационализма и/или иррационализма при принятии решения потенциальным противником. В случае применения инструментов сдерживания в отношении государства, то есть рационального объекта, можно просчитать его поведение: военно-политическое руководство противника оценит соотношение потенциальной выгоды и потерь после нанесения удара до осуществления акта агрессии против Соединенных Штатов. В случае если ожидаемая выгода будет меньше понесенных убытков, то в соответствии с концепцией стратегии сдерживания это может послужить причиной отказа страны-агрессора от нападения. Изменение стратегической культуры противника привело к трансформации стратегии сдерживания. В связи с этим иррациональный актор гораздо легче идет на риск, заранее осознавая те негативные последствия или ущерб, который он понесет, если посягнет на интересы Соединенных Штатов. При этом даже если есть вероятность хотя бы частично достичь своей цели, иррациональный актор сознательно совершит акт агрессии. Прежде всего подобный алгоритм принятия решения объясняется тем, что представители террористических группировок сами живут в состоянии постоянной угрозы и опасности уничтожения. Следовательно, они более склонны к риску, даже ценой собственной жизни, что до конца не принимается во внимание руководством США и является одной из слабых сторон современной стратегии сдерживания.

В центре внимания второй задачи сфокусировано решение вопроса, как, с одной стороны, показать террористам готовность Соединенных Штатов оказать давление в случае посягательства на национальные интересы или безопасность США, а также их союзников. С другой стороны, как не нарушить основополагающие принципы стратегии, то есть создать такие условия для противника, при которых он откажется от запланированных действий без применения силы со стороны Соединенных Штатов, так как их использование означает провал американской стратегии сдерживания. В связи с этим в Стратегии национальной безопасности США делается особый, жесткий акцент на борьбу с терроризмом. В частности, отмечается, что «вооруженные силы Соединенных Штатов и оперативные агентства будут принимать меры против террористических сетей и преследовать террористов, которые угрожают родине и гражданам США» [11]. Кроме того, особо подчеркивается, что главной задачей стратегии сдерживания является оказание массированного давления на террористические ячейки до того, как они совершат какие-либо действия против Соединенных Штатов.

В то же время в условиях, когда терроризм приобрел трансграничный характер, колоссальные силовые возможности США и постоянное увеличение американской военной инфраструктуры за рубежом не гарантируют успеха сдерживания. Это связано с тем, что в настоящее время международные террористические организации приобрели сетевой характер. В связи с этим уничтожение основной группировки террористов и их эмира не обеспечивает полного подавления всей террористической структуры. Например, ликвидация лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена во время президентства Б. Обамы спровоцировала рассредоточение террористической сети и появление более мощной организации ИГИЛ¹. Следовательно, после того как терроризм принял сетевой характер, появилась другая проблема, связанная с тем, что прежде чем продемонстрировать готовность к сдерживанию, необходимо обнаружить место нахождения ячеек противника, рассредоточенных по всему миру, чтобы выработать адекватные меры и уже исходя от этого подбирать тот или иной метод сдерживания террористических организаций.

В такой ситуации военно-политическому руководству и экспертному сообществу Соединенных Штатов необходимо решить третью задачу: при каких обстоятельствах необходимо переходить от этапа «лишения» к «наказанию», то есть к применению военной силы. Оче-

видно, что не всегда и не везде Соединенные Штаты имеют возможность вопреки международным нормам в одностороннем порядке использовать силовые методы сдерживания. Таким образом, например, военные операции с привлечением сухопутных и воздушных сил, которые США регулярно осуществляют на Ближнем Востоке, неприемлемы в качестве мер сдерживания террористических групп в Европе. В связи с этим ставится под сомнение эффективность реализации стратегии в условиях, когда террористическая угроза носит латентный характер. В таких обстоятельствах, как полагает ряд американских специалистов, оплотом сдерживания может послужить размещение сил быстрого реагирования, например, в рамках НАТО, а также регулярные антитеррористические учения с целью демонстрации возможностей США. Вместе с тем особое внимание уделяется разработке новых эффективных, а главное, несиловых способов сдерживания террористов. В первую очередь, к ним можно отнести активную деятельность спецслужб с целью установления места нахождения террористических ячеек. В настоящее время важную роль в подходе Соединенных Штатов к проблеме сдерживания терроризма играет отслеживание финансовых потоков террористических группировок, установление каналов поступления средств, а также блокировка доступа к счетам. Отдельно стоит отметить деятельность США по сдерживанию террористической угрозы в киберпространстве и установлению каналов связи террористов.

Среди ключевых особенностей американской стратегии сдерживания в области борьбы с терроризмом необходимо также выделить новое осознание данной угрозы. Ее обсуждению уделяется особое внимание среди политической элиты США и в ходе президентской избирательной кампании. По мнению видного политолога Дж. Ная, не только руководящие круги Соединенных Штатов, но и американское общество в целом также чрезвычайно обеспокоено угрозой терроризма. Как отмечает эксперт, «опросы общественного мнения показывают, что каждый шестой гражданин США считает терроризм важной национальной проблемой. За долгие годы это самый высокий процент американцев, отметивших терроризм как главную угрозу» [4].

Подобные изменения в общественном мнении граждан США стали одной из причин корректировки позиции руководства Соединенных Штатов в сфере методов борьбы с терроризмом. Основополагающие принципы США в области противодействия террористической угрозе были разработаны при президенте Дж. Буше и зафиксированы в Стратегии национальной безопасности в редакциях 2002 и 2006 гг.

¹ Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

В частности, в Стратегии 2002 г. в качестве мер борьбы с терроризмом выделяется «недопущение захвата террористами оружия массового уничтожения и продвижение демократических ценностей во всем мире» [7]. При этом подчеркивалось, что сдерживание террористической угрозы будет сосредоточено на выработке превентивных мер. Также была провозглашена идея американского лидерства на международной арене в сфере борьбы с терроризмом. Стратегия национальной безопасности США 2006 г. сохранила ключевые положения редакции 2002 г. Однако в обновленном варианте отмечалась необходимость сдерживать Иран, который «является главным местом убежища международных террористов» [8].

Затяжная и малорезультативная военная кампания Соединенных Штатов в Ираке и Афганистане вызвала недовольство в американском обществе. При этом экономический кризис 2008 г. отодвинул проблему борьбы с терроризмом на второй план. В сложившихся условиях руководством США, на тот момент президентом Б. Обамой, был внесен ряд важных новшеств, которые, сохраняя приверженность Соединенных Штатов противостоянию террористической угрозе, скорректировали американский подход по данному вопросу. Среди главных отличий политики президента Б. Обамы от его предшественника Дж. Буша-младшего можно назвать отказ США от дорогостоящих и масштабных военных операций в Ираке и Афганистане. Взамен, в рамках сдерживания террористической угрозы, Соединенные Штаты стали применять более рациональный подход, основанный на проведении целенаправленных и точечных операций, а также совместных действий с союзниками и партнерами. Вместе с тем особое внимание уделялось реализации ненасильственных мер, а именно «созданию более благоприятных экономических возможностей для женщин и разочарованной молодежи, а также оказание помощи самым незащищенным государствам и обществам в борьбе с террористами на местах» [9].

Однако при президенте Д. Трампе проблема сдерживания терроризма снова была поставлена на первое место среди главных трансграничных угроз национальной безопасности Соединенных Штатов. Отличительной особенностью политики действующего американского руководства стал возврат к силовому формату решения стратегических задач США. При этом президент Д. Трамп подчеркивает, что именно сила играет ведущую роль в международных отношениях, а ключевым тезисом Стратегии 2017 г. является «сохранение мира посредством силы» [11].

Изменение общего направления внешнеполитического курса президента Д. Трампа послужило причиной смены методов американской стратегии сдерживания террористической угрозы. В действующей редакции Стратегии национальной безопасности США подчеркивается, что «Соединенные Штаты будут с корнем вырывать эти (террористические. – А.Н.) угрозы, а также устранять их еще до того, как они доберутся до наших границ и нанесут вред нашему народу» [11].

Важное место в современной американской стратегии сдерживания терроризма занимает развитие концепции коллективного сдерживания. Суть данной модели противодействия террористической угрозе основана на том, что взаимовыгодные союзы и партнерство имеют решающее значение для обеспечения эффективного сдерживания и дают стратегическое преимущество, которое ни один противник или оппонент не сможет преодолеть. Как подчеркивается в Стратегии национальной обороны США, «этот подход хорошо служил Соединенным Штатам в условиях мира и войны на протяжении последних 75 лет. Наши союзники и партнеры пришли к нам на помощь после терактов 11 сентября и с тех пор вносят свой вклад во все крупные военные действия под руководством США» [7]. Вместе с тем модель коллективного сдерживания способствует поддержанию благоприятного баланса сил в пользу Соединенных Штатов, увеличивает их военные возможности, расширяет сферу влияния, а также, в случае необходимости, может эффективно купировать вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются США.

Изменения характера действий террористических организаций, которые ранее осуществляли атаки по религиозным мотивам, на политически мотивированные акции побудило руководство Соединенных Штатов уделять больше внимание анализу культурного фактора асимметричных акторов. В сложившейся ситуации эффективность стратегии сдерживания стала во многом зависеть от того, насколько хорошо будут спрогнозированы возможные действия оппонентов, которые находятся за рамками «рационального противника», а именно – поведение террористических организаций. В связи с новым характером угроз Соединенные Штаты вынуждены фокусировать больше внимания на выявлении, оценке и формировании профиля многочисленных потенциальных противников. Особенно важно максимально точно проанализировать восприятие и готовность внесистемного актора идти на риск. Концепция сдерживания общего «рационального противника», т.е. государственного актора, не учитывает возмож-

ность объекта пойти на риск, так как преимущественно базируется на принципах стратегического биполярного мышления, разработанного в период «холодной войны». Однако, по мнению современных американских специалистов, фактор культуры и восприятие риска взаимодополняемы и существенны при оценке потенциального объекта сдерживания.

Помимо этого при обновлении американской стратегии сдерживания необходимо учитывать фактор оценки и принятия риска в качестве основополагающего принципа возможного сценария действий противников, особенно поведение и мотивацию руководящих кругов, их восприятия и готовности пойти на риск для достижения цели, а также степень вероятности согласия или отказа внесистемных акторов понести потери. С точки зрения американского политолога Я. Верцбергера, «культура является своеобразным фильтром, через который люди смотрят на мир. Она оценивает конкретные последствия как негативные или благоприятные» [11].

В качестве примера можно рассмотреть влияние фактора ценности человеческой жизни на формирование стратегии сдерживания, особенно в отношении внесистемного актора. Если в стратегической культуре оппонента человеческая жизнь ценится высоко, то действия, которые могут привести к гибели людей, т.е. к риску, будут отклонены. Подобной позиции зачастую придерживаются противники, чей принцип принятия решений основан на рациональной модели. Однако если культурные особенности оппонента менее восприимчивы к людским потерям, то фактор риска не станет препятствием при осуществлении акта агрессии. В случаях применения стратегии сдерживания в отношении внесистемных акторов, а именно террористических организаций, в настоящее время военно-политическое руководство Соединенных Штатов в полной мере не учитывает данную особенность.

Среди особенностей, к которым современной американской стратегии сдерживания необходимо найти новые подходы, можно также выделить изменение «поля битвы». Помимо организации и проведения силовых атак в настоящее время террористические группы занимаются развитием использования информационного пространства с целью диверсификации каналов связи, расширения своего влияния и вербовки новых единомышленников. Успешная агитация террористических структур в виртуальном пространстве вызвала острую необходимость выработки новых мер в той области, где ранее стратегия сдерживания внесистемных акторов не была

задействована. Однако в этой области у США есть ряд трудностей в техническом и политико-общественном плане: для осуществления эффективного сдерживания террористов в информационном поле спецслужбам Соединенных Штатов необходим полный доступ к личным данным пользователей крупных социальных сетей и интернет-сервисов, таких как Facebook, Twitter, LinkedIn, Apple, Google, Microsoft и др. Однако представители ведущих компаний этой отрасли не готовы к подобным мерам. Вторая трудность связана с тем, как решить дилемму американского политико-общественного мнения: что важнее – безопасность или свобода. Большинство граждан Соединенных Штатов высказываются против предоставления доступа к своим личным данным. Подобная ситуация была характерна для США после теракта 11 сентября. Однако в отличие от 2001 г. сегодня американское общество делает свой выбор в пользу свободы, даже если на кону стоит задача обеспечения национальной безопасности страны.

Стоит отметить, что в среде американского экспертного сообщества также нет единого мнения, как сдержать террористическую угрозу, поэтому успех действующей американской стратегии сдерживания вызывает у политологов большие сомнения. «Потратив 1,6 трлн дол. на эту войну (сдерживание терроризма. – А.Н.) и уничтожив 101 террористического вождя, от руководителя “Аль-Каиды” Усамы бен Ладена до Джихади Джона, Запад по-прежнему уязвим перед экстремистами, которые могут вербовать боевиков и напасть на любой западный город фактически по своему желанию» [6]. Более критический взгляд на американскую стратегию сдерживания терроризма выразил бывший госсекретарь США Г. Киссинджер. По его мнению, «террористические организации не могут быть сдержаны, потому что им нечего терять» [3].

Между тем, с точки зрения видного американского политолога Дж. Ная, основой современной стратегии сдерживания должна стать «умная сила», которая должна сочетать жесткую военную силу и мягкую силу убеждения. Как разъясняет сам эксперт, «жесткая сила необходима, чтобы убить или захватить ярых террористов, большинство из которых открыты для привлечения или убеждения. В то же время мягкая сила необходима, чтобы обезопасить тех, кто на периферии, кого ярые пытаются завербовать» [4].

Проанализировав основные принципы реализации американской стратегии сдерживания в области борьбы с терроризмом, можно констатировать, что действующий подход США не адаптирован

к современным условиям. Военная кампания Соединенных Штатов на Ближнем Востоке не сдержала угрозу терроризма, а послужила катализатором возникновения новых террористических групп, в первую очередь ИГИЛ. На определенном этапе она включала в себя активное продвижение демократических ценностей и свержение неподконтрольных политических режимов в большинстве стран Ближнего Востока. Подобная практика Соединенных Штатов стала причиной возникновения хаоса и краха суверенитета в ряде государств, а также перехода угрозы терроризма с регионального на трансграничный уровень.

Существенным недостатком стратегии сдерживания террористических угроз также является отсутствие глубокого анализа культурных особенностей внесистемных акторов. При выработке сдерживающих мер не учитывается несколько факторов, а именно – иррациональная модель поведения противника и его готовность пойти риск, несмотря на высокую вероятность угрозы для жизни. Также не решен вопрос об эффективном сдерживании террористических группировок на фоне снижения важности в их управлении централизованного руководства и масштабном рассредоточении террористов-одиночек.

Необходимо отметить, что американская стратегия сдерживания не устраняет источники и причины возникновения террористической угрозы, а борется с их следствием и зачастую уже с локальными проявлениями терроризма. Следовательно, степень эффективности американской стратегии сдерживания террористических группировок во многом зависит от готовности Соединенных Штатов к равноправному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом, взаимоважания интересов иных государств, а также способности США скорректировать внешнеполитический вектор глобального доминирования.

Список литературы

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. – М.: Восток – Запад, 2011. – 166 с.
2. *Иванов О.П.* Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход: монография. – М.: Научная книга, 2007. – 160 с.
3. *Kissinger H.* American strategy and pre-emptive war // *International Herald Tribune*. – 2006. April 13.
4. *Nye S.J.* Five Truths about Terrorism // *Project Syndicate*. – 2016. February 4. – Access mode: <https://www.project-syndicate.org/commentary/terrorism-not-biggest-threat-to-americans-by-joseph-s--nye-2016-02?barrier=accesspaylog> (date of treatment: 06.03.2019).
5. *Payne K.* The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction // *The University Press of Kentucky*. – 2001.

6. *Soto H.* How to Win the War on Terror // *Project Syndicate*. – 2016. – January 14. Access mode: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/how-to-win-the-war-on-terror-by-hernando-de-soto-2016-01?barrier=accesspaylog> (date of treatment: 12.03.2019).
7. *The National Defense Strategy of the United States of America 2018*. – Access mode: <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf> (date of treatment: 12.03.2019). *The National Security Strategy of the United States of America December 2002*. – Access mode: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (date of treatment: 08.03.2019).
8. *The National Security Strategy of the United States of America December 2006*. – Access mode: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (date of treatment: 08.03.2019).
9. *The National Security Strategy of the United States of America December 2015*. – Access mode: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (date of treatment: 08.03.2019).
10. *The National Security Strategy of the United States of America December 2017*. – Access mode: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (date of treatment: 23.01.2019).
11. *Vertzberger Y.* Risk Taking and Decisionmaking: Foreign Military Intervention Decisions. – *Stanford: Stanford University Press*, 2001. – P. 72.

Борисова Юлия Михайловна,

аспирантка,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: yuliya.m.borisova@gmail.com

Yuliya M. Borisova,

PhD student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: yuliya.m.borisova@gmail.com

ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США

BILATERAL COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN ENERGY SECTOR IN TERM OF US ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Аннотация: введение антироссийских санкций вошло в постоянную внешнеполитическую практику ЕС и США на протяжении последних четырех лет. Усиливается международное давление на российский ТЭК. Введение новых санкций и выход их действия за пределы российской юрисдикции несет риски для мировой энергетической безопасности. Рост производства и экспорта нефти и газа из США и стран ОЭСР привел к давлению на цены энергоносителей и выявил проблему перераспределения структуры долей глобального энергетического рынка. Нефтегазовая отрасль продолжает играть ключевую роль в формировании доходной базы российского бюджета. Российскому энергетическому сектору удалось перестроить свою работу в новых условиях за счет гибкости санкционного режима европейских стран и сотрудничества на восточном направлении, в первую очередь с Китаем. Несмотря на сравнительно успешное замещение западного оборудования в краткосрочной перспективе, остро стоит вопрос импортозамещения и поступательного развития энергетического сектора в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом постоянного санкционного режима.

Ключевые слова: ТЭК, антироссийские санкции, российско-китайское сотрудничество, энергетика, нефтегазовая отрасль

Abstract: imposing of anti-Russian sanctions has become common practice for US and EU countries during past 4 years. Pressure on Russian energy sector is increasing, but imposing of new sanctions outside Russian jurisdiction bear the risks for global energy security system. Increasing of oil and gas production and export from USA and OECD countries lead to extra pressure on commodity prices and shew up reshaping of global energy market shares. Oil and gas industry is still playing the most important role in forming federal budget revenue. Russian energy industry has used cooperation with Asian countries, China in first place, and flexibility of European sanctions to adapt to new conditions. Though successful foreign equipment substitutes in short-term period, development of import-substituting technologies and oil, gas, power industries in long-term is a serious concern with due regard to permanent sanctions regime.

Key words: energy industry, anti-Russian sanctions, Russian-Chinese cooperation, energetics, oil and gas industry.

Российско-китайское сотрудничество в сфере ТЭК является одним из ключевых аспектов отношений стратегического партнерства, которые сегодня выстраивают Россия и Китай. Несмотря на то что дополнительным импульсом к усилению Россией позиций на восточном направлении стало введение США и ЕС антироссийских санкций в 2014 г., основы двустороннего сотрудничества в сфере энергетики была заложены намного раньше.

После распада Советского Союза Россия и Китай договорились о поддержании основных принципов советско-китайского сотрудничества, в основе которых лежало обеспечение стабильности на российско-китайской границе, содействие торгово-экономическому развитию, возможность динамично развивать отношения с западными странами. В 1996 г. по взаимной договоренности руководителей двух стран был создан механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая с целью координации сотрудничества в торговой, экономической, военной, научно-технической, энергетической сферах, в сфере ядерной энергетики и других областях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества, имеющим стратегическое значение. Новый механизм пришел на смену существовавшей с 1984 г. Советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

В 1996 г. также было принято решение о стремлении России и Китая к построению «стратегического партнерства», одним из элементов которого является развитие сотрудничества в сфере энергетики.

Важным документом, лежащим в основе энергетического сотрудничества России и Китая, является подписанное в 2000 г. межправительственное соглашение о дальнейшем развитии сотрудничества в энергетической сфере, которое заложило основы для выстраивания конструктивного сотрудничества двух стран по данному направлению. В соответствии с соглашением предусматривались такие формы сотрудничества, как подготовка предварительных технико-экономических обоснований в исследовании проекта газопровода и нефтепровода для транспортировки природного газа и сырой нефти из Восточной Сибири в Китай для их транзита в третьи страны; разведка, развитие и эксплуатация газовых и газоконденсатных месторождений на территории КНР.

В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в рамках которого стороны выразили готовность на основе взаимной выгоды развивать сотрудничество в энергетической

сфере и сфере ядерной энергетики [11]. В этом же году ПАО «Газпром» совместно с Royal Dutch Shell выиграли тендер на строительство транскитайского газопровода в рамках формирования единой системы газоснабжения Китая, который соединяет Синцзян-Уйгурский автономный округ и район Шанхая и дельту реки Янцзы.

В марте 2006 г. во время визита В.В. Путина в Китай были подписаны соглашения об энергетическом сотрудничестве, в частности между «Газпромом» и представителями китайской газовой компании о строительстве газопроводов в Китай.

В 2008 г. в ходе визита Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в КНР был запущен Энергодиалог Россия-Китай, работу по этому направлению курировали вице-премьеры двух стран.

В 2009 г. Москва и Пекин запустили первый крупный инфраструктурный проект – нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), идея создания которого возникла еще в советский период и получила свое развитие только в 2001 г. с момента подписания Председателем Правительства Михаилом Касьяновым и Председателем КНР Цзян Цзэмином соглашения о разработке технико-экономического обоснования проекта.

В настоящее время ключевыми игроками энергетического рынка в регионе являются ПАО «Газпром» и НК «Роснефть», также в регионе работают такие компании, как «Русгидро», «Интер РАО», НОВАТЭК, «Россети». Поддержка совместной работы России и Китая по данному направлению осуществляется на межправительственном уровне в рамках деятельности российско-китайской комиссии по энергетике под руководством вице-преьера Д.Н. Козака и Заместителя Государственного Совета КНР Чжан Гаоли соответственно, а также в рамках рабочих групп на уровне Министерства энергетики. Проводится российско-китайский энергетический бизнес-форум, который является дополнительной площадкой для взаимодействия представителей энергетического бизнеса двух стран. Однако принципиальные решения по реализации сторонами совместных проектов достигаются только при участии руководства двух стран. В настоящий момент активно обсуждаются поставки природного газа по «восточному» и «западному» маршрутам, развитие энергетического сотрудничества на Дальнем Востоке [6].

По инициативе США в период с 2014 г. был введен целый ряд ограничительных политических и экономических мер в отношении ряда отраслей российской экономики, финансового сектора, отдельных компаний и частных лиц. К санкциям, в том числе и в ущерб

собственным экономическим интересам, присоединились страны ЕС. Последующие пакеты санкций были введены после катастрофы Boeing 777 в Донецкой области и отравления Сергея и Юлии Скрипалей в Великобритании.

Секторальные санкции США и ЕС против российского топливно-энергетического комплекса действовали по четырем основным направлениям:

1) ограничение или запрет на участие компаний из ЕС и США в проектах по разработке трудноизвлекаемых запасов, глубоководных и арктических шельфовых месторождений углеводородов и ограничение экспорта технологий;

2) запрет на предоставление долгосрочного финансирования российским нефтегазовым компаниям («Газпром нефть», «Транснефть», «Роснефть») и крупнейшим российским банкам (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк). Данное решение крайне негативно повлияло на возможность планирования и реализации крупных проектов;

3) запрет на инвестиции в проекты российских экспортных трубопроводов, начатых после 1 августа 2017 г. (более 1 млн долл. сразу или 5 млн долл. за год в соответствии с CAATSA). В первую очередь, речь идет о последствиях для компаний, которые участвуют в проекте строительства газопровода «Северный поток-2». На европейском рынке американский СПГ менее конкурентоспособен, чем магистральный газ из России. Реализация подобного проекта грозит сужением рынка сбыта СПГ из США в странах ЕС, цена которого выше, а возможность быстрого увеличения поставок в пиковый период ниже, что диктует необходимость ввода дополнительных санкций;

4) санкции против деятельности, связанной с теплоэнергетическим комплексом Крыма [4].

Наиболее чувствительными для российских компаний оказались технологические санкции, которые выявили устойчивую зависимость от иностранных технологий, не локализованных и не имеющих аналогов на российском или других рынках. В первую очередь, речь идет о современном оборудовании для добычи на арктическом шельфе, глубоководном бурении, разработке нефтеносных запасов Западной Сибири. Наиболее сложной является ситуация в Арктике, где реализация проектов невозможна без технологического участия западных компаний. По оценкам Министерства энергетики, эта проблема может быть частично решена только к концу 2020 г. [12]. Было приостановлено большинство проектов, реализация которых проводилась совместно с европейскими и американскими партнерами.

Введение антироссийских санкций отразилось и на сфере электроэнергетики. Оказалась осложнена реализация проектов строительства ТЭС, на которых использовались паровые и газовые турбины General Electric, а также выключатели иностранного производства.

С учетом всех сложностей, которые возникли в результате введения санкционного режима, российский ТЭК находится в стадии адаптации к новым условиям. Некоторая часть совместных с иностранными компаниями проектов продолжает развиваться (проект ПАО «Газпром» и Shell по разработке месторождений «Сахалин-2»; совместное предприятие НК «Роснефть» и Statoil по разработке доманиковых месторождений), ведется работа по локализации оборудования в сфере электроэнергетики.

Продолжают расти и поставки российского газа на европейский рынок. В 2015 г. объем поставок составил 158,6 млрд куб. м., в 2016 г. – 178,3 млрд куб. м, в 2017 г. – 192,3 млрд куб. м. [10]. Председатель ПАО «Газпром» Алексей Миллер заявил, что по итогам 2018 года объем поставок составил 201 млрд куб. м. [3].

Российская Федерация, являясь крупным игроком на рынке энергетических ресурсов, стремится диверсифицировать рынки сбыта, снижая возможные риски в вопросе максимизации прибыли. Логичным в подобных условиях стало развитие сотрудничества в сфере ТЭК с азиатскими партнерами. Россия выстраивает маршруты поставок магистрального природного газа и СПГ, развивает сотрудничество в сфере использования оборудования и дополнительного финансирования. В АТР наиболее активно развивается сотрудничество с Китаем, Японией, Индией и Южной Кореей [1].

Китай занимает особое место в процессе диверсификации рынков сбыта и развития сотрудничества в сфере ТЭК в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Растет потребность Китая в энергоресурсах, в особенности в импорте природного газа. По данным Государственного управления по делам энергетики страны и данных CNPC, в 2017 г. потребление газа в КНР составило 253,2 млрд куб. м (рост на 17% по сравнению с прошлым годом), потребление электроэнергии – 6,31 трлн кВт/ч [5].

Наиболее масштабным проектом в рамках «поворота» России на Восток, в том числе и в сфере ТЭК, является строительство ПАО «Газпром» и CNPC магистрального газопровода «Сила Сибири». Заключенный объем поставок газа по «восточному» маршруту составит 38 млрд куб. м сроком на 30 лет. Газ будет поставляться из Иркутского и Якутского центров газодобычи. Переговоры по опре-

делению цены на газ были осложнены жесткой позицией китайской стороны по формированию ценового предложения, обусловленной доступностью туркменского газа и ростом потребления СПГ из США. Планировалось совместное финансирование капитальных затрат на строительство инфраструктуры с вкладом китайской стороны при стоимости проекта в более чем 1,1 трлн рублей, однако проект финансируется полностью из средств ПАО «Газпром».

В настоящее время между Москвой и Пекином ведутся переговоры по строительству ветки западного маршрута газопровода – «Сила Сибири-2» или «Алтай». Впервые о возможности поставок газа из Западной Сибири В.В. Путин говорил в 2006 г. Предполагалось, что строительство газопровода будет завершено к 2011 г., однако из-за финансовых и технологических сложностей строительство было отложено. Рамочное соглашение по реализации проекта было подписано только через 8 лет – в 2014 г. Ожидается, что годовой объем поставок по газопроводу «Сила Сибири-2» составит 30 млрд кубометров газа, а длина новой ветки газопровода составит около 450 км. Интерес к возобновлению деятельности по реализации проекта обусловлен ростом китайской экономики, в соответствии со статистическими данными КНР. По оценкам Китайского сообщества по изучению энергии, ожидается, что потребление газа к 2020 г. в Китае увеличится до 290 млрд кубометров, а к 2030-му – в два раза и составит около 480 млрд куб. м [13]. С учетом того, что собственная добыча развивается медленно, оптимальный способ обеспечения стабильных поставок – экспорт из Российской Федерации. Еще большее укрепление энергетического сотрудничества двух стран не соответствует интересам западных стран. Поставки газа запланированы с тех же месторождений, которые обеспечивают газом ЕС. Если раньше европейские страны были основным потребителем, то с реализацией проекта «Алтай» у России появится возможность диверсифицировать поставки. США также не приветствуют еще большее усиление энергетического сотрудничества двух стран, которое впоследствии может привести к укреплению сотрудничества и в других областях.

В ходе встречи лидеров России и Китая в рамках Восточного экономического форума Си Цзиньпин поручил в кратчайшие сроки завершить все согласования для начала строительно-монтажных работ. Технично-экономическое обоснование проекта согласовано сторонами, на стадии утверждения коммерческая составляющая проекта и цена поставки газа, себестоимость поставок в северо-западные районы Китая и стоимость проектировки.

Проект НОВАТЭКа «Ямал СПГ» также реализуется при участии китайской стороны. Структура акционеров включает помимо российской компании, владеющей 50,1% акций и французской Total (20%) китайскую нефтяную компанию CNPC и Фонд развития Шелкового пути (9,9% – стоимость сделки 1 млрд евро). Фонд Шелкового пути выделил кредитную линию сроком на 15 лет для финансирования проекта. Проект «Ямал СПГ» предусматривает строительство завода по производству сжиженного природного газа мощностью 16,5 млн т в год на ресурсной базе Южно-Томбейского месторождения [7].

Ведутся переговоры по финансированию CNOOC проектов на арктическом шельфе, а также возможность привлечения дополнительного финансирования в проект «Северный поток-2» в случае возникновения сложностей с участием европейских партнеров из-за введения санкций со стороны США. Китай открыто высказал позицию по неприятию подобных мер, призвав США уважать право компаний свободно принимать решение о сотрудничестве с другими компаниями, чем оказал политическую и информационную поддержку России и компаниям, задействованным в проекте.

Важно отметить появление на российском рынке китайских нефтесервисных компаний, способных заменить западные технологии. Наиболее активно развивает сотрудничество с китайскими компаниями ПАО «Роснефть». К освоению нефтегазоносных участков шельфа Охотского моря «Магадан-1» и «Лисянский» и бурению двух скважин были привлечены китайские партнеры: на стадии поискового бурения ПАО «Роснефть» использует платформу China Offshore Ltd. – «Nanhai-9». Между компанией и одним из лидеров на рынке нефтесервисных услуг Shandong Kerui Petroleum Equipment подписан Меморандум о сотрудничестве. Kerui Group будет поставлять оборудование на объекты ПАО «Роснефть» на сумму около 60 млн долларов.

Китайская сторона участвует в совместных российско-китайских проектах в качестве инвестора и обеспечивает проектное финансирование для реализации проектов. НК «Роснефть» совместно с ChemChina реализуют проект строительства ВНК – комплекса в Приморском крае мощностью 24 млн т нефтепереработки и 6,6 млн т нефтехимии общей стоимостью 1,5 трлн руб. [9].

China Development Bank участвует в проектном финансировании Амурского газоперерабатывающего завода «Газпрома» мощностью 42 млрд куб. м и стоимостью 790,6 млрд руб. и выступает в роли кредитора «Роснефти» и «Транснефти». Китайские госбанки Export-

Import Bank of China и China Development Bank кредитуют также «Ямал СПГ» и «Газпром».

Государственная энергетическая компания Beijing Gas получила у правительственной комиссии по иностранным инвестициям разрешение на покупку у «Роснефти» 20% «Верхнечонскнефтегаза», добыча которого в прошлом году составила 8,7 млн т нефти [7, с. 10–17].

В стадии обсуждения сотрудничество в электроэнергетике. С учетом тяжелой экологической ситуации и требований по сокращению выбросов CO₂, Правительство КНР нацелено на изменение структуры электрогенерации за счет снижения использования угля и ввода новых генерирующих мощностей на ВИЭ и природном газе. В 28 городах, включая Пекин, Тяньцзинь, Ланфан и Баодин с 3,94 млн домохозяйств, уже успешно реализуется переход с угольного топлива на газовое. К 2020 г. доля ВИЭ в энергобалансе страны должна составить 10%, а к 2050 г. – 16% [8]. В то же время существует ускоренный сценарий развития энергетики Китая до 2050 г. на основе возобновляемых источников энергии, доля которых может вырасти в энергобалансе до 85%. Если энергетика Китая будет развиваться по такому инновационному сценарию, то международное сотрудничество КНР перейдет из сферы импорта углеводородного сырья исключительно к реализации проектов по трансферу технологий.

Российские Сибирь и Дальний Восток имеют потенциал по выработке избыточной для регионов электроэнергии, что делает возможной ее транспортировку в Китай по высоковольтным линиям. В данном контексте обсуждается строительство дочерним обществом ПАО «Газпром» ТЭС для обеспечения поставок газа сверх контрактованных по газопроводу «Сила Сибири» и обеспечения электроэнергией одного из китайских регионов с энергодефицитом. Интерес к китайским проектам проявляли такие российские компании, как «Силовые машины» и «Интер ПАО».

Развивается сотрудничество в области возобновляемых источников энергии. Китай является лидером в сфере использования и производства солнечных батарей в соответствии с планами развития «зеленой энергетики». Китайская компания «Солар Системс» запустила в Самарской области первую очередь солнечной электростанции с установленной мощностью в 25 МВт.

В целом, несмотря на технологические и финансовые трудности, российскому ТЭК удалось частично адаптироваться к санкциям, диверсифицировав риски. Однако фундаментальные уязвимости в части технологического обеспечения остаются актуальными. Не все

технологии возможно заменить аналогами неевропейского производства, в частности оборудование для разработки арктического шельфа.

Переориентация на восточное направление позволила расширить рынок сбыта российских энергоресурсов [2]. Развитие партнерства Москвы и Пекина в области энергоресурсов на всех уровнях будет и в дальнейшем укреплять стратегическое китайско-российское сотрудничество, которое имеет в этой сфере значительный, пока не в полной мере использованный потенциал. Российская Федерация таким образом расширяет свое влияние в азиатском регионе и получает финансовые инструменты для реализации планов по перенастройке собственной экономики в направлении снижения зависимости от сырьевого сектора и развития производства и технологий. Это позволит получить необходимые конкурентные преимущества в рамках новой глобальной экономики с фокусом на наукоемкие технологии и сферу услуг, динамичное развитие регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Развитие энергетического сотрудничества укрепляет взаимодействие и в других отраслях, обеспечивает политическую поддержку инициатив сторон, как в случае с реализацией «Северного потока-2» и по другим вопросам международной повестки.

Однако, несмотря на всеобъемлющее стратегическое партнерство, поддерживаемое лидерами двух стран, китайские компании, как государственные, так и частные, выстраивают взаимодействие преимущественно на основании своих коммерческих интересов. Запущенные при участии руководителей России и Китая переговоры по совместным проектам зачастую крайне медленно достигают прогресса без постоянного вмешательства руководства. Сложный и длительный переговорный процесс, как правило, все же приводит к достижению соглашения, но не всегда на наиболее выгодных для российской стороны условиях, как это было в случае согласования условий участия сторон в проекте газопровода «Сила Сибири».

Российская Федерация и КНР остаются ключевыми партнерами в энергетическом секторе, что, с одной стороны, обеспечивает Россию средствами для преодоления «голландской болезни». С другой – развитие иных отраслей за счет доходов от продажи углеводородов пока не показало значительных результатов, и российская экономика только в начале этого непростого пути. Не только антироссийские санкции, но и торговая война Китая и США указывают на необходимость дальнейшего укрепления сотрудничества двух стран. Для

России приоритетным является сохранение баланса в отношениях с Китаем, защита своих экономических интересов, которые могут нарушаться жесткими условиями со стороны китайских партнеров.

Список литературы

1. *Амиров В.Б., Михеев В.В.* Треугольник Россия-Китай-США в АТР: факторы неопределенности / Учреждение Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 95–110.
2. *Выпращкина И.Б., Выпращкин Б.С., Евдокимов С.Ю.* Проблемы экономической безопасности России в условиях геополитического кризиса и санкционного давления западных стран: коллективная монография / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М.: Научный консультант, 2017. – С. 77–80.
3. «Газпром» обновит рекорд экспорта газа третий год подряд // Вести Финанс. – 2018. 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/112616> (дата обращения: 05.01.2019).
4. *Еременко А.* Антироссийские санкции: краткое пособие для неспециалистов // Россия в глобальной политике. 2018. 4 окт. – Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Antirossiiskie-sanktcii-kratkoe-posobie-dlya-nespetsialistov-19781>(дата обращения: 20.10.2018).
5. К 2030 году потребление газа в Китае вырастет почти до 500 млрд кубических метров // Портал «Нефтегаз». – 2016. – 4 марта. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/view/146950-K-2030-g-potreblenie-gaza-v-Kitae-vyrastet-pochti-do-500-mlrd-m3> (дата обращения: 01.02.2019).
6. *Лузянин С.Г.* Россия-Китай: формирование обновленного мира. – М.: Весь мир, 2018. – С. 86–102.
7. «Новатэк» продал 9,9% в «Ямал СПГ» китайскому Фонду Шелкового пути // Ведомости. – 2016. – 15 марта. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/15/633666-novatek-yamal> (дата обращения: 07.01.2019).
8. Перспективы российской нефтедобычи. Жизнь под санкциями. Сколково. Март 2018. – Режим доступа: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/research04-ru.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).
9. Роснефть завершает доработку проекта ВНХК // Маркет Репорт. – 2018. – Март. – Режим доступа: http://www.mrcplast.ru/news-news_open-336763.html (дата обращения: 09.01.2019).
10. Статистика поставок «Газпром-экспорт». Динамика реализации газа в Европу / Газпром экспорт. – Режим доступа: <http://www.gazpromexport.ru/statistics/> (дата обращения: 20.10.2018).
11. Текст Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт МИД России. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения: 19.01.2019).
12. Энергетический бюллетень. Санкции в глобальной энергетической политике / Аналитический центр при Правительстве РФ. – Сентябрь 2018. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/18371.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).
13. China – Power Generation // Market Line Report. – August 2018 MLIP2768-0011.

Колбачаева Жанар Едильбековна,

аспирантка,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: jhanar@mail.ru

Zhanar E. Kolbachayeva,

PhD student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: jhanar@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА – ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНА

LANGUAGE POLICY – THE MAIN CONDITION FOR THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY OF KAZAKHSTAN

Аннотация: языковая политика Казахстана носит централизованный характер и обеспечивает единство государства. Казахстан является полиэтническим государством. Предусмотрено использование дифференцированного подхода в языковой политике. Языковая политика Казахстана имеет свои исторические предпосылки, исследование которых позволит более четко понимать причины современных трансформаций, нововведений, предпринимаемых государственной властью в области языковой политики для формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: Казахстан, идентичность, языковая политика, полиэтническое государство, билингвизм.

Abstract: the language policy of Kazakhstan is centralized. It ensures the unity of the state. Kazakhstan is a polyethnic state. The use of a differentiated approach in language policy is envisaged, which has its own historical background. Of course, as in any other state, the language policy of Kazakhstan has its own historical background, the study of which will allow you to more clearly understand the causes of modern transformations, innovations undertaken by the government in the field of language policy to form national identity.

Key words: Kazakhstan, identity, language policy, polyethnic state, bilingualism.

Введение

Проблема национальной идентичности является одной из важнейших проблем культурного и социального развития Республики Казахстан с точки зрения государственного суверенитета. Подлинная независимость Казахстана возможна не только при экономической и политической независимости, но прежде всего при сохранении оригинальности и уникальности казахской культуры. Национальное сознание оказало решающее влияние на идентичность и мировоз-

зрение как личности, так и общества. Для Казахстана с его многонациональным этническим составом формирование гражданской идентичности и сохранение казахской национальной идентичности являются основной проблемой, которая должна быть решена в первую очередь.

В условиях глобализации и постоянных информационных воздействий извне национальная идентичность должна находиться в фокусе внимания государства, чтобы противостоять влиянию иных культур, в то же время оставаясь к ним толерантной.

Национальная идентичность может рассматриваться как инструмент внутренней политики, который позволяет консолидировать общество. Это предполагает лояльность по отношению к нации или государству. Каждое правительство нуждается в поддержке общественного мнения, но для его формирования необходим единый язык общения, который представляет собой приоритетное средство коммуникации между властью и обществом.

Роль этнических групп

Этнические группы представляют собой не просто группы людей, которые разделяют культуру и общего предка. Идеи происхождения постоянно стимулируются государством и используются в качестве ориентира, чтобы усилить чувство общности, чувство «группы» и общей судьбы государства.

Предполагая, что группы в некотором смысле социально структурированы, государственная власть должна иметь варианты ответов на следующие ключевые для формирования национальной идентичности вопросы:

- реальность колониального периода, когда власть устанавливала названия для «коренных народов», влияющие на их идентичность. В постколониальном мире легко найти примеры групп, названия и форма которых являются прямым следствием колониальной истории;
- идентичность группы может быть результатом работы членов группы, усилий элит внутри них и лидеров партии;
- группы могут быть сформированы в результате действия государственных и административных норм.

Языковая политика – основной фактор формирования национальной идентичности. Язык меняется и развивается фактически «сверху вниз», что связано с мерами языковой и культурной политики в Казахстане.

Языковая политика Казахстана носит централизованный характер, поскольку обеспечивается единством государственной организации. Языковую политику некоторые исследователи определяют как «политику общества в области языкового общения, то есть совокупность позиций, принципов и решений, отражающих отношения этого сообщества к его словесному репертуару и коммуникативному потенциалу», а языковое планирование «понимается как совокупность конкретных мер, принимаемых в рамках языковой политики для воздействия на языковое общение в сообществе, обычно путем направления развития его языков» [2]. Казахстан является полиэтническим государством, и в законодательстве предусмотрено использование дифференцированного подхода в языковой политике в тех регионах страны, где компактно живет тот или иной этнос. Казахский язык преобладает во всех сферах жизни в тех регионах, где казахи живут компактно. Соответственно, русский язык преобладает в тех регионах, где традиционно проживает русскоязычное население.

Особенности развития государственной языковой политики Казахстана

Государственная языковая политика Казахстана прошла несколько этапов.

Советский этап (1917–1989) в свою очередь, делится на три периода.

В русификации Казахстана и возникновении билингвизма исследователи выделяют несколько периодов. Первый (1917–1924 гг.), характеризовался плюралистической языковой политикой и был связан с изменениями в функциональном распределении между русским и казахским языками. Несмотря на то что русский оставался доминирующим языком в административных отношениях и едва не утратил свои позиции в сфере образования, государство расширило сферу применения казахского языка, переведя на него официальные документы и реализовав ряд мер по повышению грамотности во владении казахским языком, а также увеличив количество книг и газет, издаваемых на казахском языке. Получив статус, равный русскому языку, казахский язык стал быстро развиваться, что способствовало расширению применения и использования прессы и грамотности.

Двуязычие по-прежнему находилось на индивидуальном уровне, и число русских и казахских двуязычных граждан росло в результате так называемой «коренизации» (преференциальный подход к представителям коренных народов в сфере людских ресурсов) и кампаний

по ликвидации неграмотности. Последние проводили в основном казахоязычные русские учителя. Рост числа билингвальных педагогов и государственных служащих, а также формирование позитивного отношения к русской культуре и языку в указанный период подготовили почву для возникновения феномена общественного двуязычия в последующие годы советизации. Таким образом, казахская нация вошла в новую политическую реальность с надеждами на самоопределение. Новая советская администрация поставила цель противодействовать националистическим устремлениям к сепаратизму путем культивирования наднациональной самобытности советского народа и обеспечения равного отношения ко всем этносам вновь образованной республики. Хотя провозглашенные принципы национального и языкового равенства не всегда легко реализовывались на практике, в большинстве случаев ранняя советская национальная и языковая политика была более чувствительной к националистическим устремлениям казахского народа, чем соответствующая политика царского правительства [5].

С советизацией, понимаемой как культивирование общей идентичности без разрушения этнической самобытности и языкового плюрализма как необходимого условия выживания этнических групп, у казахского народа появились новые возможности для развития своего языка и культуры в контексте новой политической реальности советского государства. Эти изменения можно было увидеть на примере развития литературного языка и литературы, в росте печатного материала, в проникновении казахского языка в новые коммуникативные области и в растущем сознании литературного наследия и языковой идентичности казахских народных масс. Перераспределение функционала между казахским и русским языками, однако, не привело к потере коммуникативных функций русского языка. Вместо этого, позволив казахскому языку войти в практическое употребление, которое ранее было ограничено государственным языком империи, данная ситуация способствовала формированию у казахов позитивного отношения к русскому языку, а также повышению толерантности русских к казахам. Такие перемены стали причиной появления устойчивого билингвизма в казахстанском обществе.

Второй период советского этапа истории языковой политики в Казахстане связан со сталинской русификацией (1924–1953 гг.). Необходимо отметить, что И.В. Сталин пришел к власти, когда большинство народов поликультурного Советского Союза начали посте-

пенно принимать идею, что вместе они составляют то, что можно назвать развивающейся советской нацией. Их новая идентичность еще не была такой сильной, какой она стала к концу советской эпохи.

Из-за высокой степени этнической чувствительности в ленинской модели социально-экономического реформирования сложился надлежащий баланс между этнической идентификацией и надэтнической идентичностью. Отсутствие предпосылок для межэтнического конфликта облегчало задачу дальнейшего реформирования. Однако преимущество межэтнической стабилизации было использовано бывшим министром по делам национальностей И.В. Сталиным для проведения совершенно другого типа эксперимента: коллективизация, переселение народов.

Тем не менее казахский язык получил свое развитие. Были приняты такие документы, как Указ о языках, Постановление «О повышении численности работающих на казахском языке работников», Постановление «О контроле за численностью работающих на казахском языке, повышении квалификации работников», Постановление Территориального комитета ВКП(б) «О дальнейших шагах для представителей коренного населения по снабжению предприятий», которые способствовали повышению занятости казахов в промышленности и управлении, а также расширили сферу использования казахского языка. В частности, Постановление Территориального комитета ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. обеспечило перевод всей делопроизводственной сферы на казахский язык в таких структурах, как ЦИК Республики Казахстан, Народный комиссариат просвещения, Народный комиссариат здравоохранения, Народный комиссариат юстиции, Рабочая и крестьянская полиция. Билингвизм использовался на территориях, где казахов было немного, а там, где их было более 40%, документооборот осуществлялся на казахском языке. В регионах, где компактно проживало несколько этнических групп, люди имели право готовить документы на своих родных языках. Государственная власть применяла даже материальное стимулирование для тех граждан, кто осваивал казахский язык. Так, в результате принятия Постановления «О вознаграждении работникам, владеющим казахским языком» была повышена ставка заработной платы, дано предпочтение при приеме на работу и сокращено количество сотрудников, не владеющих казахским языком. По аналогии государство действовало и в сфере образования: в 1934 г. было принято Постановление ЦИК республики «Об обязательном изучении казахского языка в неказахских школах» [5].

Как видно из приведенных примеров нормативно-правовых актов, языковая политика советской власти на территории Казахстана в 1920–1930-е гг. была направлена на повышение статуса казахского языка.

Однако в целом следует отметить упадок этнической и национальной идентичности. Он был вызван отождествлением с советской нацией, что явилось долговременным следствием ленинской национальной политики и результатом роста патриотизма во время Второй мировой войны. Задача ускорения социально-экономических преобразований, а также необходимость быстрой военной мобилизации во время Второй мировой войны требовали большей централизации и более эффективной коммуникации, которая могла бы обеспечить более высокий контроль над всеми процессами. Эффективное общение потребовало введения русского языка как языка делопроизводства, что привело к изменениям в подходе к государственному строительству и лингвистическому преобразованию. Вместо попытки культивировать этнически разнообразный и многоязычный дискурс языковой политики советское руководство в Казахстане было вынуждено принять русский язык как единственный государственный в сфере делопроизводства и коммуникации.

В сочетании с последствиями демографических изменений это явилось причиной широкой русификации, появления абсолютного двуязычия и языкового сдвига в течение следующего периода советской эпохи. На этом этапе изменение характера языковой и национальной политики еще не привело ни к существенной трансформации в назначении функциональных ролей русского и казахского языков, ни к характеру формирующегося социального двуязычия [5].

На третьем этапе – 1953–1989 гг. – невозможно охарактеризовать языковую политику как последовательно русифицирующую (сталинскую) или советизирующую (ленинскую), поскольку в позднесоветском государстве оба типа политики и связанные с ней процессы русификации и советизации происходили одновременно с процессом развития национальной идентичности. Русификация, формирование идентичности советского гражданина и националистическое возрождение порой культивируются прямыми политическими действиями. Хотя в большинстве случаев они были результатом сочетания множества факторов, которые не всегда прямо связаны с каким-либо структурным намерением, но часто производились в результате сочетания политических действий, реакции общества и просто на основе их взаимного влияния друг на друга.

В 1940–1950-е гг. государственная политика изменилась. Был принят ряд документов: Постановление «Об отмене преференций в знании казахского языка» в 1941 г., Инструкция «Об освобождении русских школ от изучения казахского языка» в 1955 г. и Постановление от 9 мая 1955 года о закрытии казахских школ. Данные документы свидетельствовали о том, что русский язык как язык основной коммуникации в стране становится приоритетным. Это объяснялось тем, что к указанному периоду сформировалась наднациональная идентичность «советского гражданина», «советского человека», укрепленная трудностями военных лет, поскольку советское государство нуждалось именно в советском человеке, полностью лояльном действующей власти, а не во множестве этнических идентичностей.

Следующий период языковой политики приходится на 1989–1997 гг. Он характеризуется созданием новой законодательной базы, которая отвечала новой политической конъюнктуре.

В 1989 г. был принят новый Закон «О языках в Казахской ССР», который не смог разрушить общую тенденцию вторичного владения казахским языком (по сравнению с русским) в казахском обществе. Русский язык по-прежнему преобладал в государственных органах, в транспортной сфере, в армии, в медицине и представлял собой язык межкультурной коммуникации в республике. В таких условиях невозможен был переход на казахский язык как государственный на практике, равно как и невозможно было внедрение латинского алфавита, поскольку разрыв с кириллической системой письма мог означать сильнейший политический конфликт с союзными властями, а после 1991 г. — с Россией, подобные изменения могли быть восприняты как шаг в сторону сепаратистских устремлений и даже предательства советских ценностей и идей [5].

Языковая политика Казахстана после обретения независимости

Ситуация в языковой политике стала стремительно меняться после обретения республикой независимости в 1991 г. Интерес к национальной истории, культуре, традициям и обычаям, к родному языку возрос.

Документы, повышающие уровень владения и масштабы использования казахского языка до государственного, были подготовлены в кратчайшие сроки, не допускалась дискриминация из-за недостаточного знания казахского или других языков страны. Русский язык на момент обретения государством независимости пре-

обладал во всех сферах общественной жизни, поэтому необходимо было некоторое время, чтобы изменить сложившуюся языковую ситуацию.

Основы языковой политики независимого государства были заложены в Конституции Республики Казахстан 1995 г. В статье 7 Основного закона Республики Казахстан [6] прописано, что государственным статусом обладает только казахский язык. Однако по данным проведенных в последнее время исследований, в деятельности государственных организаций и органов местного самоуправления наряду с казахским широко используется также русский язык [1].

В 1997 г. был принят отдельный Закон РК «О языках в Республике Казахстан». Его принятие должно было урегулировать проблему языковой ситуации в стране на законодательном уровне. В частности, в законе подчеркивается, что казахский язык, имеющий статус государственного, используется в государственном управлении, законодательстве, судопроизводстве и делопроизводстве, действуя, таким образом, во всех сферах общественных отношений на всей территории республики. Согласно закону, владеть казахским языком – это долг каждого гражданина, а сам язык рассматривается государством как важнейший фактор консолидации казахстанского общества в процессе формирования общегосударственной идентичности.

В законе «О языках в Республике Казахстан» также подчеркивается, что один из важнейших аспектов формирования общегосударственной идентичности – использование государственного языка при следовании определенным принципам языковой политики в ее приоритетных направлениях. Следует отметить, что в данном правовом акте вполне адекватно отражена языковая ситуация в Казахстане и определены правовые механизмы защиты интересов всех без исключения народов Казахстана. Фактически в законе поставлена цель всемерного обеспечения развития языков, которые представлены в республике.

О статусе русского языка говорится в пятой статье Закона: «Русский язык официально используется наравне с казахским в государственных организациях и органах местного самоуправления» [2]. Шестая и седьмая статьи Закона защищают права языков других народов республики: «Каждый гражданин Республики Казахстан имеет право говорить на родном языке, выбирать язык для общения, обучения, воспитания и творчества. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков в Казахстане. В местах компактного проживания национальных групп их языки мо-

гут использоваться для различных действий». Седьмая статья гласит: «Нарушение прав граждан из-за языкового знака не допускается в Республике Казахстан. Действия государственного служащего, препятствующие функционированию и изучению государственного и других языков, влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Республики Казахстан» [2]. Другой документ, посвященный регулированию использования языков, – Закон «О языках в Республике Казахстан», который был принят почти сразу после обретения страной независимости, в 1997 г., и ряд других законодательных документов, легли в основу национальной языковой политики независимого Казахстана. Эта законодательная основа повысила статус казахского языка как государственного и русского языка как официального, что не привело к резкому переходу на казахский язык.

Такая политика была продиктована политической и экономической ситуацией, сложившейся в независимой республике.

В целях ускоренной реализации Закона РК о языках были утверждены Государственная программа по функционированию и развитию языков в Республике Казахстан на 2001–2010 гг. и Государственная программа по развитию и функционированию языков в Республике Казахстан на 2011–2020 гг. (рис. 1). В результате реализации последней программы предполагалось достичь следующих ключевых показателей (каждый из которых рассчитан на трехлетний период реализации):

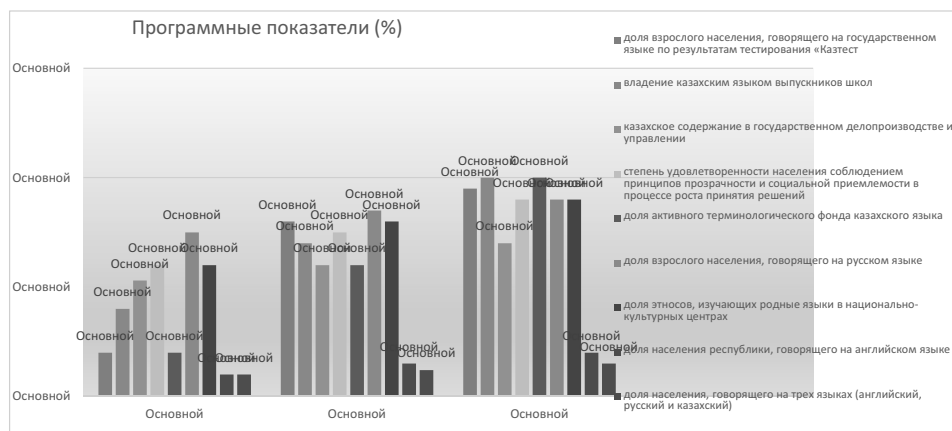

Рис. 1. Предполагаемые показатели Государственной программы по развитию и функционированию языков в Республике Казахстан на 2011–2020 гг.

Однако исследование, проведенное центром Pew на 2017–2018 гг., показало, что на практике были достигнуты следующие результаты.

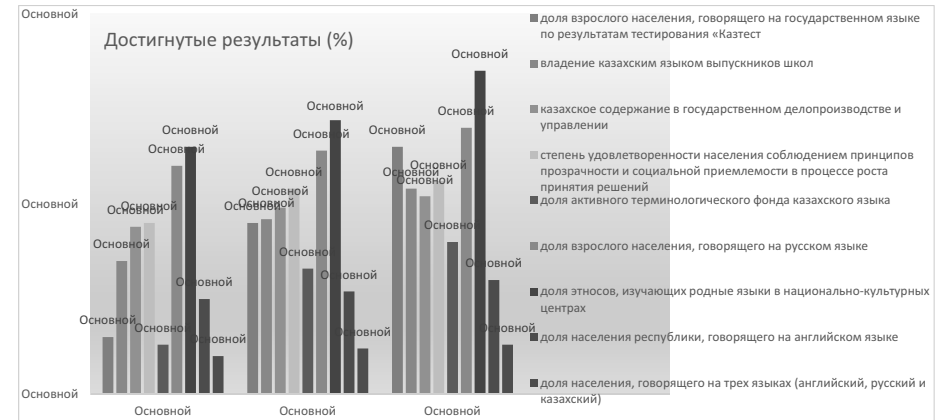

Рис. 2. Реально достигнутые результаты Государственной программы по развитию и функционированию языков в Республике Казахстан на 2011–2020 гг.

Как видно из приведенных на рис. 2 данных, к 2018 г. программные показатели по ключевым позициям были достигнуты лишь наполовину. Произошел незапланированный рост процентного соотношения показателей по изучению этносами родных языков в культурно-образовательных центрах и рост владения английским языком, который, по сути, превысил темп роста владения казахским и русским языками. Это говорит о стремлении молодежи и взрослого населения как можно более соответствовать языковому стандарту международного общения (английский язык), что не соотносится с политикой формирования национальной идентичности с помощью инструментария билингвальности (сохранения практически равнозначных статусов русского и казахского языков). Тем не менее, согласно официальным данным, казахским языком в настоящее время владеют 83,1% казахстанцев [3]. Доля взрослого населения, владеющего тремя языками в 2017 г. (казахским, русским и английским), составила 22,3%. Программный индикатор по доле казахоязычного контента в СМИ республики был достигнут в 2017 г. и составил 72%, причем не только в государственных медиа, но и в отрасли в целом [3].

Переход на латиницу

На протяжении десятилетий в Казахстане шла дискуссия о необходимости перехода на латинский алфавит. Возможность пере-

хода на латиницу обсуждается в Казахстане с момента распада Советского Союза. Практически 10 лет этот вопрос обсуждался в кругу лингвистов и филологов страны, принималось во внимание общественное мнение Казахстана. В октябре 2006 г. Н.А. Назарбаев, выступая на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана, поднял вопрос о важности возобновления дискуссий о переходе на латиницу казахского алфавита. В декабре 2012 г. глава государства представил «Стратегию развития Республики Казахстан до 2050 года», где ставилась задача перехода казахского алфавита на латиницу к 2025 г.

Сторонники латинизации предлагали решить вопрос к 2017 г. Чтобы ускорить процесс, группа филологов в Институте языка имени А. Байтурсынова подготовила проект для латинского графического алфавита, опубликованный в государственной газете «Казахстанская правда». Подчеркивалось, что латинизация будет способствовать интеграции в мировое информационное пространство.

Противники внедрения латинской графики письма утверждали, что это изменение будет препятствовать изучению казахского языка. По их словам, кириллический алфавит, используемый для русского языка, выглядит и звучит более знакомо для казахстанских русскоязычных групп, особенно пожилых, в то время как латинские буквы будут полностью ассоциироваться с иностранным языком [10]. Другие исследователи предупреждали о возможности бюджетного коллапса, подчеркивая огромные финансовые затраты, указывая на неподготовленность системы образования, проблемы общения между старшим и молодым поколениями, проблемы информации и ценностей, «теряющихся при переводе», и политический риск, связанный с проектом в случае его провала [11].

Между тем политическое решение было принято, выработаны план работы и конкретный алгоритм действий. Переход казахского языка на латинскую графику официально начался с 2017 г. Эта мера стала результатом программного поручения, которое дал государственному аппарату Президент страны в своей статье «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» – «Ориентация на будущее: духовное возрождение» [8]. В статье содержится программный тезис о том, что делопроизводство, периодические издания и учебники должны издаваться только на латинице с 2025 г. [7]. С целью достижения данного результата, с 2018 г. в республике началась подготовка кадров для преподавания нового алфавита и подготовки учебников для средних образовательных учебных заведений.

По итогам обсуждения в правительстве страны были представлены три версии нового алфавита: с использованием диграфов, апострофов и акутов (острое ударение или образный штрих над буквой). Общественность страны не одобрила первые две версии, поэтому в итоге Указом Президента 20 февраля 2018 г. была принята новая версия алфавита с акутами. Данное новшество касается только казахского языка. На это неоднократно акцентировали свое внимание как высшие политические деятели, так и члены экспертного сообщества. Однако часть населения страны считала, что переход на новый алфавит представляет собой угрозу русскому языку.

Чтобы развеять такого рода опасения, Президент страны Н. Назарбаев в своем выступлении 22 августа 2017 г. заверил граждан, что никакого риска для русского языка принятие нового алфавита не несет: «Переход на латиницу не означает отказа от русского языка, от кириллицы. Латиница будет касаться, прежде всего, казахского языка. Все издания, выходящие на русском языке, так и будут выходить, то есть русскоговорящим гражданам Казахстана кириллица остается» [7].

Мировой опыт перехода на латиницу

Мировой опыт убедительно показывает, что выбор графики языка не влияет на внешнеполитические предпочтения государств. К примеру, кириллица в Украине не обеспечила интеграцию страны в европейские проекты и сближение с Россией. Армения, где используется совсем другая письменность, продолжает оставаться ключевым военно-политическим союзником РФ на Южном Кавказе. На постсоветском пространстве имеются другие примеры перехода к латинице, которые не привели к кардинальному внешнеполитическому развороту. Переход на латиницу не привел Узбекистан к протурецкой внешней политике. Ташкент придерживается взвешенной внешней политики и даже не является участником Совета Сотрудничества Тюркских государств.

Сама Турция, осуществившая переход к латинице в 1928–1930-х гг., остается частью исламского мира и до сих пор не интегрирована в «европейскую семью».

Лингвисты сходятся во мнении, что с переводом на латиницу казахский язык станет учить намного легче. Латиница позволит оптимизировать и разгрузить алфавит. Переход на латиницу позволит сохранить как самобытность языка, его звуковой строй, так и возродить иммунитетный механизм адаптации иноязычных слов, в частности, брать ино-

странные слова с оригинала и сразу адаптировать их к артикуляции казахского произношения. Лингвисты также отмечают, что латиница запустит процесс развития и обновления самого казахского языка.

Заключение

Из всех тюркоязычных постсоветских стран Казахстан одним из последних переходит на латиницу. Туркменистан перешел на латиницу почти сразу после провозглашения независимости в 1991 г., Узбекистан – в 1993 г., в Азербайджане завершили переход в 2001 г.

Латиница рассматривается как «ключ» к новым возможностям в освоении современных технологий и новшеств. Это связано с процессами экономической модернизации в Казахстане, в образовательной и научной сфере, которые происходят в XXI веке. Латинская графика доминирует в коммуникационном пространстве. Не зря говорят, что язык – это судьба народа. Смена кириллицы на латиницу – это требование времени и настоящая необходимость.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан № 151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 24.05.2018) – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 HYPERLINK; https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 (дата обращения: 21.12.2001).
2. Закон Республики Казахстан № 151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 24.05.2018) – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 (дата обращения: 21.12.2001).
3. ИнформБюро. По словам министра культуры и спорта Арыстанбека Мухамедиулы, ведомство которого отвечает за сферу языков, казахским владеют 83,1% казахстанцев. – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/83-kazahstancev-vladeyut-gosudarstvennym-yazykom-soobshchil-muhamediyuly.html> (дата обращения: 27.03.2018).
4. Козулин В.Н. Проблемы национальной и региональной идентичности: Алтайская школа политических исследований. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-natsionalnoy-i-regionalnoy-identichnosti-altayskaya-shkola-politicheskikh-issledovaniy>. (politbook-2014–1) (дата обращения: 08.01.2014).
5. Колбачаева Ж.Е. Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях // Проблемы постсоветского пространства. – Режим доступа: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/148> (дата обращения: 5.01.2018).
6. Конституция Республики Казахстан / Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitutio (дата обращения: 21.12.2001).
7. Назарбаев Н.: Переход на латиницу не означает отказ от русского языка. – Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/social/item/192595-perekhod-na-latinitsu-ne-oznachaet-otkaz-ot-russkogo-yazyka-n-nazarbaev> (дата обращения: 22.08.2017).
8. Президент Республики Казахстан «Ориентация на будущее: духовное возрождение» // Официальный сайт. 12 апр. 2017 г. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy (дата обращения: 12.04.2017).

9. Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism. New York: Oxford University Press // International Journal of Humanities and Social Sciences. – Vol. 7, No. 6. – 2018. – P. 34.
10. Weeks J. The Value of Difference. In Identity: Community, Culture, Difference / ed. Jonathan Rurhettford. – L.: Lawrance & Wishart, 2016.
11. World Population Review. Kazakhstan Population 2018. – Access mode: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (date of treatment: 17.02.2019).

Качалова Александра Владимировна,

кандидат политических наук,
Министерство иностранных дел Российской Федерации,
Москва.
E-mail: kachalova@yahoo.com

Alexandra V. Kachalova

PhD in Political Science,
Foreign Ministry of the Russian Federation,
Moscow.
E-mail: kachalova@yahoo.com

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕГОВОРОВ ПО КОНВЕНЦИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

MAIN PHASES OF NEGOTIATIONS ON CONVENTION ON THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA

Аннотация: анализ истории более чем двадцатилетних переговоров по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря позволяет выделить три основных этапа этого процесса. На первом этапе прикаспийские государства демонстрировали разнящиеся подходы к ключевым аспектам формируемого международно-правового режима водоема, предъявляя односторонние, нередко завышенные требования к проекту Конвенции. Впоследствии им удалось выйти на консолидированные позиции благодаря постепенному осознанию общности большинства проблем на Каспии и необходимости совместного поиска их решения, а также накопленному опыту успешного практического взаимодействия. На заключительном этапе стороны, преодолев многие «фобии», достигли нового уровня взаимопонимания и доверия, что позволило выработать наиболее жизнеспособную модель регулирования. Длительность («количественно») переговоров перешла в качество сотрудничества.

Ключевые слова: Каспийское море, Россия, прикаспийские государства, каспийский саммит, Конвенция, правовой статус, переговоры.

Abstract: analysis of more than twenty years long negotiations on Convention on the Legal Status of the Caspian Sea leads to distinguishing three main periods in this process. During the first stage the Caspian littoral states demonstrated quite different approaches to the key issues of the international legal status of the sea being formed, insisting on unilateral, often too high demands to the draft Convention. Later they managed to come to common grounds due to an accumulated experience of successful practical interaction as well as to a gradual realization that most of the problems in the Caspian were of a common nature and therefore joint efforts were needed in order to solve them. At the last phase sides having got over their many "phobias" reached a new level of mutual understanding and trust that allowed a most viable model of regulation to be worked out. Duration (quantity) of negotiations turned into quality of cooperation.

Key words: Caspian Sea, Russia, Caspian littoral States, Caspian Summit, Convention, legal status, negotiations.

Введение

Почти год назад, 12 августа 2018 г., президентами Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана в казахстанском горо-

де Актау на берегу Каспия был подписан базовый пятисторонний договор – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Документ, выработанный на основе консенсуса и взаимного учета интересов всех прибрежных стран, создал отвечающий современным требованиям и нацеленный на дальнейшую интенсификацию всестороннего взаимодействия режим общего водоема.

Длившиеся более двадцати лет переговоры по Конвенции условно можно разделить на три этапа. Первая фаза началась в середине 1990-х годов и содержательно сводилась к формулированию национальных, зачастую кардинально разнящихся подходов к новому международно-правовому регулированию на Каспии в резко изменившихся геополитических и экономических условиях. В тот период преобладали дву- и трехсторонние договоренности прикаспийских государств, преимущественно по наиболее насущной проблеме – разграничению юрисдикции в отношении каспийских минеральных ресурсов.

На следующем этапе – с 2002 по 2014 г. – устоялась система пятисторонних контактов на всех уровнях, сформировалась объединяющая повестка дня, были выработаны первые общие документы в тех областях, где требовались оперативные решения: экология, безопасность, защита биоресурсов, чрезвычайное реагирование, метеорология и т.д.

Третий этап – с 2014 по 2018 г. – характеризуется наиболее позитивным климатом в диалоге пяти стран, заметной интенсификацией политических связей, развитием практического сотрудничества, образованием разветвленной сети платформ взаимодействия. С принятием Конвенции уместно говорить о формировании многоуровневого регионального механизма «Каспийской пятерки», новой главе в отношениях прикаспийских государств.

Старт

Начальный период истории переговоров оправданно отсчитывать от момента учреждения в 1996 г. Специальной рабочей группы (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств. Хотя первые консультации юристов пяти стран по вопросу о новом статусе Каспия начались ранее, регулярный характер, а главное – четкое целеполагание эта работа приобрела после создания СРГ в соответствии с Заявлением министров иностранных дел пяти стран. Отныне заседания группы проводились на регулярной

основе поочередно в каждой из пяти стран (всего состоялось почти 60 заседаний: 52 очередных и ряд «непронумерованных»).

В ходе данной фазы переговоров сторонами были подготовлены и внесены на обсуждение проекты Конвенции, заметно разнившиеся по содержанию и структуре. Каждая из пяти стран представила партнерам свое видение международно-правового режима Каспия с акцентом на принципы разграничения дна и водной толщи. В условиях фактического начала планов активной разработки каспийских нефтегазовых месторождений прибрежные государства сфокусировались именно на этом аспекте юридических споров, пытаясь зафиксировать в пятистороннем формате универсальные правила «раздела» водоема [12].

Довольно скоро стало ясно, что стороны занимают порой противоположные позиции и готовности проявить гибкость или пойти на уступки не проявляют. Если Азербайджан, Казахстан и Туркменистан стремились к максимальной автономизации своих участков на Каспии (во многом для привлечения иностранных инвестиций в энергетические проекты), то Иран, наоборот, предлагал руководствоваться принципом кондоминиума, то есть разведывать и разрабатывать минеральные и иные ресурсы моря «вскладчину» (и тем самым ограничить влияние внешних игроков в регионе). Россия понимала необходимость четкого определения принадлежности минеральных ресурсов, но противилась разграничению водных пространств и биологических ресурсов, поскольку исторически данная акватория имела совершенно особый статус, не похожий на статус открытых морей [6]. Москва пыталась сохранить сложившиеся режимы свободы судоходства для прибрежных государств и рыболовства при соблюдении выработанных совместно общих правил добычи биоресурсов, а также выработать «закрытый» для некаспийских стран статус Каспия. Кратко этот подход определялся так: «Дно делим, вода – общая».

Первые же раунды переговоров показали, что шансы на быстрое пятистороннее урегулирование наиболее острого вопроса о собственности на углеводороды практически равны нулю [12]. В этих условиях был избран иной путь. Фактически проекты Конвенции были отложены «в сторону», началась работа в дву- и трехстороннем формате над узкоспециализированными соглашениями – о разграничении участков дна и недр.

К концу первого этапа в 2002–2003 гг. в Северном Каспии удалось провести разграничение дна и недр на участки (секторы) по принципу модифицированной срединной линии. Россия, Азербайджан

и Казахстан по соглашениям 1998–2003 гг. достигли полного взаимопонимания о принадлежности месторождений, линий делимитации и соответствующей точке их стыка. В то же время в Среднем и Южном Каспии переговоры шли куда более сложно и успехом не увенчались.

23–24 апреля 2002 г. в Ашхабаде состоялся Первый каспийский саммит. Впервые обмен мнениями по вопросам юридического статуса и общей ситуации на Каспии прошел на высшем уровне. Президентами были приняты принципиально важные политические решения: о возвращении к работе над пятисторонней Конвенцией, а также о регулярном проведении встреч лидеров для обзора каспийского досье. Подвижек в согласовании конкретных параметров нового правового статуса моря достичь на тот момент не удалось [12, с. 214].

Набор скорости

В период между 2002 и 2014 гг. прикаспийские страны с разной степенью интенсивности продолжали переговоры как по проекту Конвенции и другим пятисторонним документам, так и двустороннюю работу по спорным моментам каспийской повестки дня. Выделим наиболее значимые события на том этапе.

12 августа 2003 г. прикаспийские страны подписали Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря – первый общий для пяти стран документ. Начата работа над протоколами к этой конвенции, наполняющими ее конкретным природоохранным содержанием, часть из которых была согласована и принята в 2011–2014 гг.

16 октября 2007 г. в Тегеране состоялся Второй каспийский саммит, увенчавшийся подписанием развернутой Декларации президентов. Первый совместный политический документ закрепил на высшем уровне решимость прикаспийских государств разработать Конвенцию, решать все вопросы на Каспии исключительно мирными средствами, поддерживать постоянный политический диалог, развивать экономическое сотрудничество и стал своего рода кодексом поведения на Каспии на годы вплоть до принятия Конвенции [9]. Особую значимость имели положения Декларации о запрете плавания по Каспию судов под флагами некаспийских стран, а также о недопустимости использования территорий прикаспийских стран другими государствами против любой из них.

По решению президентов в октябре 2008 г. в Астрахани состоялась Межправительственная экономическая конференция прикаспийских государств. Также в этот период была начата разработка

пятистороннего Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море.

Указанное юридически обязывающее Соглашение, а также политическое Совместное заявление были приняты лидерами каспийских стран на их встрече в Баку 18 ноября 2010 г. Третий саммит увенчался принятием Протокольного решения глав государств, которое вкрупне с заявлением наконец-то обозначило контуры будущего разграничения каспийской акватории и ее режима: у побережья появляются зоны под национальным суверенитетом и примыкающие к ним рыболовные зоны, не превышающие вместе по ширине 25 морских миль (по советско-иранским договорам 1921 и 1940 гг. существовал только пояс шириной 10 морских миль, где прибрежное государство обладало эксклюзивными правами на рыбный промысел). Пять стран согласуют документ о правилах рыболовства и изучат вопрос о введении коллективного моратория на вылов осетровых видов рыб в море [12, с. 216].

29 сентября 2014 г. по инициативе России в Астрахани был созван Четвертый саммит, ставший одним из наиболее результативных. В порядке подготовки встреч лидеров также прошли Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств (СМИД) 22 апреля в Москве и 28 сентября в Астрахани.

К этому моменту СРГ удалось сформировать общую структуру будущей Конвенции и условиться о тематических разделах консолидированного проекта: дно, водное пространство, судоходство, военное мореплавание, рыболовство, защита окружающей среды, морские научные исследования. В то же время не удавалось найти ответ на наиболее спорный вопрос: каким образом определить «универсальный» метод разграничения дна и недр и насколько он повлияет на делимитацию водных пространств.

Часть участников стремилась записать в проект Конвенции выгодный для себя принцип раздела дна как безальтернативный. Вместе с тем Россия – на тот момент единственное из прикаспийских государств с четко определенными границами донного сектора – проводила мысль об отсутствии необходимости фиксировать в Конвенции «единственно верный» метод, поскольку в Северном Каспии заинтересованными сторонами были согласованы конкретные точки прохождения границы участков дна в зависимости не только от общепринятых в международном праве принципов (например, срединной линии), но и от целого ряда «субъективных» факторов: расположения месторождений, стремления к их совместному или раздельному ос-

воению и др. То есть каждое из четырех соглашений 1998–2003 гг. между Азербайджаном, Казахстаном и Россией (три двусторонних и одно трехстороннее) являлось уникальным, содержало перечень конкретных координат. Исходя из этого российская сторона призвала взять за образец данный способ при будущем урегулировании в южной части моря [13]. Это позволило бы избежать превращения Конвенции в заложницу длительных двусторонних переговоров о принадлежности спорных месторождений.

В ходе московского и астраханского СМИД удалось подготовить к саммиту солидный пакет итоговых документов: три отраслевых межправительственных соглашения (о сотрудничестве в сферах сохранения и рационального использования биоресурсов, гидрометеорологии, предупреждения чрезвычайных ситуаций), Коммюнике с анализом достигнутого «пятеркой» и задачами на перспективу, а также главное – Заявление президентов.

Этот компактный документ включил в себя принципы деятельности прибрежных стран на Каспии, некоторые из них могли бы показаться стороннему наблюдателю самоочевидными, другие же, наоборот, до непонятности специфическими. В то же время по сути Заявление стало «каркасом» Конвенции, почти дословно войдя впоследствии в ее Преамбулу и Статью 3, а также получив раскрытие в других статьях [13].

Главам пяти государств удалось найти оптимальную, приемлемую для всех формулу урегулирования спорных вопросов на Каспии [7]. В основу этой формулы легло понимание необходимости «отстыковать» друг от друга две делимитации: водных пространств и дна. По водной толще было решено вырабатывать единую для всех методику установления прибрежных зон под суверенитетом шириной 15 морских миль и следующих за ними 10-мильных рыболовных зон, за пределами которых должно располагаться общее водное пространство (в развитие бакинской договоренности). По дну и недрам соответствующим сопредельным и противолежащим государствам предписывалось достичь отдельных соглашений на основе норм и принципов международного права [9]. При этом было четко обозначено, что методика делимитации водных пространств не повлияет на разграничение дна и ни в коей мере не предопределит исхода соответствующих переговоров.

Показательным является подписание практически сразу после Астраханского саммита – в декабре 2014 г. – двустороннего соглашения о делимитации участков дна и недр между Казахстаном и Туркме-

нистаном, после чего разграниченной оказалась половина каспийского дна. Тем самым к 2014 г. была подтверждена не только жизнеспособность «северной» модели ресурсной делимитации, но и ее оптимальность как с экономической, так и с политической точек зрения [5].

Благодаря прояснению концептуальных вопросов удалось обрисовать контуры других разделов Конвенции. Были согласованы ключевые политические и военно-политические принципы: военное присутствие на Каспии допускается только прибрежным государствам; военное строительство осуществляется в рамках стабильного баланса вооружений в пределах разумной достаточности без нанесения ущерба безопасности друг друга; предусматриваются согласованные меры доверия в духе предсказуемости и транспарентности. Четко обозначена исключительная компетенция пяти стран в решении всех ключевых вопросов каспийской повестки дня. Сформулированы общие подходы к вопросам судоходства, транзита к Мировому океану, рыболовства, научных исследований, охраны окружающей среды [10].

В ходе Астраханского саммита президентами пяти стран был отмечен значительный потенциал углубления экономического взаимодействия на Каспии. На высшем уровне прозвучал призыв к наращиванию производственной кооперации, транзитных возможностей, инвестиционной привлекательности региона. Высказаны идеи о формировании в районе Каспийского моря зоны свободной торговли. Президент Туркменистана Г.М. Бердымухамедов внес предложение о создании на Каспии постоянно действующих экономического форума и логистического центра, а также о разработке соответствующих межправительственных соглашений [12, с. 217].

Знаковым стало твердое решение президентов о скорейшем завершении работы над Конвенцией к следующему – Пятому каспийскому саммиту, который Президент Казахстана Н.А. Назарбаев предложил провести в его стране.

Новое качество отношений

Подготовка к очередной встрече лидеров началась на Совещании министров иностранных дел в Астане 12–13 июля 2016 г. Пять министров постатейно обсудили проект Конвенции, одобрив большинство его положений. Вместе с тем, несмотря на ожидания и прогнозы, высказывавшиеся в прессе, выйти на окончательный консолидированный текст на тот момент не удалось. Стороны взяли паузу для «домашней» проработки обозначенных в ходе Совещания возможных компромиссных схем [3].

Следующий СМВД прошел 4–5 декабря 2017 г. в Москве, и на этот раз текст Конвенции был согласован, путь к саммиту – открыт. Однако окончательное утверждение проекта Конвенции могло состояться в каждом из государств только на высшем уровне, а для этого требовалось пройти все принятые в таких случаях внутригосударственные процедуры и обосновать в своих столицах достигнутые компромиссные договоренности с партнерами: за ними стояла здравая, «от жизни» оценка реальной ситуации как на самом Каспии, так и вокруг него, потребность закрепить юридически тот статус, который фактически сложился в водоеме в постсоветский период [4].

Что касается «сложных» тем, то развязки по ним стали возможными исключительно благодаря учету принципиально важных национальных интересов каждого из участников переговоров и шагов навстречу друг другу на условиях взаимности. Каспийское море могло получить только особый, не применяемый в других морях правовой статус в силу набора специфических характеристик. Оно представляет собой внутриконтинентальный водоем, который не имеет прямой связи с Мировым океаном и поэтому не может рассматриваться в качестве моря. Но одновременно в силу своих размеров, состава воды и особенностей дна Каспий не может считаться и озером [7].

Ширина территориальных вод составляет здесь не 12, а 15 морских миль. Внутренние воды появляются, если для отсчета этой ширины приходится использовать прямую исходную линию, то есть в большинстве случаев 15 миль откладываются от берега; но в отдельных местах, где форма побережья этого не позволяет, линия спрямляется, и на воды, расположенные от нее в сторону берега, распространяется режим внутренних вод. В то же время в дефиниции «прямой исходной линии» указывается, что детальные технические инструкции по построению таких линий стороны пропишут в дополнительном пятистороннем соглашении и при этом будет учитываться «невыгодная» конфигурация побережья отдельных стран [9]. Фактически это означает, что за основу взят общепринятый метод из морского права, однако вновь с творческой адаптацией к специфическим условиям Каспия – с учетом особых отношений договаривающихся стран и необходимости «наделения» внутренними водами даже тех, у кого при стандартном подходе они едва ли появились бы.

Существенным элементом системы мер доверия в военной области стало подписанное в Актау Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море, разработанное в соответствии с выдвинутой в Астрахани инициативой В.В. Путина. «В пакете» с большой

Конвенцией эти документы формируют систему взаимных обязательств и прав сторон в отношении поведения военных кораблей в акватории и самолетов в воздушном пространстве над Каспием.

К моменту, когда Конвенция была почти готова, резонно возник вопрос о «расформировании» СРГ в связи с завершением ее миссии. Однако стороны пришли к пониманию необходимости сохранения постоянно действующей площадки, которая в дальнейшем обеспечила бы обзор выполнения Конвенции, мониторинг каспийского сотрудничества на различных треках в интересах его наращивания и совершенствования. Группа на деле доказала свою эффективность и оптимальность в каспийских реалиях: мобильная, гибкая, небюрократическая структура, отвечающая современным требованиям динамично развивающихся отношений. Из узкоспециализированных экспертных консультаций за годы переговоров она переросла свой первоначальный мандат и трансформировалась в полноценную платформу для обсуждения всего комплекса вопросов каспийской повестки дня.

В Коммюнике Пятого каспийского саммита содержится решение президентов об учреждении под эгидой МИД пяти стран нового пятистороннего механизма – межгосударственной Рабочей группы высокого уровня по вопросам Каспийского моря. Не дожидаясь формального вступления Конвенции в силу, группа собралась на первое заседание в феврале 2019 г. в Баку. Назначены полномочные представители пяти стран в новой структуре, согласованы план ее работы и Правила процедуры. Второе заседание состоялось в апреле в Нур-Султане. К компетенции этой переговорной площадки в соответствии с утвержденным регламентом относится обзор реализации решений, принятых на высшем и высоком уровнях, выработка рекомендаций по ключевым вопросам взаимодействия на Каспии, подготовка предложений для рассмотрения на саммитах и совещаниях министров иностранных дел, разработка документов договорного и иного характера.

По итогам Пятого каспийского саммита С.В. Лавровым было подчеркнуто: «Теперь у нас есть абсолютно универсальный базис для рассмотрения любых вопросов сотрудничества на Каспии. До недавнего времени у нас были договоренности в сфере охраны биоресурсов, безопасности и в ряде других областей, но достаточно сказать, что в Актау было подписано семь международно-правовых документов. За весь период проведения каспийских саммитов с 2002 г. было подписано девять документов, четыре саммита – девять документов,

один саммит – семь документов. Причем это не только количественный результат, но и реально качественный» [8].

За прошедший без малого год после Актауского саммита в прикаспийских странах проделана значительная работа по реализации его решений. Основное внимание было сфокусировано на внутригосударственных процедурах, необходимых для вступления Конвенции в силу. Туркменистан первым в «пятерке» прошел все формальности, за ним последовали Казахстан и Азербайджан. Россия и Иран планомерно продвигаются к завершению юридических процедур.

В повестке дня на текущем этапе также вопросы безопасности мореплавания, научных исследований, совместной борьбы с нарко-трафиком, туристические проекты.

По предложению туркменской стороны ведется подготовка на базе крупного туристического кластера «Аваза» (Туркменбаши) первого Каспийского экономического форума с участием министров экономики пяти стран, представителей бизнеса, промышленности, энергетики, туристической отрасли. В ближайшей перспективе должна состояться очередная встреча министров транспорта.

В соответствии с решением межправительственной Комиссии по сохранению и рациональному использованию водных биологических ресурсов Каспийского моря и управлению их совместными запасами в Баку в ноябре 2018 г. временно запрещен коммерческий лов осетровых видов рыб, то есть на добровольной основе утверждена «нулевая квота» на его добычу [2]. В Ашхабаде тогда же состоялось обсуждение проекта Протокола о сотрудничестве в области борьбы с незаконной добычей биологических ресурсов (браконьерством) [11].

В апреле в Астрахани проведена встреча представителей оборонных ведомств пяти стран, обсужден порядок реализации Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспии, развития сотрудничества по военной линии [1].

Таким образом открыта новая глава в отношениях каспийских стран. Приняв Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, они продемонстрировали сплоченность, настрой на создание благоприятных условий для устойчивого развития и сохранения стабильности в регионе, углубления взаимовыгодного экономического сотрудничества путем комплексного урегулирования территориальных и ресурсных вопросов, устранения потенциальных разногласий. Практические шаги по претворению этих планов в жизнь свидетельствуют о хороших перспективах данного регионального формата взаимодействия.

Список литературы

1. В Астрахани прошла первая встреча представителей оборонных ведомств прикаспийских стран // ТАСС. – 24.04.2019. – Режим доступа: <http://tass.ru/armiya-i-ork/6368771> (дата обращения: 06.05.2019).
2. В Баку обсудили вопросы сохранения и рационального использования запасов Каспийского моря. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/v-baku-obsudili-voprosy-sohraneniya-i-ratsionalnogo-ispolzovaniya-zapasov-kaspijskogo-morya/> (дата обращения: 06.05.2019).
3. Выступление министра иностранных дел Республики Казахстан Е.А. Идрисова перед СМИ по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств (Астана, 13 июля 2016 г.). – Режим доступа: http://kazakh-tv.kz/ru/view/news_kazakhstan/page_166160_ (дата обращения: 06.05.2019).
4. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств (Москва, 5 декабря 2017 г.). – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/problematika-bassejna-kaspijskogo-mora/-/asset_publisher/FXOKRdXqTkSJ/content/id/2978643 (дата обращения: 06.05.2019).
5. Жильцов С.С. «Маршруты экспортных трубопроводов определит экология. Подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» // Независимая газета. – 2019. – № 191.
6. Зонн И.С. Триста лет на Каспии. Хронология основных исторических событий XVIII–XX веков. – М.: Эдель-М, 2001. – 96 с.
7. Интервью заместителя министра иностранных дел Г.Б. Карасина. «Абсолютное большинство положений будущей Конвенции уже согласовано» // Коммерсант. – 2017. – № 85.
8. Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телерадиокомплексу Президента Республики Казахстан для фильма «Актауский саммит: каспийская развязка». Актау, 12 августа 2018 г. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kz/-/asset_publisher/44tjMzWwjAFr/content/id/3319029 (дата обращения: 06.05.2019).
9. Каспий: Международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 279–283.
10. Микерин Д.В. Каспийский узел. Миссия выполнима // Международная жизнь. – 2015. – № 11. – С. 43–55.
11. Прикаспийские страны обсудили в Ашхабаде проблемы браконьерства. – Режим доступа: <https://www.trend.az/casia/turkmenistan/2971458.html> (дата обращения: 06.05.2019).
12. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // Проблемы постсоветского пространства. – Том 3. – 2017. – № 4. – С. 210–220.
13. «Это не результат выкручивания рук»: интервью посла по особым поручениям МИД России И.Б. Братчикова (руководителя российской делегации на переговорах по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря) // Коммерсант. – 2018. – № 167.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Гришаева Лидия Евгеньевна,

доктор исторических наук,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: felixg@netbynet.ru

Lidiya E. Grishaeva,

DSc (History),
Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.
E-mail: felixg@netbynet.ru

КАК ЧЕРЧИЛЛЬ ВОЕВАЛ С РОССИЕЙ. ПРОВАЛ ИНТЕРВЕНЦИИ

HOW CHURCHILL FOUGHT WITH RUSSIA. FAILED INTERVENTION

Аннотация: в статье показано двойственное отношение к личности и трудам видного государственного и политического деятеля Уинстона Черчилля в нашей стране. В советское время работы Черчилля практически не издавались, а читатели узнавали о них в основном из официальных газетных публикаций, содержавших тенденциозный подбор цитат и адаптированный пересказ его суждений, отражавших не столько их суть, сколько уровень представлений советских государственных и партийных деятелей о мировых процессах. Вместе с тем взгляды Черчилля на мировую политику, Первую мировую войну, Версальскую систему, его суждения о гражданской войне и иностранной интервенции в Советской России, о мировых процессах, происходивших в межвоенный период и приведших ко Второй мировой войне, актуальны и сто лет спустя и представляют важность для понимания сути переломных сдвигов в мировой истории.

Ключевые слова: Черчилль, Первая мировая война, Антанта, Версальская система, гражданская война, иностранная интервенция.

Abstract: the article shows the ambivalence towards the personality and the works of a prominent statesman and politician Winston Churchill in our country. In Soviet times, Churchill's work was practically not published, and readers learned about them, mainly from official newspaper publications, which contained a tendentious selection of quotes and an adapted retelling of his judgments, reflecting not so much their essence, as the level of ideas of the Soviet state and party figures about world processes. At the same time, Churchill's views on world politics, the First World War, the Versailles system, his judgments about civil war and foreign intervention in Soviet Russia, about world processes that took place during the interwar period, and which led to World War II, are relevant a hundred years later, and are important for understanding the essence of crucial changes in world history.

Key words: Churchill, World War I, Entente, Versailles system, civil war, foreign intervention.

*Veritas nihil veretur nisi abscondi.
Истина не боится ничего, кроме сокрытия.*

Труды видного государственного и политического деятеля Уинстона Черчилля «Мировой кризис» [21], «Как я воевал с Россией» [20], его фундаментальный труд «Вторая мировая война» [18], за который в 1953 г. он получил Нобелевскую премию по литературе за «высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности» [16], и другие в советское время, за редким исключением, практически не издавались. Читатели узнавали о них в основном из официальных газетных публикаций, содержащих тенденциозный подбор цитат и адаптированный пересказ некоторых суждений Черчилля, отражавших не столько их суть, сколько уровень представлений советских государственных и партийных деятелей о мировых процессах. Вместе с тем взгляды Черчилля на мировую политику, Первую мировую войну, Версальскую систему, его суждения о гражданской войне и иностранной интервенции в Советской России, о процессах, происходивших в межвоенный период и приведших ко Второй мировой войне, актуальны и сто лет спустя и представляют важность для понимания сути переломных драматических сдвигов в мировой истории.

Россия: Антанта и Первая мировая война

Само участие России в Первой мировой войне, тем более на стороне Антанты, сыграло пагубную роль в судьбе государства. Образование Антанты связано с резким расхождением внешнеполитических интересов великих держав в конце XIX – начале XX веков, вызванным новым соотношением сил на мировой арене и обострением противоречий между Германией, Австро-Венгрией, Италией, с одной стороны, и Францией, Великобританией и Россией – с другой. Создание Антанты завершило размежевание великих держав накануне Первой мировой войны, стало реакцией на создание Тройственного союза и усиление Германии, попыткой не допустить гегемонии Германии на континенте первоначально со стороны Франции, Великобритании, а затем и России. Франция изначально занимала антигерманскую позицию, а Великобритания перед лицом угрозы германской гегемонии вынуждена была отойти от традиционной «островной» политики «изоляции» и перейти к политике «блокирования» против самой сильной державы континента – Гер-

мании. Особенно важными стимулами к такому выбору Великобритании являлись германская военно-морская программа и колониальные притязания Германии. В Германии, в свою очередь, такой поворот событий был объявлен «окружением» и послужил поводом для новых военных приготовлений, определяемых самой страной как сугубо оборонительные.

Образование Германской Империи внесло коренные изменения в международную обстановку, в первую очередь – в Европе, и в мире в целом. Резкое обострение англо-германского соперничества, вызванное колониальной и торговой экспансией Германии в Африке, на Ближнем Востоке и в других регионах мира, гонкой морских вооружений, побудило Великобританию искать союза с Францией, а затем и с Россией.

Образование Антанты несколько смягчило противоречия между ее участниками, но не устранило их совсем. Эти разногласия не раз обнаруживались в дальнейшем. Германия пользовалась этим, пытаясь оторвать Россию от Антанты, вернее преследуя цель разобщить этот военно-политический блок. Однако стратегические расчеты и захватнические планы Германии обрекли эти попытки на провал.

Противоречивость итогов вступления России в Антанту

В области международных отношений со вступлением России в Антанту была опрокинута система межгосударственных альянсов в Европе, игравшей центральную роль в мировой политике, и, таким образом, перевернута и разрушена стабильность на европейском континенте.

Расклад сил был таков, что традиционно для России Англия являлась врагом, а Германия – условным «союзником» (как считал Бисмарк) [4].

Россия и Великобритания были соперниками и практически открытыми врагами еще с 1830-х гг., и особенно со времен Крымской войны (1853–1856 гг.). Они соперничали из-за Балкан, Среднего Востока, Азии, Северо-Западной Европы и т.д. Но ситуация начала меняться в 1890-е гг. на почве того, что Британская империя сталкивается с новыми вызовами со стороны прежде всего Германии, но и России тоже.

Неуклонно обострялось соперничество Британии с Россией и с Францией, поэтому в Англии пришли к выводу, что британский флот должен быть сильнее, чем объединенный флот двух других ведущих морских держав – Франции и России. В результате британская

политика была направлена против потенциального русско-французского союза.

Первая мировая война: роль Англии в развязывании войны

В начале XX века в континентальной Европе существовало две крупные державы: Германия и Россия. Открыто воевать друг против друга они не хотели, поскольку силы были примерно равны. Поэтому в «июльском кризисе» 1914 г., приведшем к войне, обе стороны заняли выжидательную позицию. На передний же план вышла английская дипломатия, и ее двойственная роль очевидна. С одной стороны, она донесла до Германии позицию – в случае войны Англия сохранит нейтралитет или займет сторону Германии. С другой стороны, по дипломатическим каналам российскому императору Николаю II доносилась обратная мысль о том, что в случае начала войны Англия встанет на сторону России. Совершенно очевидно, что Англия хотела повергнуть своего главного соперника – Германию – с помощью России, а самой по-прежнему придерживаться политики «изоляционизма» и ожидать исхода войны со стороны, примкнув потом к победителю в наиболее благоприятный момент.

Возможно, одного открытого заявления Англии о том, что она не допустит войны в Европе, было бы достаточно, чтобы ни Германия, ни Россия ни о чем подобном и не помышляли. Естественно, что в таких условиях и Австро-Венгрия не решилась бы нападать на Сербию. Но Англия своей двуличной подстрекательской дипломатией провоцировала и подталкивала европейские страны к войне. Вместе с тем подобные, даже публично высказанные предостережения не смогли бы разрешить серьезные противоречия, объективно ведущие к войне. Очевидно, что во взаимоотношениях между странами возобладали военные, а не политические методы урегулирования мировых проблем.

Главная причина Первой мировой войны заключалась в стремлении ведущих держав, прежде всего Великобритании и Франции, а также Австро-Венгрии и Германии, к переделу мира. Колониальная система к началу XX века неуклонно начала разрушаться. Если раньше ведущие европейские страны беспрепятственно эксплуатировали ресурсы колоний, то теперь их приходилось отвоевывать друг у друга в условиях острой конкуренции. Поэтому и нарастали противоречия:

- между Англией и Германией. Англия стремилась не допустить усиления влияния Германии на Балканах. Германия старалась укрепиться на Балканах и Ближнем Востоке, а также пыталась подорвать морское господство Англии;

- между Германией и Францией. Франция ставила своей целью вернуть земли Эльзас и Лотарингию, которые она потеряла в войне 1870–1871 гг. Также Франция хотела захватить немецкий Саарский угольный бассейн;

- между Германией и Россией. Германия пыталась отнять у России Польшу, Украину и Прибалтику;

- между Россией и Австро-Венгрией. Противоречия возникали из-за стремления обеих стран оказывать влияния на Балканы, а также желания России подчинить себе проливы Босфор и Дарданеллы.

Великобритания понимала, что надо выстраивать новые приоритеты в своей внешней политике. И в 1890-е гг. у нее появилась идея достижения соглашения с Россией, что являлось попыткой внести раздор в российско-германские отношения и тем самым ослабить своего главного соперника на континенте – Германию. Вместе с тем слишком сильного ослабления Германии Великобритания не хотела, поскольку, по ее мнению, в этом случае в континентальной Европе стала бы преобладать Франция. Таким образом, Англия в своей сложной политической игре за передел мира, и, в первую очередь, за сохранение своего колониального господства, рассматривала Россию как противовес одновременно и Германии, и Франции.

В свете растущей мощи Германии в Англии пришли к заключению, что необходимо начать налаживание отношений с Россией и прийти с ней к согласию, например, по вопросам Ближнего Востока, Османской империи, способствовать тому, чтобы Россия договорилась с Японией, а самое главное – усилить экономическую экспансию через незамерзающие русские порты на Северо-Западе Европы и т.д. Очевидно, что морские перевозки обладают рядом преимуществ перед другими видами перевозок, благодаря которым спрос на них постоянно увеличивается. Доля морских перевозок России в портах Северо-Западного бассейна составляла значительную часть их общего объема. Однако в то время российские порты Северо-Западного бассейна просто не смогли бы самостоятельно продолжать наращивать свои собственные мощности из-за отсутствия соответствующих технологий, а с большой долей вероятности могли попасть под прямое управление Британии, которая последовательно стремилась к расширению колониальной экспансии и установлению британского контроля над всеми российскими ресурсными мощностями и транспортными грузами.

Северо-Западная часть России единственно непосредственно граничит с развитыми странами Западной Европы и имеет широкий

выход в Атлантику через Баренцево, Белое и Балтийское моря. При чем значение Северо-Запада с такими составляющими, как порты Санкт-Петербург, Архангельск, Мурманск, являвшимися «морскими воротами» России и связывавшими ее с Европой и Америкой, было определяющим. Война же могла ослабить влияние России в этом регионе. Роль России в развитии транспорта и в качестве транзитной территории трудно переоценить. Грандиозные перспективы развития огромного экономического, ресурсного, транспортного и транзитного потенциала России уже тогда были очевидны. «Британия – владычица морей» [1], будучи могучей колониальной империей, как никто это понимала. Именно в этом же Северо-Западном регионе Англию беспокоили притязания Германии, которая явно пыталась подорвать британское морское господство и стремилась занять определяющее место в разделе сфер влияния в мире. Тем более что на европейском континенте с военной силой Германии становилось все труднее соперничать, поэтому в серьезные континентальные военные операции Англия, не имея мощной сухопутной армии, вмешивалась редко и неохотно, предпочитая военное противостояние с более слабыми противниками в колониях, заведомо зная, что главное ее преимущество состоит в господстве на море. А поскольку Россия являлась евразийской державой, то и в Азии раздел сфер влияния России предлагался такой: Японии – Корею, которая находилась в японской сфере влияния, России – Маньчжурию, Англии оставить долину реки Янцзы и договориться по Центральной Азии. Таким образом, предлагалась идея достижения договоренностей с Россией, но на британских условиях. К тому же русско-японская война (1904–1905 гг.) сыграла решающую роль в том, что было заключено соглашение Антанты с Россией, поскольку война серьезно ослабила позиции России в мире. Российское руководство со временем пришло к выводу, что нужно постепенно переходить от невыгодной политики «ограниченной экспансии» (тем более что России, с ее огромной территорией, внешние колонии были не нужны) к общемировой политике «разграничения сфер влияния».

Еще в 1902 г. в Англии был создан государственный орган – Комитет обороны империи, куда входил премьер-министр, ведущие министры, на его заседания иногда приглашались лидеры оппозиции, представители армии и флота. В нем шло обсуждение вопросов внешнеполитической и военной стратегии Британии. На заседаниях этого Комитета активно разрабатывалась стратегия поведения Британия в случае войны с Германией. Там обсуждались заведомо

противоречивые и рискованные по сути сюжеты, в том числе Балтийский проект Фишера и Черчилля [17, с. 103; 14], в котором планировалась экспедиция в Восточную Пруссию с высадкой британского десанта, причем предполагалось даже привлечь Россию к осуществлению этого плана. Хотя этот проект кануна Первой мировой войны характеризовался британскими официальными кругами как «почти фантастический», «нереальный», именно он послужил в дальнейшем основой рокового для России подписания англо-русской военно-морской Конвенции в 1914 г. [6]. Так, в проектах разработки этого соглашения со стороны Российской империи фигурирует возможность «десантной операции в Померании» при условии «перенесения для десантной операции Англией в Балтику транспортных судов для восполнения недостатка таких же русских судов». Представляется, что в этом Балтийском проекте выразилось стремление Британии одолеть Германию с помощью русской армии, «смести германский флот», «очистить Балтику» и «получить прямой путь на Берлин», но при этом традиционно самой оставаться в стороне от серьезного вовлечения в крупные сухопутные военные операции. Планировалось, что Англия с помощью своего мощного флота должна вести войну против Германии путем установления морской блокады. Блокада была основным средством борьбы против Германии. Рейды британского флота на Северо-Западное побережье Европы, равно как и подготовка Англией морской блокады этого региона, предопределили в дальнейшем осуществление иностранной интервенции в Россию, с помощью которой она хотела повергнуть в войну своего основного противника – Германию.

Официально Англия до определенного времени во многом дистанцировалась от реализации этих проектов. Обсуждалась возможная угроза европейской войны, но позиция в ней Англии четко не определялась. И, действительно, когда Уинстон Черчилль – а он был первым лордом Адмиралтейства в тот период – говорил о том, что надо отдать приказ о мобилизации флота, британский Кабинет выступил против. Вплоть до германского нарушения нейтралитета Бельгии британский Кабинет был против каких-либо действий по вовлечению Британии в войну. Черчилль, однако, начал мобилизацию флота потихоньку мобилизует, причем без санкции Кабинета. Он обладал острым политическим чутьем в отношении того, что именно надо делать для устранения соперника и подавления милитаристских устремлений Германии к мировому господству. Стало очевидным, что в целом британский Кабинет был далеко не однороден в своих взглядах на внеш-

нюю политику, и многие его члены придерживались той точки зрения, что прежде всего необходимо препятствовать чрезмерному сближению России и Франции.

Конечно, нельзя говорить об Англии как о главном виновнике войны. Безусловно, главным виновником Первой мировой войны была Германия. Но именно Англия допустила то, что война началась. В.И. Ленин совершенно справедливо утверждал, что англо-германские противоречия в Первой мировой войне во многом были определяющими [10, с. 387–425]. И, действительно, в значительной степени англо-германские противоречия лежали в основе Первой мировой войны. Роль англо-германских разногласий была велика в возникновении ситуации, приведшей к Первой мировой войне. Европа являлась центром системы международных отношений. А Германия бросила вызов всем. А внешнеполитические цели Британии перед началом Первой мировой войны в основном состояли в том, чтобы отстоять свои позиции в мире, отстоять позиции своей империи. У страны существовали опасения, что Германию очень трудно будет разгромить, и даже в случае ее поражения в предстоящей войне ее мощь не будет сокрушена окончательно.

Россия вступила в Антанту – совершенно противоестественный для нее военно-политический союз. Именно участие в Антанте впоследствии втянуло Россию сначала в русско-японскую войну, а затем – и в Первую мировую войну. Война была одним из важных факторов, способствовавших революции в России. Вне всякого сомнения, война явилась катализатором революционных событий в России. Центральный фактор переживаемого периода истории – соперничество Англии и Германии, которое привело к вооруженной борьбе, исход которой стал смертельным для побежденной стороны.

Итоги участия России в Первой мировой войне

Участие России в Первой мировой войне было роковым по своим итогам, обострило внутрисполитический кризис и усугубило положение страны на международной арене.

Российский император Александр III не сумел стратегически верно оценить изменившуюся расстановку сил в мире. Россия пошла на союз с Францией, что обусловило дальнейшее пагубное вступление России в Первую мировую войну на стороне Антанты (Франции и Англии), что в стратегическом плане для России было крайне невыгодным. Россия пошла на обострение отношений с Германией – молодым «империалистическим хищником», пришедшим «к столу им-

периалистических яств, когда все места были заняты» [11, стр. 36], иными словами, тогда, когда Россия еще могла обезопасить себя, «играя на межимпериалистических противоречиях», и когда она могла попытаться договориться с Германией на основе экономической выгоды, в отличие от вступивших в непримиримое соперничество с Германией старых колониальных империй – Англии и Франции.

Таким образом, именно император Александр III предрешил во многом искусственный разрыв России с Германией, тем самым показав неумение налаживать взаимовыгодные отношения с другими государствами, поскольку он не мог правильно выстроить внешнеполитические и внешнеэкономические российские приоритеты в новых геополитических условиях на рубеже веков. Император Александр III проявил отсутствие стратегического мышления, что предопределило опасное создание Тройственного (а затем – Четверного) союза во главе с Германией, настроенного крайне агрессивно по отношению к России и Антанте, интересы которой России пришлось защищать в ущерб своему государственному суверенитету.

В течение первых трех лет войны Россия оттягивала на себя значительные силы противника, быстро приходя на помощь союзникам, как только Германия предпринимала серьезные наступления на Западе.

После Октябрьской революции 1917 г. выход России из войны не мешал победам Антанты над германским блоком, поскольку Россия выполнила союзнические обязательства в полном объеме, в отличие от Англии и Франции, не раз срывавших свои обещания помощи. Россия дала возможность Англии и Франции мобилизовать все свои ресурсы. Борьба русской армии позволила США развернуть свою производственную мощь, создать сильный морской флот и впоследствии отстранить Россию от участия в решении мировых проблем (США официально объявили войну Германии в апреле 1917 г.).

После Октябрьской революции 1917 г. Антанта организовала вооруженную интервенцию против Советской России (23 декабря 1917 г. Великобритания и Франция подписали соответствующее соглашение). В марте 1918 г. началась интервенция Антанты, но походы против Советской России завершились провалом. Цели, которые Антанта ставила перед собой, были достигнуты только после поражения Германии в Первой мировой войне, однако стратегический союз между ведущими странами Антанты – Великобританией и Францией – сохранился и в последующие десятилетия. Иными словами, Россию

как члена Антанты, просто использовали для того, чтобы повергнуть их основного противника – Германию.

Однако разнородность военно-политических интересов и целей, военных доктрин, неправильная оценка сил и средств противоборствующих коалиций, их военных возможностей, отдаленность театров военных действий, подход к войне как к кратковременной кампании не позволили создать единое и постоянное военно-политическое руководство коалицией в войне.

28 июля 1914 г. весь комплекс международного противостояния вылился в войну, которой суждено было стать Первой мировой. 1 августа 1914 г. в нее оказалась втянута и Россия. Война долгое время шла с переменным успехом и не давала ни одной из сторон убедительного преимущества. К 1917 г. нехватка резервов привела к тому, что положение Германии и Австро-Венгрии резко ухудшилось. В Берлине и Вене даже попытались начать мирные переговоры. Однако Англия и Франция, опиравшиеся на свои многочисленные колонии, и вступившие в войну Соединенные Штаты были настроены воевать до победного конца.

Но ситуация в России предрешила исход Первой мировой войны. На фоне крупных человеческих и экономических потерь, связанных с войной, в стране резко обострились внутренние проблемы. Это привело к Февральской революции 1917 г., свержению императора Николая II и формированию буржуазного Временного правительства, которое было верно союзническим обязательствам перед Антантой, но было не способно решить внутренние проблемы России и само пало в результате Октябрьской революции 1917 г. Власть в Петрограде и Москве перешла в руки большевиков, а на окраинах бывшей Российской империи образовались десятки новых «правительств», принявшихся рвать страну на части.

Сразу после революции большевики издали «Декрет о мире» [7, с. 11–14], призывавший всех участников Первой мировой войны к мирным переговорам без требований аннексий и контрибуций.

Это устраивало проигрывающий войну Четверной союз, но категорически не понравилось членам Антанты. Уже в ноябре 1917 г. участники блока стали разрабатывать планы военного противодействия установлению советской власти на Украине и в Бессарабии, а на переговорах в Париже 23 декабря 1917 г. было подписано соглашение о разделении России на сферы влияния: Украина, Крым и Бессарабия должны были отойти под контроль Франции; Кубань, Кавказ, Средняя Азия – Великобритании [9].

Предпосылки для интервенции изначально возникли в контексте Первой мировой войны. Англичане и французы предлагали В.И. Ленину сотрудничать против немцев и продолжать войну в союзе с ними. Однако данные предложения не были приняты, что и послужило поводом для будущей интервенции.

Активнее, чем англичане и французы, на сотрудничество с Советской Россией изначально были настроены американцы. Президент США Вудро Вильсон даже направил приветственную телеграмму Всероссийскому Съезду Советов [8], рассчитывая на то, что ему удастся удержать Советскую Россию в нужном для Соединенных Штатов и Антанты внешнеполитическом русле. К обострению ситуации привело подписание Брестского мира (3 марта 1918 г.) [9] между Советской Россией и Германией. Если Соединенные Штаты даже после этого некоторое время придерживались нейтральных позиций и пытались наладить отношения с Советской Россией, то другие члены Антанты, и, в первую очередь, Англия и Франция, оказались настроены весьма воинственно.

Вокруг Антанты в период Первой мировой войны объединились 27 государств Европы, Азии, Северной и Южной Америки (в том числе с 1917 г. – США) [2, с. 23]. Как известно, Россия вышла из этого военно-политического союза после Октябрьской революции 1917 г. Таким образом, участие России в войне и в военно-политическом союзе – Антанте – обострило ситуацию в стране и ускорило в ней революционный процесс.

Версальская система: путь к новой войне

Участие России в Первой мировой войне усугубило социально-экономический и политический кризис в стране, стало одним из факторов, не только ускорившим приближение революционных событий 1917 г., но и обусловившим распад Российской империи. Россия как бывший член Антанты не была приглашена на подведение итогов Первой мировой войны и не участвовала в создании Версальской системы, но сама эта система оказала существенное влияние на изменение соотношения сил в межвоенный период и на определение новой роли России в мире. Крах Версальской системы был предопределен: он был заложен в ней изначально из-за обострившихся противоречий и нерешенных мировых проблем и привел в 1939 г. ко Второй мировой войне.

Версальская, или, как ее еще называют, Версальско-Вашингтонская, система была создана в течение 1919–1920 гг. США, Ве-

ликобританией, Францией и их союзниками, с одной стороны, и побежденной Германией и ее союзниками, с другой. Условия договора, выработанного на Парижской конференции в 1919–1920 гг., претендовали на завершение Первой мировой войны. Однако Версальская система игнорировала Россию как одного из ключевых участников Первой мировой войны, члена Антанты, а условия Версальской системы не учитывали интересов России. Россия была отделена от Центральной и Западной Европы кордоном государств, создание которых было узаконено победителями с целью предотвратить «опасность проникновения большевизма» в Европу. Образу говоря, побежденная в войне Германия и большевистская Россия стали в те дни «париями Версаля», «изгоями европейского сообщества». Использование разногласий в капиталистическом мире для развития отношений с Германией полностью соответствовало внешнеполитической линии, разработанной ЦК партии большевиков во главе с В.И. Лениным. Версаль – один из самых суровых военных приговоров истории. По словам Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» (!) Германии «разбойниками с ножом в руках» [15].

Итоги участия России в Первой мировой войне привели к краху Российской империи. В результате создания Версальской системы Германии были поставлены тягчайшие территориальные условия в пользу Франции, Бельгии, Польши, а также обязательства соблюдения независимости Австрии.

Россия до определенного времени находилась в международной изоляции. Победу в Первой мировой войне она, таким образом, не разделила. США не спешили признавать большевистский режим, их вполне устраивала изоляция страны и отстраненность США от европейских дел. Германию тоже поставили в изоляцию.

Возможности великих держав в отношении нового мирового порядка существенно различались. В том числе по этой причине с самого начала Версальская система содержала целый ряд противоречий, способных разрушить создаваемый мировой порядок. Как и предыдущие системы международных отношений, Версальская система сформировалась на основе принципа силы.

Послевоенная система мирного урегулирования была неустойчивой и неэффективной, что было обусловлено следующим. Вне Версальской системы оказалась Советская Россия, непосредственно участвовавшая в Первой мировой войне. Отодвинутая от решения мировых дел, она вынуждена была стать в оппозицию созданной системе миро-

вых отношений. Важной особенностью этой системы была дискриминация положения побежденных государств и Советской России. России не было в Версале, где собрались победители в Первой мировой войне с целью определить судьбы других стран. Туда пригласили лишь неофициальных представителей России из бывших царских дипломатов и Временного правительства. Это был редкий случай в истории дипломатии: не проиграв войну, страна оказалась в числе пострадавших и фактически побежденных. Таким образом, Версальский порядок не был всеобъемлющим, поскольку он не включал две крупнейшие державы – Советскую Россию и Соединенные Штаты, – без которых обеспечение стабильности в Европе в XX веке было уже невозможно. Новую европейскую безопасность предстояло строить в условиях ущемленной в территориальных претензиях Германии и уменьшившейся в размерах и изолировавшейся от европейских дел России. После Версаля оказалось, что у России с Германией сходное положение в Европе: обе страны были унижены и оказались в изоляции.

Провозглашенный принцип самоопределения наций породил экономический раскол, преодолеть который европейские страны так и не смогли. Это создавало постоянную неустойчивость экономической ситуации в Европе, которая оказалась не готовой к принятию совместных решений по финансовым и экономическим вопросам.

Вместе с тем Версальская система в недостаточной мере учла национальные интересы отдельных государств, что заложило противоречия, ставшие причиной Второй мировой войны. Перекройка территорий стран привела не только к ущемлению национальной идентичности, но и к разрушению существовавших тогда экономических связей.

Уинстон Черчилль – непосредственный участник Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. – дал исключительно точную оценку сути Версальского договора 1919 г., приведшего впоследствии ко Второй мировой войне. Он прекрасно знал все обстоятельства, касающиеся выработки условий Версальского мирного договора, а также особенности сложившегося послевоенного положения в ведущих странах. Он с полной ответственностью утверждал: «Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. В этом диктате нашли свое отражение гнев держав-победительниц, а также вера их народов, что побежденную страну или какое-либо сообщество людей можно об-

ложить такой данью, которая способна возместить стоимость современной войны» [19, с. 12]. Именно подобное «безрассудство победителей», по мнению Черчилля, неуклонно вело «от войны к войне» [19, с. 9–19]. В этом суждении нашла свое выражение безошибочная политическая интуиция Черчилля.

Таким образом, непродуманность и непоследовательность политики европейских держав и США в отношении побежденной Германии привела к тому, что Вторая мировая война стала практически неизбежной. Абсолютно верно утверждение Черчилля о том, что победители не смогли выполнить своих требований относительно разоружения Германии и обеспечить соблюдение договора, несмотря на всю свою мощь, цивилизацию и науку, «пока через каких-нибудь двадцать лет не прозвучал страшный сигнал, оповестивший о Второй мировой войне» [19, с. 19]. Совершенно очевидна прозорливость подобного суждения Черчилля.

Версальская система так и не стала эффективным инструментом для решения международных конфликтов. В ней изначально были заложены принципы, которые провоцировали кризис международных отношений: судьбу всех стран решали только страны-победительницы – Великобритания, Франция, США. Мнение России не учитывалось вовсе, поскольку все не без оснований опасались большевистской экспансии и экспорта большевистской революции. Версальская система юридически признала образование новых независимых государств в Европе, возникших на обломках рухнувших империй, и это также обусловило непрочность этой системы.

Версальская система имела двойственный характер. Она юридически утвердила окончание Первой мировой войны, создала перспективы для мирного развития, упорядочила границы новых стран, но обеспечить прочной стабилизации в мире она не смогла. Версальская система таила в себе семена новой мировой войны: ее непрочность была обусловлена заложенными в ней противоречиями построения международных отношений.

Неоднозначность самой сути Версальской системы, противоречивость ее взаимоотношений с Россией обусловили ее крах и привели ко Второй мировой войне. Последствия того сложного мирового кризиса – политического, экономического, социального, миграционного – ощущаются и в XXI веке. Это рудименты прежней, давно ушедшей в прошлое эпохи, которые сохраняют свою взрывоопасную силу в причудливом калейдоскопе старых и новых государств стремительно меняющегося мироустройства.

Интервенция стран Антанты в Россию – следствие Первой мировой войны

Октябрьская революция 1917 г. в России первоначально имела значение для союзников России по Антанте, прежде всего в смысле катастрофических для них военных перспектив, а именно – выхода России из войны. Великобритания, Франция и Италия, считая, что власть в России захватила прогерманская партия, заключившая перемирие и начавшая сепаратные мирные переговоры с Германией о выходе России из войны, приняли решение о поддержке сил, не признавших власть нового режима.

В марте 1917 г. в ходе Первой мировой войны произошли существенные изменения. После отречения императора Николая II и формирования в России Временного правительства президент США Вудро Вильсон объявил войну Германской империи (а позже и Австро-Венгрии). Также США начали оказывать экономическую и техническую поддержку Временному правительству России. Начиная с лета 1917 г., однако, военное снаряжение, которое союзники продолжали доставлять через Архангельск и Мурманск, начало накапливаться на складах этих портов.

В октябре 1917 г. к власти в России пришли большевики, которые в начале марта 1918 г. подписали сепаратный мирный договор с Германией. Это позволило Германии перебросить часть сил на Западный фронт. В апреле 1918 г. Германия высадила десант в Финляндии, и появилась угроза, что немцы захватят железную дорогу Мурманск – Петроград и стратегически важные порты Мурманск и Архангельск.

Ключевыми пунктами на Севере России были незамерзающий порт Мурманск, основанный всего двумя годами раньше, и крупный портовый город Архангельск, в котором, по сведениям Антанты, хранилась основная часть поставленного вооружения. В дальнейшем предполагалось завербовать достаточное количество антибольшевистских сил, чтобы развить наступление на юг и соединиться там с «чехословацким легионом». Как откровенно отмечал Черчилль, «это было частью наших операций против Германии» [20, с. 49].

Интервенция началась со стороны стран Антанты для защиты от белофиннов и немецких войск, с чем были вынуждены согласиться большевики, не имевшие в то время собственной армии.

Еще 22 декабря 1917 г. конференция представителей стран Антанты в Париже признала необходимым поддерживать связь с антибольшевистскими правительствами Украины, казачьих областей, Сибири,

Кавказа и Финляндии и открыть им кредиты. 23 декабря 1917 г. было заключено англо-французское соглашение о разделе сфер ответственности в России [9].

Нестабильностью на фронтах стремились воспользоваться иностранные интервенты эпохи Гражданской войны и революции и все давние конкуренты Российской империи, в первую очередь Германия.

Весной 1918 г. английское и французское правительства решили провести интервенцию на Север России (Архангельск, Мурманск). При этом планировалось достичь следующих целей: не дать большевикам или немцам захватить поставленное Антантой снаряжение в Архангельске; вновь открыть восточный фронт, свергнув большевиков с помощью чехословацкого корпуса и антибольшевистских сил; начать интервенцию высадкой английского десанта в Мурманске и т.д. [20]. 15–16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась военная конференция Антанты, на которой обсуждался вопрос об интервенции. В условиях начавшегося немецкого наступления на западном фронте было решено не отправлять в Россию крупных сил [20].

Спешно сформированный флот Красной армии, не имевший крупных судов, противодействовал интервентам, постепенно выводя из строя один корабль за другим. Войска интервентов имели значительное преимущество в вооружении и артиллерии. Это так и не помогло преодолеть постепенно усиливающуюся оборону Красной армии. Ситуация на Севере России, в Мурманске и Архангельске, где и начиналась интервенция войск Антанты, была крайне сложной. Англичане были категорически против власти большевиков, так как те стремились заключить сепаратный мир с Германией, что потом и произошло. К этому моменту реальная военная сила в Мурманске оказалась в руках союзников, сосредоточивших в водах Баренцева моря значительную эскадру.

Опасаясь германского наступления и не желая вступать в прямое военное столкновение с Германией, английское и французское правительства решили укрепить свои позиции на Севере России, ожидая скорого падения большевиков. Не имея возможности послать в Россию большую сухопутную армию, Англия и Франция попросили о помощи президента США Вудро Вильсона. И в июле 1918 г. Вильсон дал согласие на участие в интервенции ограниченного контингента войск США. Американские солдаты входили в состав Американского экспедиционного корпуса на Севере России (American North Russia Expeditionary Force), известного также как «Экспедиция Полярный медведь» (Polar Bear Expedition). Президент США, посылая корпус

в Россию, якобы не предусматривал прямого вмешательства американских войск в ход Гражданской войны. Считалось, что их главная задача состояла в охране складов военного имущества, которое в ходе войны союзники поставляли России через северные и дальневосточные порты [20, с. 25–32].

Союзники по Антанте, после отречения императора Николая II, откровенно мечтали о разделе бывшей Российской империи на несколько частей. «Россия слишком велика и однородна, – писал советник президента США Вудро Вильсона полковник Эдвард Хаус, – ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов» [3].

В итоге, когда в 1919 г. в Версале бывшие союзники России по Антанте кроили новую карту мира, об интересах России никто из них и не помышлял. Более того, было решено сразу же признать все государства, которые уже образовались или еще когда-либо образуются на территории бывшей Российской империи. Возникла вполне реальная опасность захвата германскими войсками огромных запасов вооружения, боеприпасов и прочего имущества, которое Антанта поставляла царской России в годы Первой мировой войны. Прямую интервенцию английских войск на Севере Совнарком РСФСР воспринял резко отрицательно.

Между тем В.И. Ленин справедливо отмечал: «В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения этих сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами» [13, с. 22–23]. На самом деле интервенты действовали ничтожными силами, в боях с регулярной Красной армией почти не участвовали, лишь обозначая свое присутствие на окраинах страны и решая частные задачи, и к белым относились далеко не однозначно. Главная причина заключалась в том, что влиятельные западные круги вовсе не желали восстановления сильной и могучей Российской империи. К тому же противоречия между союзниками были велики. Каждая из ведущих держав в конечном счете преследовала свои собственные цели, никто не доверял никому. Фактически западные державы защищали каждая свои интересы, интересы своих граждан и интересы своих союзников. Черчилль, анализируя сложившуюся ситуацию, с явным сожалением подвел неутешительный итог: «Союзники так и не смогли выработать согласованную и всестороннюю политику помощи всем

антибольшевистским силам» [20, с. 67]. Суть большевизма фактически до конца большинство западных политиков еще не осознано: они просто не знали, чего ожидать от большевиков, которые с приходом к власти в «Декрете о мире» решительно отказались от всех международных обязательств. Многие из западных политиков считали большевистскую власть временной и случайной. Не знали они и того, какова вообще должна быть политика в отношении нового Советского государства. Сказывалась также общая усталость от Первой мировой войны.

Совершенно очевидно, что причины Гражданской войны крылись в политическом противостоянии внутри самой России, что неизбежно переросло в военные действия. Причем Гражданская война шла на фоне немецкого наступления и немецкой оккупации. На итоги Первой мировой войны для России результаты победы любой из сторон противостояния в Гражданской войне не оказали бы существенного влияния. Наивно полагать, что бывшие союзники по Антанте сделали бы условия для России привилегированными. Союзники совсем не собирались считаться с интересами России. Их цель в любом случае состояла в том, чтобы оставить Россию по результатам Первой мировой войны в максимально ослабленном состоянии. И поскольку Россия действительно находилась в экономической разрухе, то в дальнейшем это неминуемо должно было усугубить ее экономическую зависимость от Англии и Франции, на что, собственно, и рассчитывали ее бывшие союзники.

В.И. Ленин и его партия были пока неизвестными величинами, и никто не воспринял всерьез их утопические планы и заявления. Преобладающим, особенно после мира, заключенного в Брест-Литовске [9], было мнение, что большевики являются ставленниками Германии и исчезнут с политической арены одновременно с окончанием войны. Поэтому в конце 1917 – начале 1918 гг. союзники придерживались осторожного курса и предпочитали, по большей части, держаться в стороне. Кроме того, долгое время среди стран Антанты не было единого мнения по поводу открытой военной интервенции. В частности, против нее выступал американский президент Вудро Вильсон, который считал первоочередным лишь образование независимых государств в пограничных районах России, а интервенцию рассматривал как излишнее вмешательство в дела другой страны. Его ярким оппонентом был Черчилль, который после принятия генеральным штабом главного командования армиями Антанты резолюции «О необходимо-

сти интервенции союзников в Россию» [9] и оккупации Мурманска Британией видел в ослабленной России, в частности, прекрасный рынок сбыта и дешевый источник сырья. Это давало возможность свободно конкурировать с Германией, чья промышленность была лучше. Германия тоже не обещала долголетия своему новому союзнику. Немецкий посол Мирбах писал, что он не видит дальнейшего смысла поддержания большевиков: «Мы, безусловно, стоим у постели безнадежно больного человека. Большевизм скоро падет... В час падения большевиков германские войска должны быть готовы захватить обе столицы и приступить к формированию новой власти» [9]. Ядро прогерманского правительства, по мнению Мирбаха, должны были составить умеренные октябристы, кадеты и крупные предприниматели. 27 августа 1918 г. в Берлине были заключены новые договоры Германии с обессиленной Россией. Согласно им Советское правительство обязывалось сражаться против Антанты в европейской и в северной части России. Кроме того, к договору добавлялись секретные статьи, по которым советское правительство обещало вытеснить с территории страны войска Запада с помощью германских и финских войск. Договор от 27 августа 1918 г. стал последней каплей терпения в отношениях советской власти и Запада [9].

Когда «поражение центральных держав стало несомненным» [20, с. 21], широкомасштабная интервенция началась. Во имя «демократии» Запад находил все новые и новые поводы для продолжения интервенции. Сначала это был лозунг Черчилля «Во имя победы в этой великой войне». Потом он превратился в громкие призывы: «во имя демократии», «помощи в восстановлении конституционного строя в России» и т.д. При этом союзники отнюдь не торопились оказывать активную помощь Белому движению и освободить своего «близкого соседа» от «открыто признанных врагов», по словам Черчилля. Основная сложность состояла в том, что в результате установления плотных взаимоотношений между белыми правительствами и Антантой сразу же стали видны различные цели белогвардейцев и европейских стран. Основным камнем преткновения было стремление царских генералов восстановить «единую и неделимую Россию», в которой Запад, особенно Великобритания, видел потенциальную угрозу ее колониальным землям. В отчете заседания английского парламента 8 и 17 ноября 1918 г. высказано следующее мнение: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является спорной, поскольку

они «борются за Единую Россию» [20, с. 55–69]. В огромной, могучей и великой России видели самую грозную опасность для Британской империи.

Главным для Англии и Франции было не столько участие в прямом военном столкновении с Россией, сколько подавление основного соперника – Германии – с помощью России и установление контроля над стратегическими портами России, обеспечивающими выход к морю и беспрепятственную транспортировку грузов. И довольно скоро стало ясно, что дальше основных портов и железных дорог их войска продвинуться не смогут. А без этого невозможно было в полной мере реализовать военно-политические или экономические планы. Таким образом, интервенция была обречена.

После того как большевики заключили перемирие с немцами, 23 декабря 1917 г. в Париже было подписано соглашение о разделе сфер влияния на землях бывшего союзника [9]. Официально было объявлено, что данное соглашение направлено против Германии и финнов, которые могут захватить военное снаряжение и амуницию, ранее поставлявшиеся Антантой России через ее северные порты Мурманск и Архангельск по Мурманской железной дороге. Было решено, что российский Север Великобритании и Франция будут контролировать на паритетных началах.

Сразу же после заключения Брестского мира англичане предложили Совету народных комиссаров высадить свои войска в Мурманске под предлогом его защиты от возможного нападения германских солдат или их союзников-финнов. На это было получено согласие – при условии невмешательства во внутренние дела, – и 6 марта 1918 г. первые 170 морских пехотинцев сошли на берег. Вскоре к ним присоединились и французы.

Если Мурманск был занят интервентами с одобрения советской власти, то Архангельск им пришлось занимать с боем. 1 августа 1918 г. союзная эскадра из 17 кораблей подошла к городу под огнем советских артиллеристов, которые обстреливали корабли из береговых орудий с острова Мудьюг. Но перевес в силах был на стороне Антанты, и 2 августа 1918 г. английские, французские и американские части вступили в спешно покинутый советскими войсками Архангельск.

После поражения Германии в Первой мировой войне по тайному соглашению с союзниками немецкие войска должны были оставаться в России до замены их частями Антанты. Но бывшие кайзеровские солдаты были настолько заражены революционными настроениями, что их пришлось отправить домой досрочно.

Как ни парадоксально это звучит, но в Лондоне, Париже и Вашингтоне не желали победы ни белых, ни красных. Там не строили столь далеко идущих планов. «Единая и неделимая Россия» им также была не нужна в принципе. В целом же с Советской Россией союзники предпочитали воевать не напрямую, а поддерживая антибольшевистские формирования. Официально Лондон, Париж и Вашингтон симпатизировали антибольшевистским силам, в частности армиям генерала Деникина и адмирала Колчака (последний объявил себя Верховным правителем России). Но реальная союзническая помощь была мизерной. Дело в том, что главный лозунг Белого движения – о «Единой и неделимой России» – кардинально расходился с интересами союзников. Им вовсе не требовалась сильная единая Россия, им нужно было, чтобы Гражданская война продолжала ее ослаблять, чтобы страна надолго перестала играть какую-либо значительную роль на международной арене.

Поддержка Великобритании была чуть более существенной – в основном благодаря военному министру Соединенного королевства Уинстону Черчиллю, который настаивал, что большевизм надо задушить в колыбели, поскольку «большевистская тирания – наихудшая, самая разрушительная и губительная в истории человечества», и даже «опаснее германского милитаризма» [22, с. 120].

После провала деникинского наступления на Москву осенью 1919 г. победила точка зрения британского премьер-министра Ллойд Джорджа, что нужно предоставить русских их собственной судьбе. На фоне Первой мировой войны главными противниками Антанты оставались немцы, а большевики, пришедшие к власти в России, рассматривались как очередные временщики, которые вскоре исчезнут с исторической арены. Поэтому интервенция была, скорее, средством устрашения руководства Советской России, с тем чтобы заставить его увязывать свою политику с интересами союзников, чем реальной борьбой с ней.

Таким образом, изначально ход интервенции определяли события Первой мировой войны, однако со временем ее участникам стало достаточно не просто оправдывать свои действия, хотя формально намеченное «разграничение сфер действия было подтверждено вновь» [20, с. 30].

После ноября 1918 г. властям стран – членов Антанты стало проблематично объяснять своим гражданам, что их солдаты делают в России. Правые консерваторы сочувствовали Белому движению, однако они полностью не контролировали общество в своих странах.

Вступать в полномасштабную войну с Советской Россией им было неудобно, поэтому с конца 1918 г. был запущен процесс вывода войск. Вместо этого было решено ограничиться оказанием материальной поддержки белым. Однако полноценного союзничества между интервентами и Белым движением не было. Иностранные державы выдвигали свои условия, а когда что-то шло не так, самоустраивались.

Помощь основным силам белых также была неоднозначной. Во-первых, надо понимать, что оружие и припасы поставляли не бесплатно, а за живые средства или в кредит. Во-вторых, оружие присылали далеко не лучшее. Из нескольких самолетов или танков по запчастям приходилось собирать один. Только часть иностранных политиков реально была настроена на продвижение своих интересов в России.

Позднее Уинстон Черчилль, являвшийся в то время военным министром Великобритании, заявил: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи» [20, с. 69].

Черчилль писал: «Мы не считаем себя вправе посылать в Россию регулярные соединения британской армии, набранные на основе обязательной воинской повинности. Спасти Россию может только ее собственный народ» [22, с. 121].

Завершение Первой мировой войны окончательно определило дальнейшую судьбу интервенции. По условиям Версальского мирного договора [5] на границах РСФСР создавалось множество независимых политических образований: Украинская народная республика, Белоруссия, Польша, Литва, Латвия, Финляндия, Эстонская республика, что являлось первоначальной целью стран Антанты. Поэтому в январе 1919 г. на Парижской мирной конференции было принято решение отказаться от дальнейшего вторжения на территорию России, ограничив свою помощь Белому движению лишь военными поставками. Последнее решение тоже не было щедрым даром. За вооружение приходилось расплачиваться золотым запасом и зерном, в результате чего страдали крестьяне и популярность движения за восстановления «прежней» России во главе с белыми генералами неуклонно падала.

После окончания Первой мировой войны и создания так называемого «санитарного кордона» вокруг РСФСР союзникам, вопреки своей

неприязни к новому Советскому правительству, было проще найти язык именно с большевиками, которые готовы были идти на многие компромиссы. Кроме того, послевоенная экономика требовала восстановления прежних экономических связей с Россией во избежание крупных кризисов и социальной напряженности. Поэтому, несмотря на то что последние военные формирования были вытеснены с территории СССР (на Дальнем Востоке) в 1925 г., фактически весь смысл интервенции для стран Антанты изжил себя после подписания Версальского договора (1919 г.). Что касается Белого движения, то, находясь на окраинах бывшей империи, без помощи извне и поставок оружия, оно было обречено. Черчилль вынужден был признать: «Гражданская война в России завершилась полной победой большевистской революции» [20, с. 81]. Иностранная интервенция провалилась.

Заключение

Уинстон Черчилль – выдающийся государственный и политический деятель – являлся, пожалуй, самым ярким представителем английской политики XX века, одним из направлений которой была борьба против России с целью не допустить ее в число великих держав или, по крайней мере, ослабить русское влияние в мире.

Черчилль прошел две мировые войны. При этом он прекрасно осознавал, что во время Первой мировой войны он занимал ответственные, но все же подчиненные посты в правительстве [19, с. 7]. Он действительно являлся одним из вдохновителей и главных организаторов антисоветской интервенции держав Антанты. В 1917–1918 гг. он был министром военного снабжения, в 1919–1921 гг. – военным министром и министром авиации в коалиционном правительстве британского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа. По словам Ленина, он употреблял все средства, «чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением», и являлся «величайшим ненавистником Советской России» [12, с. 350]. Весной 1918 г. Черчилль поддерживал отправку в Советскую Россию английских интервенционистских войск, тормозил затем процесс демобилизации английской армии, надеясь широко использовать ее в интервенции. На Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. он заявил (в феврале 1919 г.) о необходимости создания «Союзного совета по русским делам» [17, с. 128; 14], военная секция которого должна была подготовить план нового массированного наступления интервентов. Вместе с другими деятелями Антанты он

разрабатывал проект расчленения России на несколько государств. С провалом интервенции Черчилль, под предлогом обеспечения эвакуации английских войск с советской территории, выступил с идеей организации дополнительного экспедиционного корпуса.

Позднее, оценивая свою деятельность в 1918–1921 гг., Черчилль признавал, что главной его целью была борьба с «большевистской тиранией», установившейся в молодом Советском государстве [22, с. 120]. Он был твердо убежден, что за большевизмом стоит «мрачная и зловещая империя зла» [22, с. 134]. Однако, как представляется, объективно Черчилль на протяжении всей своей долгой жизни выступал не против России как таковой и не против самого русского народа, а против именно «большевистской тирании», против «тоталитарных систем» и посему предлагал «извлечь урок из российской трагедии» [22, с. 125]. Иными словами, Черчилль четко разделял понятия самого государства и политического режима. Политический режим дает представление о сущности государственной власти, установившейся в стране в определенный период ее истории. Поэтому не столь важна структура политической системы или государства, сколько способы взаимодействия общества и государства, объем прав и свобод человека, способы формирования политических институтов, стиль и методы политического управления. Политический режим, таким образом, – это совокупность средств и методов, с помощью которых господствующие элиты осуществляют экономическую, политическую и идеологическую власть в стране; это сочетание партийной системы, способов голосования и принципов принятия решений, образующих конкретный политический порядок данной страны на определенный период.

В своих мемуарах Черчилль достаточно полно и откровенно описал все стороны разнообразной антисоветской деятельности. Двучленная позиция Англии в отношениях с Россией в годы Первой мировой войны, ее открыто враждебное отношение к большевистской России, а позднее, во времена провальной политики «умиротворения» агрессора, вдохновителем которой был британский премьер-министр Невилл Чемберлен, попытки направить первый германский удар на Советский Союз – все это нашло отражение в трудах Уинстона Черчилля, являющихся ценнейшим документальным источником по истории мировой политики, способствующим расширению горизонтов познания сложных мировых процессов и выявлению роли личностей, оказывающих на них определяющее воздействие.

В целом труды Черчилля написаны образным, ярким, легким, остроумным языком, с присущей ему долей сарказма в оценках. Бу-

дучи непосредственным и весьма пронизательным участником описываемых событий, Черчилль собрал богатейший документальный материал, выявил целый ряд новых неожиданных фактов и любопытных подробностей, глубоко проанализировал их, а также дал новую трактовку уже известных фактов. Черчилль полагал, что им было сделано все возможное для проверки фактов, однако при этом он вполне осознавал, что из документов и появляющихся материалов постоянно выявляется многое, что может представить в новом свете выводы, к которым он пришел. «Вот почему важно опираться на подлинные записи соответствующего периода», – утверждает Черчилль [19, с. 99]. В этом, собственно, объективно и состоит суть исторического подхода. Все это вызывает несомненный интерес к захватывающей драматической истории XX века. Между тем сам Черчилль летопись событий, представленную в его фундаментальных трудах, историей не называл, но с уверенностью утверждал, что это «вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем» [19, с. 7]. И он был прав.

Уинстона Черчилля отличала государственная мудрость и, в то же время, политический цинизм и прагматизм. После войны и революции Черчилль полагал, что дальнейшие действия России предугадать невозможно: «Эта страна – загадка, овеянная тайнами во тьме непостижимости. Но, возможно, в ее отношении у нас с вами есть одна подсказка: это национальные интересы русских» [22, с. 279]. И далее он поясняет: «Против того, что не отвечает интересам советского государства и ставит под угрозу его безопасность, Россия боролась на протяжении всей своей истории». И когда «в результате Первой мировой войны и революции пала Великая Российская империя», когда «Россия лежала в руинах», Черчилль с огромной верой в силу великого государства прозорливо указывал: «Невозможно угадать, какие страшные последствия ждут эту страну, как и когда она сможет подняться с колен, хотя в том, что рано или поздно она поднимется, лично у меня нет никаких сомнений» [22, с. 117]. И это – поистине гениальное предвидение. В этой связи совершенно очевидно на актуальность воззрений Черчилля на события мировой истории и их весьма поучительный, хотя и двоякий смысл.

Список литературы

1. Английская патриотическая песнь: Дж. Томсон. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/3/117.htm/> (дата обращения: 07.02.2019).
2. Антанта // Большая российская энциклопедия: в 35 т. – М., 2005. – Т. 2.

3. Бекер С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Бекера. – М.–Пб., 1923.
4. Бисмарк О. фон. Мемуары «железного канцлера». – М.: ЭКСМО, 2014.
5. Версальский мирный договор. – М.: Литиздат НКВД, 1925.
6. Договоры России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952.
7. Документы внешней политики СССР / под. ред. А.А. Громыко. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1.
8. Известия. – 1918. – 15 марта.
9. История дипломатии. Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.) / под ред. В.П. Потемкина. – М.–Л.: ОГИЗ, 1945. – Т. 2. – Гл. 14–15.
10. Ленин В.И. ПСС. – Т. 27.
11. Ленин В.И. ПСС. – Т. 30.
12. Ленин В.И. ПСС. – Т. 41.
13. Ленин В.И. ПСС. – Т. 42.
14. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. – Т. 1–2. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
15. Правда. – 1920. – 17 окт.
16. Список лауреатов Нобелевской премии по литературе. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/nob_prem/liter.php (дата обращения: 07.02.2019).
17. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. – М.: Межд. отношения, 1982.
18. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
19. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. – Т. 1: Надвигающаяся буря. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
20. Черчилль У. Как я воевал с Россией. – М.: Алгоритм, 2017.
21. Черчилль У. Мировой кризис: в 6 т. – М.: Принципиум, 2014.
22. Черчилль У. Никогда не сдаваться! // Лучшие речи Черчилля. – М.: АНФ, 2018.

Маслакова-Клауберг Наталья Ивановна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: mnleo@mail.ru

Natalia I. Maslakova-Clauberg,

PhD in Political Sciences
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: mnleo@mail.ru

ОТКРЫВАЮЩИЙСЯ ВСЕМУ МИРУ ИРАН: ИСТОРИКО-РЕЛИГИОЗНОЕ НАСЛЕДИЕ

IRAN OPENING UP TO THE WORLD: HISTORICAL AND RELIGIOUS HERITAGE

Аннотация: статья посвящена истории появления и формирования на территории современного Ирана различных мировых религий в доисламский и исламский периоды. Основное внимание уделяется зороастризму как первой монотеистической религии и национально-государственной религии – исламу шиитского толка. Статья посвящена историко-религиозному наследию Ирана и рассказывает об истории появления на его территории других мировых религий, которые составляют современный религиозный ландшафт страны. Особое внимание в стране уделяется наиболее значимым историческим памятникам, которые внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Дается также характеристика современному состоянию различных религиозных общин на территории Ирана.

Ключевые слова: зороастризм, исламский мир, сунниты и шииты, религиозный ландшафт Ирана, историко-религиозное наследие Ирана, международный день Навруз, иудеи, христианские церкви, исламская революция 1979 года.

Abstract: the article is devoted to the history of the emergence and formation of various world religions in the territory of modern Iran in the pre-Islamic and Islamic periods. The main attention is paid to Zoroastrianism as the first monotheistic religion and the present national-state-religion – Shiite Islam. The article is devoted to the historical and religious heritage of Iran and tells about the history of the emergence on its territory of other world religions that make up the modern religious landscape of the country. Special attention is paid to the most important historical monuments, which are included in the UNESCO world heritage list. It also describes the current state of various religious communities in Iran.

Key words: Zoroastrism, the Islamic world, Sunnis and Shiites, the religious landscape of Iran, historical and religious heritage of Iran, international day of Nowruz, the Jews, the Christian Church, the Islamic revolution of 1979.

Современный Иран в представлении многих остается закрытым исламским государством с весьма ортодоксальными мусульманскими традициями. При этом он занимает ведущие позиции среди стран «исламского мира» шиитского толка. Однако после визита в Иран представления об этом «государстве-загадке» во многом меняются. Это, прежде всего, связано с уникальным историческим, культурным

и религиозным наследием Ирана, вошедшим в «золотой фонд истории человечества».

Иран (до 1935 года – Персия) – одно из древнейших в мире государств, насчитывающее, согласно письменным источникам, почти 5 тысяч лет истории. Эта страна одной из древнейших культур и религиозных традиций, которые запечатлены в ее многочисленных архитектурных памятниках, а также в искусстве и литературе. Произведения мастеров Древней Персии внесены в сокровищницу мировой культуры. К настоящему времени 23 объекта на территории Ирана внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, согласно которому эта страна занимает второе место в Азии по количеству наиболее значимых исторических объектов [20].

Древнеиранские религии (зороастризм, зерванизм и манихейство) оказали большое влияние на формирование философских воззрений античного мира и появление эсхатологических учений в христианстве и исламе. Персидская империя, входившая в число влиятельнейших политических и культурных центров мира, при правлении персидского царя Дария I (Великого) простиралась от Греции и Ливии до реки Инд.

Персия прошла несколько исторических этапов, меняя формы государственного правления – от монархии и империи к исламской республике. Однако Иран во все времена характеризовался как теократическое государство с богатейшим культурно-историческим наследием.

В мировой истории Персия была всегда «перекрестком дорог», а следовательно, перекрестком различных цивилизаций, культур и религий. В современном «религиозном ландшафте» Ирана, наряду с государственной религией – исламом шиитского толка, представлены другие мировые религии и конфессии: ислам суннитской направленности, зороастризм, иудаизм и христианство. По разным оценкам, большинство иранцев относят себя к мусульманам-шиитам (85 %), мусульмане-сунниты составляют лишь около 9 % населения, христиане – 4 %, а к 2 % относятся иудеи, зороастрийцы, а также другие религиозные меньшинства – бахаи, мандеи, индуусы, езиды. Христианство, иудаизм и зороастризм имеют официальное признание в Иране и защищены Конституцией страны. Кроме того, представители этих религий представлены в Парламенте Ирана (Меджлисе).

Иран занимает сегодня ведущие позиции в «исламском мире» шиитского толка, наряду с такими государствами, как Ирак, Азербайджан, Бахрейн, оставаясь одним из немногих теократических государств

в мире. Однако следует отметить, что ислам стал господствующей религией Персии в результате арабского завоевания в VII веке н.э. и включения страны в состав Халифата Омейядов. Исламизация Персии во многом повлияла на культурно-религиозную составляющую государства, при этом сохранив древнее цивилизационное наследие этой страны. Иран нередко называют жемчужиной мировой исламской культуры и архитектуры.

Первой монотеистической религией на территории Древней Персии был зороастризм, который возник в среде восточноиранских племен. Эта религия получила свое название по имени ее основателя – пророка и жреца Зороастра (или Заратуштра). В период с VI в. до н.э. по VII в. н.э. зороастризм являлся национально-государственной религией Персидской империи. При правлении персидских царей из династии Ахеменидов – Кира I (Великого) и Дария I (Великого) – зороастрийские религиозные обряды, прежде всего поклонение огню, получили статус государственного культа.

В одной из древних столиц Персии – Персеполе («Городе персов») царь Дарий I (Великий) построил огромный дворцовый комплекс, который был украшен различными символами зороастризма. Наиболее характерным из них является изображение головы и туловища Ахура-Мазды в диске с крыльями. Ахура-Мазда – авестийское имя божества, которого пророк Зороастра провозгласил единым Богом. Величественный дворцовый комплекс использовался раз в год для проведения торжеств по случаю Нового года (Наврруза) по зороастрийскому календарю, а также для коронации персидских царей.

Многие другие архитектурные памятники Древней Персии также содержат зороастрийские символы, в частности, наскальные барельефы гробниц ахеменидских царей («Накше Рустам»), где похоронены Дарий I (Великий), Ксеркс I, Артаксеркс I и др. [12].

Завоевание Персии войсками Александра Македонского в IV веке до н. э. привело к разграблению и разрушению многих архитектурных комплексов, храмов и святилищ. Были потеряны также древние тексты и священные книги. Оставшиеся исторические реликвии хранятся сегодня в ведущих музеях мира, в частности в Лувре, Эрмитаже, Национальном (Археологическом) музее Тегерана и др.

Интересно, что Министерство иностранных дел Ирана находится в монументальном здании с элементами архитектуры древнего Персеполя и зороастрийской символикой. В 1930-е гг. во время правления шахов династии Пехлеви зороастризм вошел в моду. Религиозная символика зороастризма стала украшать государственные

учреждения, появились зороастрийские школы, а сами приверженцы этой религии получили возможность занимать высокие должности в государственном аппарате и воинские чины, что ранее было невозможным. В конце 1930-х гг. духовенство Ирана объявило в специальной фетве о том, что зороастрийцы находятся под защитой ислама. Несмотря на исламизацию Ирана в 1979 г. и проведенные реформы, в официальном календаре страны сохранились зороастрийские названия месяцев.

Древнегреческий историк Геродот в своем трактате «История», описывая греко-персидские войны, отмечал, что династия Ахеменидов заложила фундамент этой могущественной империи, которая имела прогрессивное и гуманное законодательство в отношении народов завоеванных территорий. Они, в частности, могли сохранять свои общественно-политические нормы и религиозные традиции [12].

Зороастризм берет свое начало в Иране, в котором родился, жил и проповедовал основатель этой религии. По преданию, Зороастре было дано Откровение от Ахура-Мазды (Бога) в виде Авесты – священного писания зороастризма. Эта книга состоит из собрания разновременных текстов, написанных на древнеиранском языке, т.н. «авестийском». Главной частью Авесты считается Гата – гимны Зороастры, посвященные Ахура-Мазде. Всего Авеста включает 21 книгу, большая часть которых утрачена.

В основе вероучения Зороастры лежит представление об Ахура-Мазде («Мудром Боге»), который провозглашен «единственным несотворенным богом, существующим вечно, творцом всего благого, включая всех других добрых и благих божеств». Ему противостоит Ангре-Манью («злой дух», воплощение абсолютного зла и тьмы). Вторым аспектом учения является свободный выбор и участие человека во вселенской борьбе добра и зла на стороне светлых сил. Дела и поступки каждого должны соответствовать трем морально-этическим принципам зороастризма: Благая мысль, Благое слово, Благое дело. Кроме того, последователи зороастрийского учения утвердили почитание трех «священных стихий»: воды, земли и огня как символа Ахура-Мазды. В Иране нередко можно услышать суждения о том, что зороастризм оказал большое влияние в дальнейшем на другие мировые религии – иудаизм, христианство и ислам [7].

В центре каждого зороастрийского храма находится священный огонь как символ присутствия Бога Ахура-Мазды. В начале становления религии ритуал поклонения огню совершался на открытом

воздухе, позднее стали появляться культовые сооружения – т.н. зороастрийские храмы. Священнослужители носят белые одежды как символ духовной чистоты, среди них могут быть и женщины. Погребальный обряд зороастрийцев имеет ряд особенностей. Почитание трех стихий (воды, земли и огня) исключает традиционные формы захоронения – погребение в землю и кремацию. Тела умерших относили в специальные «Башни молчания». Затем, после очищения, костные останки помещались в специальные урны или оставлялись в нишах скал. В городе Йезд находится один из самых древних зороастрийских погребальных комплексов («Дахма или Кол-е Хамушан»), который представляет большую историческую ценность. Это три уникальных памятника («зороастрийские Башни смерти», открытые для посещения как «музей под открытым небом». Постепенно зороастрийцы стали отказываться от традиционных погребальных обрядов и сегодня хоронят умерших в зацементированных гробах [3].

Большинство зороастрийских храмов в современном Иране находится в городах Йезд, Керман, Исфахан и Тегеран. С приходом ислама в Персию зороастризм долгое время преследовался, а многие храмы были разрушены. Большинство приверженцев этой религии были вынуждены переселиться в Индию, где до сих пор сохранились зороастрийские общины «парсов». Однако в XX веке интерес к древней религии иранцев стал возрастать, и в городе Йезд в 1934 г. был открыт зороастрийский храм «Атеш Варе Херам Йезд». Сегодня здесь находится главный духовный центр зороастризма, в котором хранится «священный огонь», возраст которого оценивается в полторы тысячи лет. Он был получен в храме Нахид Парс. Здание храма находится в центре сада, а его фасад украшен символами зороастризма [4].

Из зороастрийских традиций пришел в культуру иранских и тюркских народов Праздник весны и Нового года – Навруз, который стал национальным праздником по многим странам: Иране, Казахстане, Кыргызстане, Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и др. Навруз имеет древнюю историю. В выдающемся памятнике персидской литературы – поэме «Шахнаме» знаменитого поэта Фирдоуси, которая представляет собой национальный эпос иранских народов, отмечается, что его празднование связывают с началом царствования Шаха Джамшида и отсюда идет традиция коронации Шахов в день Нового года.

В сентябре 2009 г. Навруз был включен ЮНЕСКО в Репрезентативный список нематериального наследия человечества. В феврале 2010 г. на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята ре-

золюция о праздновании «Международного дня Навруз», который теперь ежегодно отмечается 21 марта. 2003 год был объявлен ЮНЕСКО годом 3000-летия зороастрийской культуры [10].

В настоящее время зороастрийские общины сохранились в Иране (гербы) и в Индии (парсы), имеются также небольшие общины в США и Западной Европе. В России и странах СНГ действует сообщество традиционных зороастрийцев «Благоверие». По разным оценкам, приверженцев зороастризма в мире насчитывается 100–200 тыс. человек, из них от 25 до 50 тыс. живут в Иране.

В современном Иране зороастрийцы имеют такие же права, как и другие религиозные меньшинства. За ними закреплено одно место в Парламенте (Меджлисе), они имеют собственные школы, детские сады, кладбища, а также могут создавать культурные и спортивные объединения.

Зороастризм оставил свой след в мировой культуре и литературе. Так, в опере Моцарта «Волшебная флейта» образ Зарастро символизирует свет и мудрость. Немецкий философ Фридрих Ницше написал философский роман «Так говорил Заратустра». Под впечатлением этой книги Рихард Штраус написал одноименную симфоническую поэму.

Зороастризм, вероятно, мог бы претендовать на роль мировой религии, однако распространение ислама привело к потере числа его сторонников. В период правления династии Сасанидов в 637 г. н.э. арабы захватили столицу империи – Ктесифон, в результате чего Персия оказалась под властью Арабского халифата. Зороастрийская община стремительно сокращалась и превратилась в религиозное меньшинство. Многие члены зороастрийских общин переселились в Индию, где сегодня продолжают существовать как касты парсов.

Иран является исламской республикой, конституция которой провозглашает государственной религией ислам шиитского толка. Теократическая направленность страны представлена в ее государственной символике. Так, государственная эмблема Ирана представляет собой геральдический знак, состоящий из стилизованного изображения тюльпана с надписью «Аллах» арабо-персидского письма, а также изображения обоюдоострого меча и четырех полумесяцев в абстрактной форме. Обоюдоострый меч и четыре полумесяца символизируют основной исламский догмат единобожия – «Нет Бога, кроме Аллаха» и пять столпов ислама. Тюльпановидная форма герба означает дань древнему поверью, согласно которому на могиле пав-

шего за Иран вырастает красный тюльпан. Возможно, поэтому мечети в Иране имеют также особую тюльпановидную форму. Государственная эмблема была утверждена в 1980 г. аятоллой Хомейни [15].

Как известно, ислам возник в VII в. н.э. как самая молодая мировая религия, а уже в первом столетии своего существования распался на три основные направления – суннизм, шиизм и хариджизм. Толчком к религиозному расколу послужили разногласия в вопросе о характере и природе верховной власти в исламском государстве. Существует предание об одном из изречений (хадисе) пророка Мухаммеда, в котором он предрекал раскол ислама: «Раскололись иудеи на 71 секту. И раскололись назреяне на 72 секты. И расколется моя умма на 73 секты». В настоящее время существуют различные варианты этого хадиса, которые сообщают о расколе мусульманской общины на 73 секты [8].

Шиизм (от арабского «ши'а» – «партия», «политическая группа имама Али») является вторым наиболее крупным религиозным направлением ислама. О времени возникновения шиитского направления нет единого мнения. По мнению одного из известных востоковедов И.П. Петрушевского, шиизм как религиозное течение возник в промежуток времени от гибели под Кербелой Хусейна в 680 г. н.э. до утверждения власти династии Аббасидов в 749/750 г. н.э. [14].

Принято считать, что шиитское направление ислама зародилось в период правления третьего «праведного халифа» Османа, когда сторонники будущего четвертого «праведного халифа» Али указали на то, что преемником пророка Мухаммеда может быть только его родственник, а именно двоюродный брат и зять Али. После гибели халифа Али в 661 г. от кинжала хариджита его сторонники выступили за сохранение за его потомками исключительных прав на наследование духовной и светской власти. Основоположителем религиозной доктрины шиизма считается Абдалла ибн Саба, который утверждал, что пророк Мухаммед лично утвердил Али своим преемником. В 680 г. под Кербелой был убит Хусейн, внук пророка Мухаммеда и сын Али, что положило начало окончательному формированию шиизма. Этот религиозный раскол вышел за рамки династического противоборства за власть внутри халифата, оказав огромное влияние на судьбу ислама и стран «исламского мира» в целом [2].

В 1501 г. шах Исмаил I из династии Сефевидов объявил себя шахом Ирана и создал Сефевидское государство. В качестве государственной религии был утвержден шиитский ислам иснашаритского направления (т.н. «шииты-двунадесятники»). Распространение но-

вого толка ислама – шиизма сопровождалось кровавыми гонениями на суннитов. Уже к 1698 г. шиизм стал государственной религией страны для большинства населения Персии. С тех пор Иран является исламским государством шиитского толка.

Шиитское направление ислама преобладает также в других странах, например, в Азербайджане, Бахрейне, Иране, Ливане и др. «Шииты-двунадесятники» признают своими духовными руководителями двенадцать имамов из рода Али ибн Абу Талиба. Кроме того, они верят, что двенадцатый имам Мухаммад аль-Махди исчез в малолетнем возрасте (ориентировочно в 873–874 гг.) и, по преданию должен вернуться в качестве мессии (Махди) в Мекке у Каабы. «Шииты-двунадесятники» делятся на две группы – основное большинство и «алавитское» меньшинство.

Двенадцать имамов в шиизме почитаются как религиозные и политические преемники пророка Мухаммеда. Преемник должен обладать исключительными качествами – непогрешимостью, умением управлять исламским сообществом и правосудием, хранить и толковать Божественный Закон [19].

По преданию шиитов, в день Гадир Хум (местечко Хум между Меккой и Мединой) пророк Мухаммед выступил с проповедью, в которой объявил Али ибн Абу Талиба (своего зятя и названного брата) своим преемником и носителем вилаята. В свою очередь, сунниты признают данные изречения (хадисы) и обстоятельства спослания, однако считают, что речь шла лишь о признании достоинств Али ибн Абу Талиба. Шииты рассматривают это событие как подтверждение его неоспоримого права на руководство уммой. Поэтому Али ибн Абу Талиб считается первым имамом и законным преемником пророка Мухаммеда для всех шиитов. Он был убит в 661 г. н.э. в иракском городе Куфа и похоронен в мечети Имама Али (Эн-Наджаф, Ирак), которая является святым местом для мусульман-шиитов. По их преданию, здесь погребены также ветхозаветные Адам и Ной.

Вторым имамом считают сына имама Али, Хасана ибн Али, который похоронен на кладбище Джаннат аль-Баки в Медине (Саудовская Аравия). Третий имам – Хусейн ибн Али противостоял халифу Язиду I и был обезглавлен в 680 г. н.э. в битве при Кербале. Место его погребения в иракском городе Кербела особо почитается шиитами, наряду со священными городами – Меккой, Мединой, Иерусалимом и Эн-Наджафа [5].

Четвертый, пятый и шестой имамы – Зейн аль-Абидин, Мухаммад аль Бакир, Джафар ас-Садик – были духовными лидерами, а также

выдающимися экспертами в области исламского богословия и права. Они похоронены на кладбище Джаннат аль-Баки в Медине (Саудовская Аравия). Другие имамы (седьмой, восьмой, девятый, десятый и одиннадцатый) – Муса аль-Казим, Али ар-Рида, Мухаммад ат-Таки, Али аль Хади, Хасан аль-Аскар – были известны как духовные авторитеты в жизни исламской общины шиитского толка. Их захоронения находятся в гробницах в Ираке и Иране. Последний, двенадцатый, имам Мухаммад аль-Махди, т. н. «Скрытый Имам», укрылся от людей до определенного времени. По шиитскому преданию, когда он вернется в качестве мессии, начнется «царство истины и справедливости».

Следует отметить, что все имамы были родом из Медины в Саудовской Аравии, за исключением имама Али, который был рожден в Мекке в Каабе. В основном они погребены в Саудовской Аравии и Ираке. На территории Ирана находится лишь захоронение восьмого имама Али ар-Рида, который похоронен в гробнице имама Риды в городе Мешхед в Иране.

Существует ряд различий в религиозных правилах и традициях между шиитами и суннитами. Оба направления почитают пророка Мухаммеда как последнего пророка и посланника Аллаха. Как было отмечено выше, шииты почитают также двенадцать имамов и Али ибн Абу Талиба – как преемника пророка Мухаммеда, четвертого праведного халифа и первого из 12-ти имамов. Согласно шиитской традиции, все имамы должны происходить из рода имама Али, также почитаются все его родственники. Других трех праведных халифов – Абу Бакра, Умара ибн аль-Хаттаба, Устана ибн Афана они не признают. Сунниты, в свою очередь, признают всех четырех праведных халифов. Однако мусульмане-сунниты не относятся к имамам с таким благоговением, считая их лишь лидерами мусульманских общин и руководителями мечетей. Шииты же воздают особое почитание имамам как посредникам между Аллахом и верующими, которые получили свои достоинства благодаря божественному повелению. Для шиитов имам – духовный лидер и избранник пророка, его представитель на земле. Шииты совершают паломничество (хадж) не только в Мекку, но и к могилам 11-го и 12-го имамов, которые считаются святыми.

Существует легенда, по которой у имама Али – семь могил, поскольку хоронившие его люди видели вместо одного верблюда с его телом – семь верблюдов. Сунниты рассматривают имама Али лишь как последнего из четырех праведных халифов.

Среди религиозных обрядовых различий следует отметить, что шииты совершают намаз три раза в день, в отличие от суннитов, которые его совершают пять раз в день. Восприятие ислама также имеет некоторые различия у двух ветвей ислама. Священный Коран и Сунна являются Священным Писанием для мусульман всех толков, при этом шииты признают святыми изречения (хадисы) пророка Мухаммеда и слова имамов. В Коран шииты добавили суру «Два светила» о божественной связи пророка Мухаммеда и халифа Али, а из хадисов Сунны признаются только те, авторами которых являются Али и его последователи. Считается, что халиф и имам Али и его потомки имеют божественную природу, поэтому их претензии на власть неоспоримы. Коран в Иране читают на арабском языке с подстрочным переводом на фарси.

К пяти столпам суннитского ислама относятся: декларация веры, молитва, пост, благотворительность и паломничество. В шиизме пятью столпами веры считаются монотеизм, вера в божественное правосудие, вера в пророков, вера в имамат (божественное лидерство) и вера в Судный день [13].

Большинство шиитских мечетей украшено в цвета, которые имеют свою религиозную символику: зеленый – любимый цвет пророка Мухаммеда и имама Али; синий – небесный; бежевый – символ мира и белый – символ духовной чистоты. В мозаике мечетей запечатлены зашифрованные имена Аллаха и имама Али. В шиитских мечетях нередко можно увидеть также изображения людей и животных, что у суннитов категорически запрещено. Почитают шииты гробницы святых людей. В мечетях можно встретить портреты двух Великих аятолл – Рухолла Мусави Хомейни и Сейед Али Хосейни Хаменеи.

Святыми центрами шиизма считаются Мекка (в Саудовской Аравии), города в Ираке – Кербела, Неджеф и Каземейн. Главным святым городом в Иране является Мешхед, где находится гробница восьмого шиитского имама Али-ар-Резы. Почитаются также город Кум (гробница сестры имама Резы Фатимы). В XX веке Кум был избран мусульманским духовенством центром шиитского богословия. В Университете исламского богословия имени аятоллы Хомейни подготавливают мулл высокого положения. Здесь расположена также одна из важнейших библиотек Ирака и всего исламского мира – библиотека мусульманского богослова аятоллы Мараша Наджафи, которая насчитывает более 250 тыс. книг и рукописей, возраст некоторых из них составляет 1000 лет.

Календарь в Иране ведет свое летосчисление от хиджры (переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г.), но основывается, в отличие от классического исламского календаря, на солнечном годе. Современный официальный календарь делится на две части – григорианский календарь и календарь солнечной хиджры. Так, 2019–2020 гг. приходятся на 1398 год солнечной хиджры. В Иране нередко можно встретить календари в трех летосчислениях – иранском, григорианском и арабском. Одним из главных праздников в Иране считается Навруз – «персидский Новый год», который ведет свою историю от зороастрийских верований.

По некоторым данным сунниты в странах Ближнего Востока считают шиитов не истинными мусульманами, тогда как шииты обвиняют суннитов в чрезмерном догматизме, который становится плодородной почвой для появления исламского экстремизма.

В первой половине XX века в Иране произошли знаменательные политические события, которые повлияли на общую судьбу страны, в частности, т.н. «Белая революция» 1963 г., которая представляла собой проведение ряда социально-экономических и аграрных реформ шахом Ирана Мохаммедом Резой из династии Пахлеви. Главной целью реформ было преодоление феодальных пережитков, вестернизация, деисламизация и интеграция страны в мировую капиталистическую систему. Эти преобразования проводились при поддержке западных стран и США, что привело к недовольству господствующей элиты в Иране. Шах пошел на крайние меры – распустил Меджлис (парламент), и реформы проводились на основе его прямых декретов. Все это привело к резкой радикализации иранского общества, отвергнувшего западный путь развития и западные ценности, и затем – к Исламской революции 1979 г.

В результате к власти в Иране пришли представители духовенства «шиитов-двунадесятников» во главе с аятоллой Хомейни, которые упразднили монархию и провели народный референдум о новом политическом устройстве. 1 апреля 1979 г. была провозглашена Исламская Республика Иран [18].

Это событие стало одним из ключевых в «исламском мире» и имело большое историческое значение. Впервые на Ближнем Востоке появилось исламское шиитское государство с богатыми углеводородными ресурсами, создание которого отразилось на неформальном лидерстве Саудовской Аравии как духовного центра всех мусульман.

В 1979 г. духовным лидером страны стал Великий аятолла Рухолла Мусави Хомейни. «Аятолла» является почетным званием шиитских

богословов, имеющих право самостоятельно принимать решения по вопросам исламского права на основе джафаритской правовой школы (мазхаба). Во время исламской революции в Иране насчитывалось 30 аятолл. Аятолла считается духовным авторитетом, должен обладать выдающимися морально-нравственными качествами, а также быть экспертом в исламоведении, юриспруденции, философии и этике. Он считается также представителем «Скрытого имама» (Мухаммада аль-Махди) до его возвращения. Кроме того, существует высший духовный титул – «Великий аятолла». Первым этот титул получил Сейид Хоссейн Боруджери (Иран, умер в 1961г.), который считается одним из последним «наместником имама» на земле и «источником подражания». Этот титул носил Сейид Рухолла Мостафави Мусави Хомейни, или Имам Хомейни (Иран, умер в 1989 г.), лидер Исламской революции 1979 г. и Верховный руководитель Ирана с 1979 по 1989 гг. Он был учеником Сейиила Хоссейн Боруджери. К числу Великих аятолл принадлежали Хосейн-Али Монтазери (Иран, умер в 2009 г.), Али Хаменеи (Иран), Садик Ширази (Иран), Макарем Ширази (Иран), Юсеф Саанеи (Иран), Али Систани (Ирак) и ряд других религиозных деятелей. Большинство аятолл проживают в Иране, Ираке и Ливане [1].

Высшим руководителем страны, главой государства и духовным лидером с 1989 г. является Великий аятолла Сейед Али Хосейни Хаменеи, один из ближайших соратников лидера Исламской революции Великого аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни. В период с 1981 по 1989 гг. он был президентом Ирана. Эта высшая государственная должность в Иране установлена в соответствии с политико-правовой доктриной «Велаят аль-факих» («государство просвещенных»). Согласно этой доктрине в эпоху «Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди» руководство шиитами осуществляется компетентными шиитскими богословами-законооведами – факихами и муджтахидами, передающими изречения (хадисы) пророка Мухаммеда и имамов Ахл аль-Бейт.

В Иране в государственных, религиозных и общественных местах распространены портреты двух Великий аятолл – Рухолла Мусави Хомейни как лидера Исламской революции 1979 г. и Сейед Али Хосейна Хаменеи как действующего духовного лидера страны. В пригородах Тегерана на кладбище Бехеште-Захра находится огромный мавзолейный комплекс – памятник-усыпальница Хомейни как лидера исламской революции и первого высшего руководителя Ирана. В нем также захоронены его жена Хадижа, сын Ахмат и соратник Али Ак-

бар Хашеми Рафсанджани. В июне 2017 г. у мавзолея был совершен террористический акт, когда один из нападавших привел к действию пояс смертника, в результате чего погибли 12 человек. Ответственность за него взяла на себя террористическая организация ИГИЛ¹, но в Иране обвинили в этом Саудовскую Аравию.

Шиитский ислам в Иране сформировался в качестве формы национального вероисповедания и стал частью народного самосознания, это придало ему религиозную самобытность в мусульманском мире.

Сегодня большинство шиитов проживают в Иране, Ираке, Сирии, Ливане и Бахрейне, образуя на карте мира так называемый «шиитский полумесяц».

Согласно Конституции Исламской Республики Иран в стране признаются религиозные меньшинства – зороастрийцы, иудеи и христиане. Они могут иметь свои храмы и школы, однако им запрещено заниматься миссионерской деятельностью.

Появление первых иудейских общин на территории Древней Персии многие исторические источники относят к VIII в до н.э., когда иудеи были уведены в ассирийский плен. Известно, что Иудея входила в состав державы Ахеменидов. А в 538 г. до н.э. был издан декрет персидского царя Кира I (Великого), который разрешал евреям вернуться на родину, однако многие предпочли остаться на чужбине. О существовании еврейских общин в Иране говорится в одной из книг Ветхого Завета, книге «Эсфирь» (на ивр. Эстер). В иранском городе Хамадан находится мавзолей Эстер и Мордохая. По ветхозаветной легенде, Эстер (иудейка) стала женой персидского царя Артаксеркса, и ей удалось победить могущественного царедворца Амана, задумавшего истребить иудеев. В результате он был казнен, а иудеи получили невиданные льготы. В честь этой победы иудеи ежегодно отмечают праздник Пурим. По традиции иудеи Ирана приходят поклониться гробнице Эстер и ее дяди Мордохая в Хамадане.

Термин «персидские евреи» изначально применялся к афганским и бухарским евреям, которые до начала XVI в. составляли единую общину евреев Ирана, Афганистана и Средней Азии, говорящих на еврейско-иранском языке. Позднее эта община распалась на две части: еврейскую общину Ирана и еврейскую общину Средней Азии и Афганистана с последующим делением в XVIII веке.

По разным оценкам, численность иудейского населения в Иране составляет от 25 до 30 тыс. верующих, которые проживают в Тегеране, Ширазе, Исфохане, Керманшахе, Йезде, Кермане, Рафсанджане,

¹ Запрещена в Российской Федерации.

Боруджерде и других городах. К иудеям в Иране относятся уважительно как к религиозному меньшинству и «народу Писания», т.е. «народу Ветхого Завета». Иудеи были успешными торговцами и имели хорошие связи на Ближнем Востоке и в Европе.

Всего по стране насчитывается более 30 синагог, из которых большая часть (16 синагог) находятся в Тегеране. Самой старой из них является синагога Хадаш, основанная первыми еврейскими поселенцами. Она отличается самобытным архитектурным и декоративным стилем. Крупнейшей синагогой считается синагога Юсеф Абал (официальное название – Сукат Шалом) в Тегеране, которая была отстроена в начале 1950-х гг. Ее строительство было обусловлено ростом еврейского населения страны. В 2003 г. президент Мохаммад Хатами посетил эту синагогу, став первым президентом Ирана, совершившим такой визит со времен Исламской революции.

Иранские иудеи принадлежат в основном к сефардам из Испании и евреем-ашкенази из Европы. Большая миграционная волна иудеев в Иран из стран Европы была отмечена после Первой мировой войны. Сегодня иудеи имеют свои школы в Тегеране и Ширазе. Еврейская молодежь в Иране проходит обучение в государственных и частных высших учебных заведениях страны. Большинство персидских евреев проживает сегодня в Израиле, США и Иране (Тегеран, Исфахан, Шираз). Еврейская община Ирана является крупнейшей среди исламских стран.

Официальные власти Ирана проводят политику терпимости к евреям и нетерпимости к сионизму, т.е. оправдания существования государства Израиль. Иудеев в иранском парламенте Меджлис представляет один депутат. Бывший восьмой президент Израиля Моше Кацав происходил из иранских евреев.

Христиане в Иране относятся к самому многочисленному религиозному меньшинству страны и составляют, по разным оценкам, от 300 до 370 тыс. чел. По преданию, первым христианским миссионером на территории Ирана был Апостол Фома.

Первые христиане появились в Персии не позднее II века н.э. Главным образом, христианство в Иране представлено Древневосточными церквями (Ассирийская церковь и Армянская апостольская церковь) и Халкидонским православием (Антиохийская православная церковь и Русская православная церковь). Помимо этого, существуют немногочисленные общины протестантов, англикан, адвентистов седьмого дня и пятидесятников.

Христиане в Иране обладают определенной свободой вероисповедания: они могут употреблять нехалальную пищу и ал-

когольные напитки (только внутри общины). Кроме того, они имеют представителя в Парламенте страны (Меджлисе). При этом, христианам запрещено вести службы на персидском языке, строить новые храмы и заниматься миссионерской деятельностью.

Крупнейшей христианской конфессией в Иране считается Армянская Апостольская церковь. Наибольшее количество армян проживает в городе Новая Джульфа (провинция Исфахан). Здесь находятся 13 армянских церквей, один кафедральный собор Вонк и одно армянское кладбище, которые были построены в первой половине XVII века. На территории кафедрального собора находится Мемориал в память о геноциде армянского народа в 1915 г. Среди наиболее посещаемых следует отметить Вифлеемскую церковь, возведенную в 1628 г. Армянская церковь имеет два депутатских места в Меджлисе Ирана, а ассирийская – одно.

В целом отношение официальных властей к христианским общинам неоднозначно. Так, протестанты подозреваются в прозелитизме. С одной стороны, они официально признаны Тегераном, однако иранские чиновники считают их богоотступниками, работающими под прикрытием Запада. Евангелизм считается формой инакомыслия в христианстве, связанной с Западом и сионизмом, что направлено против существующего исламского режима в Иране. В 2011 г. мэр Тегерана Мортеза Тамадон назвал евангельские церкви «лживыми, аномальными и коррумпированными сектами» [6]. Нередко христиане обвиняются в поддержке политической оппозиции и «агрессивном миссионерстве», которое осуществляется странами Запада [16].

В Конституции Ирана указывается, что государственные должности, включая высшие государственные посты и должности судей, могут занимать только мусульмане. Иранский уголовный кодекс предусматривает более тяжелые наказания для христиан за совершаемые преступления. По данным международной благотворительной организации Open Doors за 2012 г., Иран занимал пятое место в списке стран, где нарушаются права христиан.

В отношении Русской Православной церкви ситуация более спокойная. К русским православным верующим в Иране отмечается довольно уважительное отношение, беспрепятственно совершаются богослужения. Первый православный русский священник появился в Иране в 1597 г. Инициатива создания в Персии Русской Православной церкви принадлежит Петру I, который предложил персидскому

шаху Солтану Хусейну открыть в Иране православные храмы. Торговые отношения между нашими странами активно развивались, и многочисленным русским послам и купцам необходим был храм для отправления своих религиозных обрядов. С 1735 г. и вплоть до начала русско-иранской войны (1804–1813 гг.) в русских консульствах в Исфахане и Реште были открыты домовые храмы. В 1864 г. император Александр II назначил первого постоянного посольского священника в Тегеране, а в 1886 г. был построен Храм Святого Александра Невского (в резиденции российского посла) [17].

По некоторым данным, до начала Первой мировой войны в Персии было более 50 православных храмов. Сегодня Русская Православная церковь Московского Патриархата представлена в Иране тремя храмами – Свято-Николаевским собором в Тегеране (построен в 1945 году на деньги русских эмигрантов), Свято-Николаевской церковью в городе-порте Энзели (освящена в 2008 году) и Свято-Троицкой церковью на русском православном кладбище в Тегеране (построена в 1908 году). В числе прихожан православных церквей – потомки русских эмигрантов, наши соотечественники, работники российских загранучреждений и бизнесмены [9].

Начало диалога Московского Патриархата с шиитским духовенством связано с визитом в 1995 г. в Иран митрополита Смоленского и Калининградского, ныне Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В то время решался вопрос перехода Свято-Николаевского собора в Тегеране в юрисдикцию Московского Патриархата. В конце 2010 г. в Тегеранском университете состоялась встреча, на которой был представлен документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (переведен на фарси). Иранские представители отметили сходство позиций РПЦ и исламских лидеров Ирана по отношению к вызовам современности [11].

Наряду с тем что Иран остается исламским государством шиитского толка, страна сохраняет за собой статус многонационального государства с богатейшим историко-религиозным наследием, входящим в цивилизационное наследие всего человечества. Религиозный ландшафт страны составляют, помимо мусульман-шиитов, представители других мировых религий, которые исторически связаны с судьбой этой мусульманской страны. Их присутствие в Иране представляет уникальное историко-религиозное наследие страны и является своего рода «барометром» религиозно-политического климата страны, которая занимает одно из важных стратегических мест на Ближнем Востоке.

Список литературы

1. Али-заде А.А. Аятолла // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007.
2. Астапов С.Н., Бурлуцкая Е.В., Бурлуцкий А.Н. История религий: учеб. пособие. – М.: Академцентр, 2017.
3. Башни молчания в Иране // Окружающий мир. – Режим доступа: https://infmir.ru/articles/iran_yazd_tower/ (дата обращения: 11.03.2019).
4. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. – М.: Наука, 1988.
5. Более 14 млн паломников побывали в священном иракском городе Кербеле // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20120114/539161922.html> (дата обращения: 12.03.2019).
6. Европарламент обеспокоен ситуацией с христианами в Иране // Православие. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/44789.html> (дата обращения: 14.03.2019).
7. Зороастризм в Иране: от зарождения к возрождению // Иран сегодня. – Режим доступа: <http://iransegodnya.ru/post/view/2627> (дата обращения: 10.03.2019).
8. Игнатенко А. Расколота умма в ожидании Судного дня // Отечественные записки. – 2003. – № 5.
9. История русского православия в Иране // Россия в красках. – Режим доступа: <http://ricolor.org/rz/iran/mp/2/> (дата обращения: 14.03.2019).
10. Международный день Навруз / ЮНЕСКО. – Режим доступа: <https://ru.unesco.org/commemorations/nowruz> (дата обращения: 10.03.2019).
11. Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/society/2011-03-16/4_iran.html (дата обращения: 15.03.2019).
12. Осанов И.В. Иран. Исторический путеводитель. – М.: Вече, 2014.
13. Отличия между шиитами и суннитами / Euronews. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2016/08/01/the-difference-between-shia-and-sunni-explained> (дата обращения: 12.03.2019).
14. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966.
15. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Международные отношения, 2001.
16. Равны ли религии в Иране? // Православие и мир. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/ravny-li-religii-v-irane-intervyu-s-poslom-irana-v-rossii-mneniya-ekspertov/> (дата обращения: 14.03.2019).
17. Свято-Николаевский Собор и православное кладбище в Тегеране // Блог Резы Саджади. – Режим доступа: <https://sajjadi.livejournal.com/178815.html> (дата обращения: 14.03.2019).
18. Ша'бани Риза. Краткая история Ирана. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
19. Энциклопедический словарь. Ислам. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
20. ЮНЕСКО. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 10.03.2019).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Колосова Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: tenagadalam@yandex.ru

Irina V. Kolosova,

PhD in Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: tenagadalam@yandex.ru

«ВОДНАЯ ОДИССЕЯ» ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

THE CENTRAL ASIA WATER ODYSSEY

Аннотация: статья посвящена вышедшей в свет монографии «Водные ресурсы в Центральной Азии: международный контекст» под редакцией проф. С.С. Жильцова. В ней изложены основные положения книги, рассматривающей комплекс водно-энергетических проблем региона. Кратко отражены международно-правовые основы регулирования споров в области водопользования, рассмотрены отдельные аспекты сотрудничества и соперничества стран региона за водные ресурсы. Указывается на необходимость повышения роли политических переговорных механизмов для эффективного решения проблемы использования трансграничных водных ресурсов.

Ключевые слова: Центральная Азия, трансграничные водные ресурсы, водно-энергетический кризис, Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК), ЕЭК ООН, Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), Международный фонд спасения Арала (МФСА).

Abstract: the article concentrates on the recently published study “Water Resources in Central Asia: International Context” edited by professor S.S. Zhiltsov. It outlines main theses of the book which tackles the complex of regional water-energy issues. It briefly describes international legal basis for settlement of disputes in the field of water management as well as modalities for co-operation and rivalry of the states of the region for water resources. It stresses the necessity for enhancement of the role of political negotiating mechanisms for the effective solution of the transboundary water resources issues.

Key words: Central Asia, transboundary water resources, water-energy crisis, Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia (ICWC), UNECE, the United Nations Special Program for the Economies of Central Asia (SPECA), International Fund for Saving the Aral Sea (IFSA).

Международная издательская компания «Шпрингер» выпустила в свет коллективную монографию «Водные ресурсы в Центральной Азии: международный контекст» (Water Resources in Central Asia:

International Context») под редакцией доктора политических наук, профессора С.С. Жильцова. Книга, изданная на английском языке, является первой из серии монографий «Шпрингера», посвященных проблеме водных ресурсов в регионе [1].

Находясь в самом сердце Евразии, на стыке транспортных коридоров, Центральная Азия представляет собой перекресток цивилизаций, мост между Востоком и Западом. Обладая природными ресурсами мирового значения, прежде всего углеводородным сырьем, регион играет важную роль в мировом политическом и экономическом процессах, являясь ареной соперничества различных геополитических и геоэкономических проектов, выдвигаемых мировыми и региональными центрами силы.

Водно-энергетические отношения в Центральной Азии неотделимы от вопросов региональной стабильности и экономического роста. Остро стоящая проблема использования трансграничных водных ресурсов является одним из конфликтных узлов региона [1, р. 2–7]. В связи с этим ее исследование представляет чрезвычайную актуальность и практическое значение. Как стратегически важный ресурс, вода в Центральной Азии выступает в качестве фактора политического влияния, одновременно являясь причиной конфликтов и соперничества стран региона.

Монография состоит из семнадцати глав, в которых раскрывается роль водного фактора в развитии Центральноазиатского региона, исследованы международно-правовые основы регулирования споров в области водопользования, отражены отдельные аспекты сотрудничества и соперничества стран региона за водные ресурсы. Подробно проанализирована политика США, Германии, Китая, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Афганистана в Центральной Азии в вопросах, которые связаны с использованием водно-энергетических ресурсов.

Авторы исследуют причины, способствовавшие возникновению конфликтов интересов государств региона на трансграничных реках. Две крупнейшие водные артерии Центральной Азии – Сырдарья и Амударья – берут свое начало в горах Памира и Тянь-Шаня. На них приходится большая часть используемой в регионе воды. В советский период управление водными ресурсами Амударьи и Сырдарьи носило централизованный характер: система водного хозяйства была ориентирована на обслуживание экономических интересов региона как единого хозяйственного комплекса [1, р. 19–22].

Основные запасы воды были сосредоточены на территории республик верхнего течения – в Киргизии и Таджикистане. Они обеспечивали водой расположенные в нижнем течении трансграничных рек Узбекистан, Казахстан и Туркменистан для развития там орошаемого земледелия, получая взамен плановые поставки энергоресурсов.

После распада СССР регион лишился централизованной системы управления водами трансграничных речных бассейнов. С момента обретения независимости центральноазиатские государства столкнулись с водно-энергетическим кризисом, который был связан с усилением противоречий между аграрным и энергетическим использованием трансграничного водостока. Возникли трудности в сопоставлении топливно-энергетических и водных ресурсов, которые страны по-прежнему предполагали обменивать. При этом национальные законодательства государств региона стали позиционировать воду в качестве ресурса, которым страна может распоряжаться по своему усмотрению. В итоге растущий дефицит воды и стремление государств использовать водные ресурсы исключительно для удовлетворения национальных интересов спровоцировали рост политической и экономической напряженности в Центральной Азии. Проблема стабильного доступа к водным ресурсам рассматривается странами региона в контексте обеспечения национальной безопасности. Кроме того, перспективы увеличения водозабора в интересах Китая и Афганистана придают дополнительную остроту существующим проблемам регионального водопользования.

Авторы констатируют, что обострению ситуации способствует целый ряд факторов. Во-первых, это комплексный характер проблемы, которая, помимо столкновения разнообразных политических и экономических интересов, имеет водно-энергетическое, продовольственное и экологическое измерения. Во-вторых, это увеличение численности населения в регионе, что потребует дополнительных объемов водных ресурсов, электроэнергии и продовольствия. Если в 2011 г. количество населения в Центральной Азии составляло 61,5 млн человек, то с учетом стабильного прироста населения к 2030 г. оно может возрасти до 74,6 млн человек и достигнуть 90 млн человек к 2050 г. Казахстан и Узбекистан имеют наибольшую среди государств региона численность населения. Эти страны располагают крупными запасами нефти, газа и других ресурсов и являются наиболее промышленно развитыми в регионе. Однако, располагаясь в нижнем течении, они оказались в «заложниках» у стран верхнего течения – Киргизии и Таджикистана, которые фактически контроли-

руют основные трансграничные водотоки. В-третьих, это глобальное потепление и региональное изменение климата. За последние полвека площадь ледников – источников питания Сырдарьи и Амударьи – сократилась на 40 %. К 2050 г. объем речного стока в бассейнах этих рек предположительно сократится до 10–30% [1, р. 269–270].

Будущее устойчивое развитие региона зависит от наличия чистой питьевой воды. Однако в связи с активным таянием ледников, малоснежными зимами и ростом демографической нагрузки природная среда не сможет обеспечить естественное возобновление водных ресурсов в требуемом объеме. Для решения проблемы потребуются специально разработанные международные механизмы регулирования водопользования в регионе.

История установления и развития международных институтов, регулирующих управление водными ресурсами в Центральной Азии, демонстрирует их неспособность адаптироваться к происходящим в регионе политическим и социально-экономическим процессам. Соглашения по международным водотокам должны предусматривать меры, обеспечивающие обязательное выполнение условий заключенных договоров, а также содержать детально проработанные механизмы разрешения конфликтов в случае возникновения споров по проблеме использования трансграничных водных ресурсов.

Как отмечают авторы книги, правовой режим управления водными ресурсами Центральной Азии не сформирован. Ввиду отсутствия единых международно-правовых норм по использованию трансграничных водных ресурсов, государства региона ориентируются на разные правовые модели регулирования. Выдвигаемые той или иной стороной инициативы по разрешению узловых проблем в сфере использования трансграничных водных ресурсов нередко воспринимаются другими сторонами как попытки закрепить свое преимущественное положение по отношению к ограниченным гидроресурсам. Задача сближения позиций центральноазиатских государств в сфере водопользования неразрывно связана с разработкой эффективных моделей развития экономики каждой страны и региона в целом [1, р. 25–60].

В феврале 1992 г. в Казахстане пятью центральноазиатскими государствами было подписано Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Этим Соглашением была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВКА), на которую возлагаются

функции управления трансграничными водными ресурсами на основе принципов коллегиальности и взаимного уважения интересов сторон и проведения согласованной политики водосбережения.

В марте 1993 г. в Кызыл-Орде было принято «Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона», учредившее на территории Узбекистана Межгосударственную комиссию по устойчивому развитию стран Центральной Азии (МКУР). В задачи МКУР входит систематизация информации об экологическом, социально-экономическом состоянии в бассейне Аральского моря и разработка рекомендаций по оздоровлению и стабилизации экологической и социальной обстановки, экономическому и научно-техническому развитию в странах Центральной Азии.

Соглашениями 1993 и 1999 годов были утверждены статус, структура и компетенции Международного фонда спасения Арала (МФСА). Главной функцией МФСА является финансирование и кредитование совместных практических действий, перспективных программ и проектов спасения Арала, экологического оздоровления Приаралья и бассейна Аральского моря с учетом интересов всех государств-учредителей [1, р. 43–50].

Будучи неспособными самостоятельно разрешить водную проблему, государства Центральной Азии возлагают надежды на международное посредничество. Однако столкновение присутствующих в регионе интересов мировых и региональных держав во многом препятствует результативности работы международных организаций в решении водной проблемы.

Важный вклад в совершенствование международно-правовых рамок трансграничного водного сотрудничества вносит Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) ООН. ЕЭК выполняет функции секретариата для пяти экологических конвенций, таких как: Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Конвенция по трансграничным водам, 1992 г., Хельсинки), Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. (Женева), Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. (Эспоо), Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Конвенция о промышленных авариях, 1992 г., Хельсинки), а также Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по во-

просам, касающимся окружающей среды, 1998 г. (Орхусская конвенция).

На платформах рамочных конвенций ЕЭК ООН содействует международному диалогу и обмену опытом в области охраны трансграничных водных ресурсов. Следование положениям конвенций позволит обеспечить долгосрочное сотрудничество государств региона в единых международно-правовых рамках с поддержкой институциональных механизмов ООН. Безусловно, конвенции ЕЭК не могут предложить готовых решений с учетом специфики проблем Центральной Азии, однако они выступают в качестве правовой основы для многосторонних и двусторонних соглашений в данной сфере.

Вместе с тем, как отмечают авторы монографии, не все государства Центральной Азии являются подписантами данных конвенций [1, р. 268–269]. В частности, из всех стран региона участниками Конвенции по трансграничным водам 1992 г. являются только Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Казахстаном была подписана Конвенция о промышленных авариях. Киргизия и Казахстан участвуют в конвенции, подписанной в Эспоо, а в рамках Орхусской конвенции взаимодействуют Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан. В зависимости от участия или неучастия в рамочных конвенциях страны Центральной Азии демонстрируют различное понимание и трактовки международного водного права.

ЕЭК ООН совместно с Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) ООН разработали Специальную программу ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), в рамках которой была принята Стратегия рационального и эффективного использования водно-энергетических ресурсов региона. Цель стратегии заключается в развитии ключевых направлений сотрудничества стран региона в сфере совместного водопользования, сохранении и улучшении состояния водных экосистем. Проект предполагает внедрение экономических механизмов регулирования в целях рационализации использования трансграничных водных ресурсов.

Тематические дебаты по водной проблеме бассейна Аральского моря регулярно проводятся Генеральной Ассамблеей ООН. Водные проекты в Центральной Азии также реализуются в рамках ПРООН.

Отдельное внимание авторы исследования уделяют участию Всемирного банка в развитии региона и решении водных проблем [1, р. 50–54]. В поддержку регионального энергетического и водного сотрудничества Всемирным банком была инициирована комплексная Центрально-Азиатская Программа развития энергетических

и водных ресурсов (CAEWDP). В задачи программы входит содействие странам региона в принятии решений по управлению водными и энергетическими ресурсами, повышение устойчивости к изменению климата, координация вклада донорского сообщества и стимулирование инвестиций для оказания технической поддержки проектам водного сотрудничества. Среди задействованных доноров – Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский банк развития, Фонд Ага Хана и другие организации, а также ряд государств, в числе которых Германия, Швейцария, Великобритания и США.

Исследования перспектив водно-энергетического диалога, проводимые Всемирным банком при содействии Исламского банка развития, указывают на наличие у стран региона, расположенных в верховьях течений, значительного потенциала экспорта электроэнергии в страны Южной Азии. Всемирный банк также рассматривает вопросы поставок электроэнергии из Узбекистана в Афганистан и Пакистан.

Банк оказывает поддержку в реализации проектов не только на региональном, но и на национальном уровне. В частности, в Узбекистане он содействует реализации Проекта управления водными ресурсами в Ферганской долине, а в Киргизии и Таджикистане инициировал проект по совершенствованию гидрометеорологии. Предложив финансирование модернизации Нурекской ГЭС в Таджикистане, Банк, однако отказался продолжать поддержку Рогунской ГЭС, строительство которой Таджикистан стремился форсировать. В связи с этим вопрос о дальнейшей спонсорской помощи проекту остается открытым.

Заметную финансовую поддержку водным проектам в Центральной Азии оказывает Азиатский банк развития (АБР), членами которого являются все государства региона. Программный документ Банка «Вода для всех: политика Азиатского банка развития в сфере водных ресурсов» фокусируется на вопросах содействия укреплению региональных институтов в водохозяйственной сфере и четком определении мандатов этих институтов.

Авторы констатируют, что, с одной стороны, присутствие в регионе значительного количества международных организаций и разнообразие инвестируемых ими проектов призвано препятствовать обострению водного конфликта в регионе, с другой стороны, оно, напротив, способствует диверсификации интересов государств региона, что нередко выражается в их стремлении с помощью инвестиций

добиться укрепления своих позиций при решении проблемы водопользования [1, р. 59–60].

Авторы монографии отмечают, что значительное влияние на ситуацию в регионе оказывают США. В 2015 г. Агентство США по международному развитию (АМР США) осуществило запуск новой Стратегии регионального сотрудничества в области развития. Она рассчитана на пять лет, и в фокусе ее внимания находятся национальные и региональные аспекты энергетической безопасности и управления водными ресурсами. За последние двадцать лет АМР США инвестировало в Центрально-Азиатский регион более двух миллиардов долларов на грантовой основе [1, р. 121–132].

Регион стабильно находится в фокусе внимания Евросоюза. Среди стран ЕС авторы выделяют ключевую роль Германии в укреплении центральноазиатского направления внешней политики Евросоюза. Во время своего председательства в ЕС Германия инициировала принятие новой развернутой Стратегии партнерства Европейского Союза и Центральной Азии на 2007–2013 гг. В документе, в частности, отмечается важность сотрудничества в сфере водных ресурсов. В 2008 г. Германия выдвинула собственную «Водную инициативу для Центральной Азии», в которой были предложены шаги по развитию германо-центральноазиатской программы по трансграничному управлению водными ресурсами [1, р. 133–152].

В книге рассматривается проблема недостаточного обеспечения пресной водой Китая, в связи с чем последний стремится осуществить гидротехническое «наступление» в Центральную Азию. Отмечается, что между КНР и соседним Казахстаном в течение многих лет ведутся дискуссии по вопросам эксплуатации вод трансграничных рек. В частности, более трети водных ресурсов трансграничной реки Или, которая берет свое начало на территории Китая (она, в свою очередь, является третьей по величине рекой в Казахстане), разбирается для оросительных нужд на китайской территории. Это уже повлекло за собой обмеление озера Балхаш, расположенного на юго-востоке Казахстана [1, р. 153–168].

Авторы не обходят вниманием и водную политику Афганистана в Центральной Азии, на территории которого берет свое начало крупнейшая трансграничная река Центрально-Азиатского региона Амударья. В течение длительного времени в связи с военным конфликтом, интересы Афганистана в водной области попросту не учитывались. Страна до сих пор не участвует в трансграничных соглашениях по управлению водными ресурсами. Однако в случае стабилизации

внутренней экономической ситуации в Афганистане встанет вопрос обеспечения продовольственной безопасности страны за счет роста орошаемых сельскохозяйственных угодий. Для этого потребуется увеличение объемов используемой воды стока Амударьи, что будет иметь серьезные последствия для межгосударственных отношений Афганистана со странами Центрально-Азиатского региона [1, р. 243–262].

Один из выводов, к которому приходят авторы, заключается в том, что проблема использования трансграничных вод в Центральной Азии по-прежнему не решена. Многочисленные попытки найти всеобъемлющее решение, которое удовлетворит интересам всех стран региона в условиях новой геополитической реальности, пока не дали своего результата. Между тем для достижения устойчивого развития региона потребуется создание единой платформы, на которой центральноазиатские государства смогут регулярно взаимодействовать. Для выработки эффективной стратегии решения водных проблем в Центральной Азии необходимо повысить роль политических переговорных механизмов [1, р. 263–276].

Россия заинтересована в стабильности региона и совершенствовании многостороннего управления водными ресурсами Центральной Азии. Российская сторона считает, что в основе решения данных проблем должен лежать учет потребностей каждого из государств. В связи с этим проведенное авторами комплексное исследование международного контекста водной проблемы в Центральной Азии может содействовать разработке дальнейшей политики России в регионе.

Монография написана увлекательно, живо и образно. Она представляет интерес как для специалистов, исследующих проблемы Центрально-Азиатского региона и мировых трансграничных водных ресурсов в условиях их нарастающего глобального дефицита, так и для широкого круга читателей.

Список литературы

1. Water Resources in Central Asia: International Context // The Handbook of Environmental Chemistry. 1st ed. / Editors: Zhiltsov S., Zonn I., Kostianoy A., Semenov A. 2018. – Vol. 85. – Springer Nature Switzerland AG. – 281 p.

Закаурцева Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: zta_da@yahoo.com

Tatiana A. Zakaurtseva,

Doctor of Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: zta_da@yahoo.com

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

V INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE XXI CENTURY: CHALLENGES AND PROSPECTS»

26 апреля 2019 года в Дипломатической академии МИД России состоялась V Международная научно-практическая конференция «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы». Участниками мероприятия стали ведущие российские и зарубежные ученые, политологи, эксперты в области международных отношений, руководители международных организаций, а также представители оборонных ведомств и дипломатического корпуса.

За последние годы конференция, организованная Дипломатической академией МИД России, прочно утвердилась в качестве востребованной площадки для профессиональных дискуссий по целому спектру актуальных проблем современных международных отношений и поиска оптимальных путей их решения.

Пленарное заседание открылось обращением Ректора Дипломатической академии МИД России, кандидата исторических наук Михаила Григорьевича Троянского, после чего состоялась презентация докладов и выступлений.

Одним из важнейших вопросов конференции стала проблема ядерного противостояния, что вызвано решением США выйти из До-

говора о ракетах средней и меньшей дальности. Рост ядерной угрозы способствует как продолжающемуся процессу размывания Договора о нераспространении ядерного оружия, так и противоречащим международному праву санкционным мерам.

В ходе дискуссии были затронуты темы экологии, изменения климата, обострения проблемы организованной, в том числе трансграничной преступности, особенно наркотрафика, ставящие под угрозу жизнь молодого поколения. Особое внимание было уделено терроризму, трагические проявления которого наблюдались совсем недавно в Новой Зеландии и на Шри-Ланке. Такие проявления подпитываются неуклонным ростом разрыва уровня доходов, как между странами, так и на национальном уровне, который обусловлен во многом разрастающимся духовным кризисом, когда ценности человека становятся его материальным богатством.

На конференции обсуждались вопросы, посвященные средствам массовой информации, включая интернет, которые не всегда «сеют разумное, доброе, вечное», а часто являются способом распространения экстремистских и радикальных идеологий.

Директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД Российской Федерации А.В. Келин сосредоточился в своем выступлении на трансатлантическом измерении проблемы международной безопасности. Он отметил, что западные страны, прежде всего заокеанские, верят в собственную исключительность и предпочитают выстраивать новые механизмы сотрудничества при попытке укрепить свою гегемонию в рамках однополярного западнотрансатлантического мира. В результате опережающих темпов экономического развития отдельных стран появились новые центры силы, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В выступлении отмечалось, что изменения в структуре международных отношений не только не привели США и западный альянс к отказу от односторонних действий, но и усугубили стремление любой ценой сохранить доминирующие позиции, или так называемое «глобальное лидерство». А.В. Келин обратил внимание на то, что НАТО запустило несколько программ расширения на Восток с приближением своих инфраструктур к границам России и такое расширение на Западные Балканы негативно сказывается на стабильности в этом регионе.

По мнению А.В. Келина, в сфере глобальной европейской безопасности рушатся Договоры об ограничении систем противоракетной обороны и о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, на очереди – Договор о стратегических наступательных вооружениях.

Серьезную тревогу вызывает судьба основополагающего акта Россия – НАТО, особенно в свете ведущихся между Вашингтоном и Варшавой переговоров относительно развертывания крупного американского контингента.

В ходе дискуссии было отмечено, что инструментом давления США на зарубежных рынках являются нелегитимные односторонние санкции, которые противоречат принципу свободной и честной конкуренции, в результате чего страдают, прежде всего, торгово-экономические связи с Евросоюзом.

Участники конференции пришли к выводу о том, что значимым фактором международных отношений становятся информационные войны. Запад использует бездоказательные обвинения России (вмешательство в выборы США, применение химоружия на территории Великобритании) для решения собственных проблем и продвижения своих интересов. Главная тенденция состоит в том, что на основе фейковых информационных вбросов, которые используются в США во внутривнутриполитической борьбе, а в Великобритании – для отвлечения внимания от темы Брексита, принимаются реальные политические решения с серьезными последствиями.

Эксперты конференции пришли к согласию о том, что Евросоюз в обозримом будущем останется важнейшим партнером России, прежде всего в торгово-экономической сфере. Признаков готовности НАТО к пересмотру антироссийских установок не наблюдается. Альянс остается ключевым инструментом консолидации стран Запада и поддержания дисциплины в условиях кризиса европейских институтов. Что касается Совета Европы, Москва прилагает все возможные усилия для того, чтобы вернуть делегацию России в ПАСЕ для полноценного участия в работе.

В условиях, когда большинство международных институтов находятся в кризисе, объективно возрастает роль ОБСЕ. Организация играет важную роль в качестве площадки равноправного диалога и поиска решений общеевропейских проблем. Потенциал этой крупнейшей региональной организации далеко не исчерпан, и она обладает широким набором инструментов для снижения военной напряженности.

Кандидат военных наук, Председатель Совета ПИР-Центра в Москве, генерал-лейтенант запаса Е.П. Бужинский детально осветил вопрос ядерного противостояния. Военный эксперт уверен, что настоящая ситуация чрезвычайно серьезная и не вселяет надежд на то, что мир станет более стабильным и безопасным.

На пленарном заседании подчеркивалось, что выход Китая на мировую экономическую арену является важнейшим геополитическим изменением начала XXI века. Особенно впечатляющей является китайская программа по наращиванию своих военно-морских и военно-воздушных сил. Хотя Китай и отстает от США и РФ в технологической сфере, тем не менее дальнейшее развитие и модернизация вооруженных сил КНР существенно меняют стратегический баланс не только в Азии, но и на мировой арене.

По мнению военных экспертов, Россия, утратив ряд важных экономических и технологических позиций по сравнению с советским периодом, продолжает оставаться ядерной сверхдержавой, более того, РФ вступила в противоборство с США, отстаивая собственные интересы на политической арене. Ядерный потенциал Российской Федерации, а также наличие вооружений, которыми США пока не обладает – гиперзвуковое оружие, подводные дроны, лазерные комплексы.

Роберт Гершнер, кандидат философских наук, Полномочный Министр Посольства Австрийской Республики в Российской Федерации, сделал сообщение о государственном суверенитете Австрийской Республики и выразил мнение о проблемах и перспективах Европейского союза, а также о движении в сторону многополярного мира.

Предметно многие вопросы обсуждались в рамках тематических секций. Так, участники секции **«Международная безопасность: новые вызовы и угрозы»** обозначили ключевые характеристики мировой безопасности, заявили о необходимости укрепления и реформирования механизмов обеспечения международной безопасности с целью эффективного противостояния новым вызовам и угрозам.

Доцент кафедры международной и национальной безопасности ДА МИД России, кандидат исторических наук А.Ю. Малов определил круг вопросов, связанных с безопасностью космической деятельности, дал оценку вызовам и перспективам космической безопасности. Ричард Вайц, доктор наук, старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа Гудзонского университета, изложил свое видение перспектив и препятствий в вопросах по контролю вооружений, нераспространения и безопасности в отношениях России, Китая и США. Стефан Вульф, доктор наук, профессор по вопросам международной безопасности Университета в Бирмингеме, Великобритания, поделился опытом успешной работы по проведению операций ООН по поддержанию мира во время гражданских войн. Александр Ламберт, профессор, академический директор

(Женевский институт геополитических исследований, Швейцария) затронул вопрос расширения НАТО после холодной войны и его вовлечения в Общеευропейский диалог безопасности.

На заседании секции **«Современные международные отношения: теория и практика»** участники проследили трансформацию международных отношений в XXI веке, определили траекторию эволюции современной трансрегиональной архитектуры МО, рассмотрели теорию общечеловеческих ценностей в роли парадигмы международных отношений.

Аналитически насыщенной дискуссионной площадкой стала секция **«Мягкая сила» в мировой политике»**. Концептуальный стержень обсуждения – ресурсные возможности применения «мягкой силы» в глобальной политике. Предваряя выступления участников, модератор секции д.ист.н., профессор Дипломатической академии МИД России М.А. Неймарк обозначил особенности проблемного поля «мягкой силы» и ее соотносительности с «жесткой силой». Это позволило исходно обозначить концептуальные рамки обсуждения и сосредоточить внимание на наиболее острых проблемных узлах мировой политики.

Раскрывая данную проблематику, д.ист.н., профессор ДА В.И. Винокуров представил доклад «Современная дипломатическая служба: состояние и особенности функционирования», который послужил основой для расширенного обсуждения возможностей и перспектив «мягкой силы» в мировой политике. Были озвучены рекомендации и предложения, ориентированные на повышение эффективности деятельности российской дипломатии.

Член-корреспондент Академии военных наук, эксперт Лиги военных дипломатов А.А. Бартош анализировал функции внешней политики через призму стратегической культуры, которая выражается в особом, присущем данной стране и ее народу характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы и представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений.

В совместном докладе научного сотрудника МГИМО (у) МИД России А.В. Макарычевой и магистранта факультета международных отношений вуза Н.И. Еряшева было выявлено влияние социально-гуманитарных трансформаций, под которыми они понимают прежде всего вовлечение все большего количества людей в международные процессы и военно-политическую сферу мировой политики.

Энергетической дипломатии России на болгарском направлении посвятили свой доклад к.ист.н., профессор Дипломатической академии МИД России М.П. Торшин и аспирант ДА, сотрудник МИД России В.Ю. Солодкин. Они подчеркнули, что дальнейшее развитие энергодиалога России с Болгарией во многом зависит от взаимодействия на треках Россия – ЕС и Россия – США.

Африканский вектор российской дипломатии оказался в центре исследовательского внимания д.полит.н., профессора МГЛУ и Дипломатической академии МИД России Г.М. Сидоровой, которая наглядно, с глубоким знанием проблематики показала особенности эволюции внешнеполитической стратегии России в этом геополитически важном регионе.

В рамках стратегической триады «мягкой силы» «наука – культура – образование» исследован феномен научной дипломатии Италии к.филол.н., доцентом кафедры теории и истории международных отношений УрФУ К.М. Табаринцевой-Романовой.

Концептуальной насыщенностью и основательностью анализа привлек внимание доклад старшего преподавателя ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Громовой на тему «“Вымирающий вид” или “часть национального культурного наследия”: иранские СМИ о лингвистическом многообразии страны».

В свете «цветных революций» на Ближнем Востоке особую актуальность приобрело аналитическое рассмотрение проблемы восприимчивости к «мягкой силе» арабских государств, которая легла в основу доклада, представленного к.полит.н., старшим преподавателем Дипломатической академии МИД России А.А. Кашиной.

Участники секции **«Стратегические коммуникации и средства массовой информации»** высоко оценили роль международного взаимодействия в борьбе с новыми вызовами и угрозами и уделили внимание использованию в этих целях современных информационно-коммуникационных технологий. В рамках дискуссии были рассмотрены теоретические подходы и практический опыт коммуникационного обеспечения противодействия терроризму, современное состояние и перспективы стратегических коммуникаций в ЕС, пропаганда ИГИЛ в различных странах, применение искусственного интеллекта как новое измерение психологической войны и др.

В ходе заседания секции **«Региональная безопасность в новых политических реалиях»** участники поделились своим видением военно-политической ситуации в различных регионах, предложи-

ли меры по противодействию угрозам, а также обозначили подходы к построению архитектуры региональной безопасности.

Тон заседанию секции **«Внешняя политика современных государств»** под управлением модератора – д.полит.н., профессора Татьяны Владимировны Зоновой и при участии дискуссанта – д.полит.н., профессора Андрея Геннадьевича Шляхтунова – задал доклад д. филол. н., профессора Павла Афанасьевича Цыганкова, ставший заключительной частью пленарного заседания конференции.

П.А. Цыганков, чей вклад в развитие отечественной школы теории международных отношений трудно переоценить, в своем докладе «Внешняя политика как предмет теоретических исследований в современной отечественной науке» поставил вопрос о необходимости и возможности создания теории внешней политики как автономного знания. Отметив, что анализ внешней политики всегда был неотъемлемой частью работ видных ученых-международников (В.Г. Барановского, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева, А.И. Позднякова и др.), ученый выделил три основных этапа развития подхода к анализу внешней политики.

Итогом первого этапа, характеризовавшегося сочетанием цивилизационного и геополитического подходов, стали публикация четырехтомной хрестоматии «Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002» в 2002 г., создание «Валдайского клуба» и основание журнала «Международные процессы» в 2003 г.

На втором этапе, ознаменовавшемся созданием РСМД (Российского совета по международным делам) в 2010 г., к разработке дефиниции «национальный интерес» добавились попытки анализа глобализации, роли негосударственных участников в МО, феномена вторжения социального в сферу мировой политики, сопровождавшиеся идеями «отмирания государства», «размягчения суверенитета» и т.д. Итогом второго периода, в течение которого закрепилось отставание теории МО от реальности, П.А. Цыганков считает издание серии «Российская политическая наука: истоки и перспективы», где из 135 статей внешней политике был посвящен лишь 41 материал.

Наконец, третий этап ученый обозначил как этап деглобализации, роста влияния политического реализма, возврата к понятию национального интереса и в целом – возвращения в проблематике внешней политики, но уже в новом качестве. На этом, современном, этапе по-прежнему фиксируется отставание теории от реальности, а также остро стоит проблема создания общей теории. Помимо определения таких понятий, как «национальный интерес», «ценности», «на-

циональная безопасность», по мнению П.А. Цыганкова, необходимо решение ключевой проблемы содержания смыслообразующего понятия «внешняя политика», разработка которого может осуществляться в трех направлениях: как практические действия государства на международной арене, как результат соперничества во внутренней политике, а также как общий курс (или сумма взглядов).

Кроме теоретического сообщения, сформировавшего рамку дискуссии, шесть из восьми других докладов секции были посвящены европейской тематике, два – отдельным аспектам внешней политики США. Так, доцент Дипломатической академии к.ист.н. П.Ю. Цветов остановился на появившемся в стратегических документах администрации Дональда Трампа концепте «Индо-Тихоокеанского региона»: причинах его появления, реакции основных представленных в указанном регионе государств, а также на используемых для обозначения региона вариациях («Азиатско-Индо-Тихоокеанский», «Индо-Азиатско-Тихоокеанский» и проч.). Старший редактор Первого канала Кристина Линдт, основываясь на анализе базовых стратегических документов, а также на примере роли США и заявлений их официальных лиц в ходе недавней смены власти в Венесуэле, выявила основу лингвистического посыла американского мессианизма.

Трансатлантическая линия была представлена в докладе дискуссионной секции профессора А.Г. Шляхтунова, в ходе которого автор предложил рассматривать НАТО не только с точки зрения военно-политического альянса, но прежде всего как экономико-политико-военную организацию.

Два из четырех докладов, сфокусированных на европейской тематике, были посвящены внешней политике отдельных государств. Так, доцент Дипломатической академии МИД России к.полит.н. Л.Н. Кулябина на примере анализа внешней политики современной Швеции обратила внимание на то, что рассмотрение внешней политики исключительно исходя из практических действий государства на международной арене, без связи с системой взглядов и изучения влияния общественного консенсуса на формирование внешнеполитического курса, дает искаженное представление о направленности внешней политики и ее приоритетах. Старший научный сотрудник Института Европы РАН к.полит.н. К.А. Годованюк, говоря о глобальной повестке внешнеполитического курса кабинета Терезы Мэй, зафиксировала базовое противоречие этой установки с пока не реализованным Брекзитом, отметив, что запуск процедуры выхода из ЕС стал результатом опрометчивых обещаний Дэвида Кэмерона в рамках предвы-

борной кампании, т.е. соперничество на внутривнутриполитической арене предопределило действия во внешней политике.

Несомненным украшением секции стали выступления профессоров МГИМО. Модератор секции д.полит.н. Т.В. Зонова, обозначив Италию как лабораторию «совранизма», провела сравнительный анализ евроскептицистских настроений партий «Лига» и «Движение Пяти звезд», прояснив позиции и шансы евроскептиков на предстоящих в мае выборах в Европарламент. А профессор Д.А. Данилов, посвятив выступление общеевропейской обороне, скептически высказался относительно реалистичности создания Оборонного союза как инструмента политики сдерживания не только к 2025 г., но и вообще в обозримой перспективе.

В целом V Международная научно-практическая конференция «Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы» продемонстрировала высокий научный уровень докладов и сообщений и собрала представительный состав ученых.

Спектр высказанных на конференции мнений, суждений, выступлений, оценок, практических выводов и рекомендаций способствовал формированию общего представления и лучшему пониманию характера современных международных отношений и возможных путей решения сложных насущных проблем.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 20 тыс. знаков и не должен превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами) без учета аннотации.** Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям)

и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Список литературы»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 С.

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С. 00-00.

– для интернет-источников:

1) Автор. Название / Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала / Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Список литературы») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки – примечания должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте: vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языке
- название статьи на русском и английском языке
- аннотация и ключевые слова на русском языке
- аннотация и ключевые слова на английском языке
- текст статьи
- список литературы

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2019. № 2 (20)

Редактор *В.В. Шапошникова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *Т.А. Пробыловой*
Художественный редактор *В.Р. Димухамедова*

Подписано в печать 21.06.2019. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13,1.
Тираж 100 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5